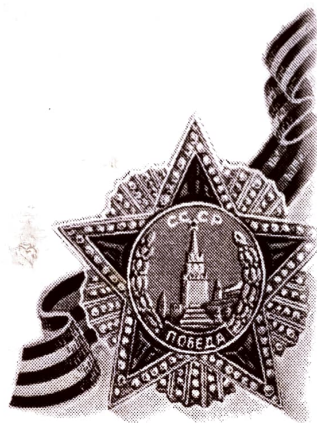

Судьбы, опаленные войной

1941-1945 гг.

По материалам газет
«За коммунизм»
и «Камышловские известия»

*Всем камышловцам,
ковавшим победу,
посвящается...*

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые друзья! Перед вами — необыкновенная книга. Она составлена из воспоминаний камышловцев — участников Великой Отечественной войны. Большинство из этих воспоминаний уже были в свое время опубликованы на страницах нашей местной газеты. К сожалению, время властно над жизнью человеческой. Годы идут. Ветераны один за другим уходят. Меняются поколения. Но строки, написанные когда-то и опубликованные на газетных страницах, живы. Только кто их видит? Газетные подшивки ежедневно доступны лишь сотрудникам редакции, музея да архива. Вот и решили авторы сделать их доступными для всех.

Инициатором и автором-составителем этой книги стала ветеран-педагог М.И. Полуяктова, которая пересмотрела сотни газетных публикаций на тему войны, опубликованных в местной газете. Здесь использованы и личные архивы фронтовиков. А снимки, которые сопровождают каждую главу, и подписи к ним любезно предоставили для книги сотрудники городского краеведческого музея.

Соавтором М.И. Полуяктовой является депутат городской Думы, подполковник милиции, внештатный корреспондент нашей газеты О.В. Нифонтова. Это она работала с собранным материалом, набрала его на компьютере, систематизируя по темам, выбирая самое интересное, останавливаясь на самых трагических судьбах камышловцев.

Здесь ничего не исправлено, сохранен стиль того времени, когда заметки и воспоминания были опубликованы или рассказаны и записаны для хранения в личном или городском архивах. Составители не ставили своей целью что-то уточнять, исправлять или корректировать. Как было опубликовано когда-то — так и вошло в данный сборник.

Авторы очень надеются, что книга будет востребована не только героями и родственниками тех, о ком здесь рассказано, но и широким кругом читателей, интересующихся историей родного края, судьбами своих земляков. Подготовленная в год 60-летия великой Победы, данная книга станет достойным вкладом в дело воспитания патриотов нашей малой родины, какой для каждого из нас является земля камышловская.

Людмила ЧИРКОВА,
редактор газеты «Камышловские известия»,
член Союза журналистов России.

И все-таки мы победили!

Прошло 60 лет с того светлого майского дня, когда над рейхстагом взвилось победное знамя, возвещая всему миру об окончании второй мировой войны, ставшей для нашей страны Великой Отечественной. Закончились 1418 дней и ночей, насквозь пропитанных кровью и страданиями народа и его бесконечной верой в Победу. Многие с тех пор изменилось в нашей жизни, поменялись ценности, но навсегда останется в памяти величие советского народа-освободителя, частью которого являются и наши земляки.

*Полею вдоль берега крутого,
Мимо хат
В серой шинели рядового
Шел солдат.
Шел солдат, преград не зная,
Шел солдат, друзей теряя,
Часто бывало,
Шел без привала,
Шел вперед солдат.*

*Шел он ночами грозowymi
В дождь и град.
Песню с друзьями фронтовыми
Пел солдат.
Пел солдат, глотая слезы,
Пел про русские березы,
Про карие очи,
Про дом свой отчий
Пел в пути солдат.*

*Словно прирос к плечу солдата
Автомат.
Всюду врагов своих заклaтых
Бил солдат.
Бил солдат их под Смоленском,
Бил солдат в поселке Энском,
Глаз не смыкая,
Пуль не считая,
Бил врагов солдат!*

Поля к победе

Шел 1942 год. Я находился в действующей армии под Сталинградом. Однажды командир приказал отряду разведчиков-подрывников, в котором я состоял, пробраться на станцию Толдудово. Вблизи нее находился большой склад огнестрельного оружия, который надо было поджечь.

Темной ночью мы пробрались к складу и обстреляли его зажигательными пулями. Склад загорелся, осветив окопы фашистов, и наша пехота пошла в наступление. Гитлеровцам некогда было пожар тушить, оружие и боеприпасы были уничтожены.

Памятным оказался момент встречи с врагом под Ельцом. Капитан Бабичев дает задание:

— Привести «языка».

— Будет «язык!» — отвечаю.

Тщательно подготовился к вылазке в стан врага. Изучил по карте местность, проглядел ее с передовой в бинокль. Впереди была мелкая речушка, заросшая по берегам кустарником. На сторону гитлеровцев прошел незамеченным. В лесочке стояла запряженная в повозку лошадь. На повозке дремал немец-ездовой. Я неожиданно напал на него. Под угрозой направленного на него автомата заставил немца ехать в нашу сторону. Сдал «языка» в штаб батальона прямо с винтовкой и пулеметом. Задание выполнил. За годы войны не раз приходилось смотреть смерти в глаза. Но воля к победе над лютым врагом нашей Родины помогла нам, советским воинам, наголову разбить фашистскую гадину.

П. Шишляев.

(«За коммунизм», № 29, 1970 г.).

Разделили 15 секунд

После Сталинграда и Орловско-Курской дуги мы успешно продвигались на Запад, освободив польские города Люблин, Радом и Лодзь, наши части вышли на восточную окраину г. Познань и завязали уличные бои. Бои были жестокие, кровопролитные.

Горячие схватки завязывались не только за каждый дом, но и за каждый этаж. Бывало, займут наши первый этаж, немцы перебираются на второй и третий. От Познани до немецкой границы оставалось не более ста пятидесяти километров. Фашисты стали оказывать отчаянное сопротивление.

В жаркий полдень 1944 года мы вместе с

пехотой освободили очередной жилой квартал. Я с командиром дивизиона забрался на четвертый этаж кирпичного здания для лучшего обзора.

Майор Лавриненко, статный, боевой командир, награжденный орденом Красного Знамени, опустив бинокль, коротко сказал: «Слушай, Свешников, пойдика, подбери уголок для нашего штаба, — а сам склонился над топографической картой и стал наносить на нее цели, расположенные за городом.

Я моментально спустился в полуподвальное помещение, поставил там стол, стулья, убрал немецкие мундиры и плащпалатки и вернулся на место. Но Лавриненко я не застал ни живого, ни мертвого. Ординарец, находившийся в этой же комнате, метрах в 4-х от окна, с горечью сказал:

— Вы еще подсчитывали ступеньки второго этажа, товарищ старший лейтенант, когда здесь, на четвертом, разорвался вражеский снаряд. Он угодил прямо в майора и не оставил следов, лишь в углу лежал лоскут от его обгорелой гимнастерки. Все сгорело в каком-то адском огне.

Сожалеея о гибели майора, я с волнением подумал: «Ну, а если бы Лавриненко послал искать место для штаба не меня, а своего ординарца (это было бы естественно и вполне объяснимо), значит, нас не было бы обоих, ведь мы стояли рядом, наблюдая за уличным боем в бинокль. Значит, и здесь смерть прошла мимо меня, и отделяло от нее всего лишь 15-20 секунд.

— А как вы-то уцелели? — спросил я ординарца.

— Не знаю, от этого снаряда и осколков-то не было, смотрите-ка, на стенах ни одной раковины. Наверное, из-за этого и я остался жив.

— Да, — подтвердил я, — вы правы, раковин действительно нет. Значит, разорвались здесь не снаряд или мина, а фугас-патрон. На нашем языке — это ручной гранатомет, начиненный термитом. Он предназначен для уничтожения танков. Мгновенно горящий термит при попадании в цель развивает температуру до трех тысяч градусов. Он-то и испепелил нашего командира.

Ординарец, потупив голову, прослезился.

И. Свешников. (№ 151. 1987).

Родные кровинушки

Стоял дождливый осенний вечер, когда мы переступили порог дома в деревне.

Б. Квашнино за речкой Овинной. Данила Моисеевич не сразу обратил внимание на вошедших. Мыслями он весь был в прошлом — печальном, суровом и страшном. Сколько лет прошло? Но отцовское сердце и по сей день не может смириться с тяжелой утратой. Четырех сыновей потерял он на фронтах.

Сам Данила Моисеевич все свои силы отдавал ускорению победы над врагом. Правда, не в боях, а в трудовой армии. Однако без того, что она делала, фронт обходиться не мог.

Сколько раз вот так же, в вечернюю пору, после работы он вынимал из старого конверта «похоронки». Украдкой, чтобы не заметила жена, утирал невольно навертывавшиеся слезы. Огромная тяжесть наваливалась на плечи. Всегда внешне спокойный, сдержанный, он в этих случаях с трудом справлялся с нахлынувшими чувствами.

За этим нерадостным занятием застали мы Чуркина и в тот ненастный октябрьский вечер. Товарища теряешь в бою — будто кусок из сердца вырвали, а тут четырех сыновей не стало!..

— Ох, — вырвался у него стон из самой глубины души, — родные мои кровинушки!

Вокруг глаз давно свили себе гнезда морщинки. В самых уголках тонкие красные прожилки. Сед и стар наш Моисеевич, хоть и коренаст и широк в плечах. 81-й год разменял. Одним из первых в колхоз вступил.

...Долго беседовали в тот вечер. Говорили о каждом из сыновей. Пять их было у отца. И вот 4-х потерял на фронтах Великой Отечественной войны. Мы читали письма с полей сражений, потемневшие от времени документы, и постепенно, хоть и скупно, вырисовывался облик каждого.

Ефим был смелым и сильным. Первым ушел на фронт. На западе дрался с озверевшими гитлеровцами за освобождение Белоруссии. Тяжко поранили его черные пришельцы. А вылез, снова на фронт попросился. Жаркая шла битва под Орлом, когда туда прибыла часть, в которой он служил. Уже много раз взвод, которым командовал Ефим, поднимался в атаку. Вряд ли найдешь на карте деревушку Первую Никольскую. Враг превратил ее в опорный пункт. Уже не один десяток фашистов нашли себе под ее хатами погребель. Но не равными были силы. Погиб Ефим в одной из яростных атак за эту деревушку. Память об отце свято берегут его дочери. Лида — фельдшер в Камышловое. Валентина — учительница средней школы № 1.

Под Орлом сражался и Андрей. Ушел на фронт осенью 1941 года. Гвардейцем стал. Бесстрашно воевал с фашистами. Много раз

его награждали за подвиги. Потом добровольно вступил в отряд десантников. Дорогами боев пробирался до деревни Дуброво, что на Орловщине.

Октябрьской дождливой ночью выбросился их десант под этой деревней. Всю ночь до рассвета в гуще врагов. Всю ночь в боях. Тут и перестало биться сердце Андрея. Не успели пробиться. Много скопили здесь немцы сил. И ветры обведали русую голову любимого сына Данилы Моисеевича, и ливни обмывали, и пели над ним прощальную песню колоса несжатого поля. А могилу Андрея так и не удалось отыскать.

Все сыновья Данилы Моисеевича поднялись на бой с захватчиками в первом же году войны. Вот и Иван в октябре уже ходил в атаки под Калинином. Он был рядовым стрелком. Храбростью своей заражал бойцов. Свидетельство тому — награды, которыми удостоило его правительство. Только тяжелое ранение навсегда вывело его из военного строя, но трудится Иван и по сей день. Детей у него нет. Сердце его радуют сыновья Андрея. Один из них — шофер, второй — обжигальщик на заводе «Строительных материалов». Иосиф погиб на белорусской земле. Федор — неизвестно где.

Слушая Данилу Моисеевича, читая многое, что удалось узнать о его сыновьях, мы с грустью сожалеем о том, что так мало знаем о погибших. А память живых требует, чтобы имена земляков наших, погибших в боях за Родину, были написаны крупно, на видных местах.

М. Тереховец. (№ 13. 1972).

Пять — и все фронтовики

Было нас у родителей пятеро: Иван, Михаил, Александр, Степан и я. Над Родиной нависла угроза фашистского порабощения. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» — на этот призыв коммунистической партии откликнулся весь наш народ. Ушли на фронт и мы, братья Приваловы. Никто из родных не плакал. Одна мать не удержалась. Залилась горькими слезами. Все понимали: идем на священное дело, на защиту Отечества.

В бой мы вступили танкистами. Правда, на разных фронтах. Я на Кубани с врагом дрался. Степан — на Кавказе. Михаил — на Западе Украины и так далее. Михаил в первом же бою уничтожил гусеницами своего

танка два пулеметных гнезда противника, расстрелял прямой наводкой десятки гитлеровцев. Но и сам головы не снес. Погиб геройской смертью. Иван и Степан пали смертью храбрых позднее, уже в наступательных боях.

Александр командиром танка с боями прошел всю войну. На грозной своей машине бился с фашистами в самом зверином логове. Посчастливилось брату, до Берлина дошел! Штурмовал рейхстаг, вся грудь в орденах.

А я сражался на фронтах три года. Случилось так, что танк пришлось сменить на пулемет. Это было в 1943 году. Никогда его не забуду. С боями освободили станцию Кавказскую города Армавир и Кропоткин, всю станцию Крымскую. Тяжелые шли бои.

Километрах в 80-и от города Кропоткин мы вышли на рубеж сближенного боя. Гитлеровцы были в более выгодном положении. Они окопались в окопах полного профиля с нишами. Укрепились на господствующих высотах. А наше подразделение ночью совершило марш. Пришлось занимать позиции у подножья высот. Отдыхать долго было некогда. Командиры объяснили порядок атаки. Начался штурм. Страшный бой разгорался с невероятной силой. Мы часто сходились с немцами в штыковой удар. Пускали в ход все: гранаты, приклады, ножи. Много крови и жизней отдала наша рота, чтобы выполнить приказ командования: очистить высоты от ненавистных захватчиков. Все дрались, как львы.

Помню, как командир наш, коммунист Сорокин, перед самым броском в траншею противника поднялся во весь рост и крикнул: — Вперед, товарищи! За Родину! За Партию!

Силы как бы удвоились. Поддерживая и выручая друг друга, мы вскакивали в траншею, схватывались с фашистами. Я стрелял из пулемета в ниши, куда от страха забились гитлеровцы. Опустили диски с патронами, и мы с напарником, орловским рабочим Мишей, забрасывали фрицев гранатами, обрушивали на их головы тело пулемета, приклад автомата. Траншеи заполнились трупами гитлеровцев.

Перед самой победой, когда уже фашисты обратились в бегство, и послышалось громовое «Ура!» бойцов наших подразделений, я почувствовал удар в голову и потерял сознание. Не миновала и меня шальная пуля. Обидно. Больше драться с врагом не пришлось. Долго меня лечили. Все же встал на ноги. Теперь — рабочий металлостроителя.

Есть у меня большая радость. Сын мой Георгий после окончания танкового училища

продолжает традиции семейной династии фронтовиков-гвардейцев.

П. Привалов. (№ 144. 1966).

Похоронен был дважды заживо

В Волгоград Иван Александрович Бекетов заехал, возвращаясь после отдыха в Крыму на Урал. Поднялся на Мамаев Курган, постоял в Пантеоне Славы у мозаичных мемориальных досок с фамилиями павших и вдруг в длинном списке увидел: «Бекетов Иван». Стоял живой солдат рядом с памятником самому себе и, не стыдясь, плакал.

Он ушел на фронт, когда пришла «Похоронная» — извещение о гибели отца. Сорок второй год — учиться солдатским наукам пришлось Ивану наскоро. Через два месяца попал Бекетов на Волгу. Три дня шла маршевая рота на юг, к Астрахани, а потом, по срочному приказу, за двое суток вернулась в Сталинград. Отоспались в вагонах, в несколько рядов протянувшихся от Бекетовки до Сталинграда — что-то вроде противотанкового заграждения. Почему запомнилось это Ивану? Очень просто: поселок Бекетовка, он Бекетов.

Два дня простояла рота в обороне. Если говорить честно, оробел Иван Бекетов. Войны-то он еще не видел, под бомбежкой побывал раз — вот и весь его боевой опыт. А тут стрельба — то справа, то слева, то впереди: кто стреляет, в кого — ничего не понял Иван. Не понял даже, где немцы, а где свои. Но догадался, что делать: все два дня присматривался к действиям боевых солдат. И стал кое в чем разбираться.

А потом команда: «В атаку!» В купоросной балке собрались с силами и ударили по немецким позициям у подножия Лысой горы. Заняли первые траншеи. И тут же контратака гитлеровцев. Отбили ее, хотя с Бекетовым конфуз вышел. Приготовил он карабин к бою, дернул затвор — не открывается. Еще раз дернул — и понял: засорился, чистить надо. Положенище! Не будем теперь задним числом упрекать его. Ведь это был первый бой оглохшего от гула солдата-новичка.

Трое суток рота отбивала атаки одну за другой. Фашисты пристреляли с Лысой горы все пространство позади и не давали никому выбраться из траншеи. Несколько связных, посланных на КП полка, были убиты в десяти-пятнадцати шагах.

Из командиров остались политрук да старшина. Половина бойцов — раненые. Патронов почти нет, гранаты еще раньше кончились. Раненые пить просят. И тут к исходу вторых суток свои же открыли огонь: видимо, считали, что рота вся полегла, и у подножия Лысой горы немцы. Положение было критическим. Политрук обратился к бойцам:

— Выхода нет, и я опять прошу добровольцев идти на связь. Кто-нибудь должен дойти. Есть желающие?

Иван Бекетов поднял по-школьному руку и сказал:

— Я — желающий!

По ложинке он полз уверенно: высмотрел, что и как еще в окопе, знал и самое опасное место — бугорок впереди. Немецкий пулеметчик уже пристрелялся к нему, мышшь не проскочит. Лежа у сухого ручья, чутко слушал Иван работу вражеского пулемета. Вот очереди пошли шить песок в сторону, сейчас пулеметчик спрячется в своей ячейке. Вперед! Пулемет ударил секундой позже, чем Иван плюхнулся в пыль по ту сторону бугра.

Играя в прятки со смертью, пробирался вперед Бекетов и вдруг услышал щелчок затвора и тут же увидел солдата в родной защитной форме, целившегося в Ивана. Невозможно привести ту фразу, которую вместо приветствия произнес тогда Иван.

Рассказал Бекетов о положении в роте — и спать. А на следующий день в атаке на ту же Лысую гору — шли своих выручать — встретила пулеметная очередь бегущего во весь рост Ивана.

Раненый, он до ночи лежал в балке среди убитых. Его уж тоже погибшим посчитали в роте, отправили матери, Прасковье Андреевне, «Похоронную». Но Ивана все же обнаружили среди мертвых опытные санитары.

Было радости в Салтыковском переулке, в Камышлове, когда вслед за извещением о гибели Ивана пришло от него письмо: «Здравствуй, мама! Я жив и здоров!»

По правде говоря, здоров он не был. Месяц лежал в госпитальной землянке на Голодном острове, там же, в Сталинграде. Раненую ногу хотели ампутировать. Несколько госпиталей сменил Иван: Красный Кут, Камышин, Энгельс, Орск. Поставили-таки его в строй.

...Столицу Украины прошли ночью, окраинными улицами. Очень жалел Иван, что не пришлось увидеть днем древний город.

У одной из деревень фашисты танковой атакой заставили полк, в котором воевал наш Иван, временно отступить. Но через несколько часов наши бойцы не только вернули упу-

щенное, но и дальше продвинулись. Бекетов в это время был уже первым номером в пулеметном расчете.

Налетела вражеская авиация. Фугаска с полтонны весом упала недалеко от Иванова окопа. Его засыпало землей, лишь сапоги торчали наружу. Это и спасло Бекетова. Задыхаясь, он делал отчаянные усилия выбраться из-под пласта земли. Товарищи увидели его шевелящиеся кончики ног и откопали.

А тут как раз пришлось полку отходить. Так и не узнали многие, кто видел, как у Иванова окопа разорвалась бомба, что его спасли. Сообщили в штаб, что он убит. И опять полетела в Камышлов «Похоронная».

А Бекетов снова шел вперед, и снова мать получала от него письма: «Я жив и здоров». Говорят, после этого в Салтыковском переулке, откуда ушло на фронт 13 человек, а вернулось после войны двое, многие женщины воспряли духом: а вдруг, и их мужья и сыновья, несмотря на сообщения о их гибели, живы. Шутка ли, дважды Прасковья Бекетова оплакивала погибшего Ванюшку — и оба раза напрасно.

Иван Бекетов прошел всю войну, закончил ее в Праге, в составе 58-й гвардейской стрелковой дивизии. Он сменил много специальностей, став, в конце концов, разведчиком.

Да, ошиблась война: не погиб Иван Бекетов! Но четыре раза лежал он в госпиталях, не считая легких ранений.

У Бекетова два ордена Славы 3 и 2 степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», несколько медалей за освобождение городов. А вот медали «За оборону Сталинграда» нет, хотя должен был ее получить! Я спросил: «Почему не получил?» И услышал в ответ: «Не хлопотал, потому что не в медалях дело».

Что ж, с ним можно соглашаться и не соглашаться. Одно ясно: воевал он не ради наград и званий. Главное было — отстоять Родину, без которой никому из нас и жизнь не в жизнь.

Сейчас Иван Александрович Бекетов работает мотоциклистом Камышловского торгового предприятия. Целый день гоняет на своем трехколесном от магазина к магазину. Внешне несложно: подумаешь, привез-увез. Но, когда завмаги просят, чтобы именно он, дядя Ваня, обслуживал их торговые точки, понимаешь: есть, значит, что-то такое в его работе, отношении к делу, без чего не могут обойтись подопечные Бекетова.

Главное — утвердить себя, свое отношение к жизни, чтоб не стыдно было перед те-

ми, с кем бок о бок дрался за право жить. Дрался — и победил, он, дважды похороненный солдат.

В. Денисов. (№ 180. 1972).

**Ивану Александровичу
Бекетову посвящается**

Убитый дважды — не убитый,
Опять живой, опять в строю,
В сырую землю не зарытый,
Среди своих, опять в бою.

Не верь, родная, похоронке,
Не плачь и слез своих не лей,
Твой сын — солдат в чужой сторонке,
Стучится в логово зверей.

Врагов-фашистов нет в помине
Их прах развеян по земле...
Назло смертям ты здравствуешь поныне,
Горды тобой и счастливы вдвойне.

Сейчас солдат на мирном фронте
И славит родину трудом,
Мы мирный люд, и нас не троньте,
Мы не забудем о былом.

Б. Золотов. Ленинград.

*Написано после заметки В. Сыюка
в газете «Правда» и прислано
в редакцию газеты «За коммунизм».*

Умирали за победу (исповедь старого солдата)

Хорошо помню воскресенье 22 июня 1941 года. В колхозе дали выходной. Это для нас было радостью. В это время молодежь была в поле от темна до темна. Собрались в клубе. Взрослые ребята играют в бильярд. Нам, которые поменьше, не разрешают. Входит директор школы Виноградов. Все почему-то сразу обратили внимание на его необычно суровое лицо. Он собрался с духом и громко сказал:

— Германия напала на Советский Союз.

В то время мне и моим сверстникам было по 14–15 лет. После ухода на фронт старших, взяли на себя всю мужскую работу. Скоро стали приходить с фронта раненые. Первым прибыл А.С. Рудаков. Окружили его, спрашиваем:

— Ну, как там на фронте.

— Воюют земляки, — отвечает, — а я вот отвоевался.

Тем временем подросли и мы. В ноябре 1943 года призвали нас в армию. В августе 1944 года прибыли в действующую армию. Попали мы как раз на 3-й Прибалтийский фронт в Эстонию. Мы с другом Николаем Кочневым никогда не расставались. А тут нас разлучили. И пошел я в бой с В. И. Мельниковым и Гришей Шевелевым. А сам я был связным у лейтенанта Политова, который уже изрядно понюхал порошу. Утром 13 сентября нас что-то долго не кормили. Подходит ко мне командир Политов и говорит:

— Вижу, что есть хочешь.

И достал из сумки кусок хлеба. Хлеб разрезал на две половинки. Мы с аппетитом прожевали его. И только командир пошел вдоль траншеи, как вдруг: бух! — разорвался снаряд. И тут кричат:

— Убило Политова!

Я выпрыгнул из траншеи, Политов лежал, уткнувшись головой в траву. Мы с Василием Мельниковым взяли лопаты и стали копать могилу нашему командиру. Сорвали с березы кору, закрыли его лицо, шинелью накрыли тело, так и закопали его. Я же знал его судьбу. У моего любимого командира фашисты расстреляли жену и двоих детей, только за то, что он был коммунистом.

Мы пошли в наступление. А когда пошли в атаку, я увидел моего дорогого друга Николая Прохоровича Кочнева, с которым все делили пополам. Несказанно обрадовались встрече. Поздоровались и снова побежали вперед. Взяли по две траншеи и сразу хотели перескочить в третью, но тут меня как железом ударило по спине, автомат выпал из рук и я упал. В траншее уже лежали раненые. Кто-то меня еще успел стащить вниз. Но перевязать не могут. На мое счастье, Кlementьев, земляк из Малой Пулькиной, объявился. Не мог найти пакеты, так снял с себя рубаху и перевязал меня. Нечего было и думать, чтобы сейчас же отправлять в санбат. Сильный обстрел продолжался почти всю ночь. Так и пришлось заночевать в немецком блиндаже, а утром обнаружилось, что четверо из семи раненых умерли. Один из тех, кто больше не поднялся с земли, был уралец из Каменского района Вася Прясин. Наверное, его родители, если еще живы и не знают, как погиб их сын. Он умер у меня на глазах 15 сентября 1944 года. Я же вечером того дня оказался в медсанбате и 5 месяцев не поднимался с больничной койки. Перенес несколько операций. А 4 апреля 1945 года был опять уже на фронте. 2 мая наши взяли Берлин, а мы еще воевали. 8 мая пошли в наступление, а утром 9 мая услышали радостную весть:

— Победа!

Всегда вспоминаю однополчан. Самый любимый был у нас Гриша Шевелев, смелый, находчивый. Вступил с немецким офицером в поединок и вышел победителем. Спас жизнь старшине роты. Но не суждено было Грише вернуться. Погиб он на Прибалтийской земле.

Сложили головы в этих местах только из Кочневского сельского Совета: Д.С. Кочнев, И.П. Кочнев, Н.М. Кочнев, Ф.Я. Бекетов, И.В. Николаев, Г.А. Шевелев.

Простите, если что не так написал. Никогда раньше в газету не писал. На этом остаюсь жив и здоров.

С уважением

*Кочнев Сергей Афанасьевич, с. Кочнево.
(№ 71. 1979).*

Без вести пропавшие

Эти страшные слова черной стрелой пронзили мою фронтовую биографию. В течение первых шести месяцев войны я официально находился в списках без вести пропавших. В первый и второй день войны. Оставив подбитый танк Т-26, мы, отбиваясь от автоматчиков, стали пробиваться к городу Кобрину, что в 30-и километрах от Брестской крепости. Влились в оборону на реке Муховец (приток Западного Буга), в Кобрине находились штаб нашей 4-й армии, аэродром и склад боеприпасов. Всю ночь мы довооружались, приняли горячую пищу, благо, фашист не стрелял, отдыхали после изнурительных двухдневных боев за крепость.

С рассвета третьего дня воины армии Манштейна и танки Гудериана повели наступление на наши оборонительные позиции, одновременно подвергая бомбежке с воздуха.

Бесчисленное количество атак отбили наши войска, нанося ощутимый урон фашистам, неся при этом огромные потери в живой силе и технике (ведь оборонялись без воздушного прикрытия).

Вечером мелкими подразделениями без техники и боеприпасов, группами и в одиночку, уцелевшие бойцы и командиры потянулись в леса и болота, чтобы пробиваться на восток, к своим. Мы уже попали в отряд окруженцев, а попросту были «без вести пропавшие». А позднее, в 1942 году, я узнал, что мои родители получили казенную бумагу, где сообщалось: Ваш сын при защите социалистической Родины без вести пропал. Такую судьбу обрели сотни тысяч солдат и команди-

ров в трагическом 1941-м, многие канули в неизвестность.

Из наших однополчан-танкистов остались мы двое — я и мой товарищ по школе, односельчанин Павел Куличков (стрелок-радист нашего Т-26). Мы с Павлом примкнули к боеспособному подразделению, где командовали танкист-полковник и старший батальонный комиссар-пограничник. Подразделение состояло из окруженцев всех родов войск.

Ведя кратковременные бои с карателями, уничтожали на своем пути заслоны, нападали на склады и штабы. Подразделение мужало и крепло. А в лесах и болотах повсюду шли ожесточенные бои окруженцев. Мы прошли Пинскую, Брестскую, Барановичскую, Мозырскую, Полесскую области и вышли к линии фронта только под Гомелем. Здесь окруженцев срочно грузили в эшелоны и отправляли под Смоленск, который находился на осадном положении. Мы попали из огня да сразу в полымя. Срочно нас обмундировали, вооружили и влили в Смоленскую бригаду.

Мы заняли оборону на берегу Днепра. Бои шли ожесточенные, а смоленский оборонительный рубеж был окружен фашистами. Вот почему посланное мною письмо при выходе из окружения не дошло до адресатов. Наша бригада была боеспособная, и командование перебросило ее на оборону Соловьевской переправы, которая еще держалась. По выходе из окружения меня угораздило попасть прямо в Вяземский «котел». Ведь третьего октября 1941 года немецкие войска прорвали вторую оборонительную линию в районе Вязьмы и танковыми клиньями повели наступление на Ржев и Калинин, чтобы с ходу взять Москву.

220-я стрелковая дивизия попала в полосу главного удара и понесла невосполнимые потери. Наш батальон был в центре обороны и к вечеру после ожесточенных схваток и огнеметной атаки был окружен. Ночь выдалась звездная, морозная, а мы, одетые в летнюю форму, потянулись в блиндажи, чтобы обогреться и до рассвета уткнуться в Ржевские леса за отступающими войсками. Однако наши планы нарушили немцы, они нас выследили и атаковали блиндажи, выкуривая нас гранатами и дымовыми шашками. Так остатки батальона очутились в плену.

Уже рассвело, и нас погнали в сторону Сычовок, подгоняя окриками и автоматными очередями. Днем в одной деревне охрана сделала для пленных привал. Сердобольные крестьянки со всех сторон несли бойцам еду, на что немцы не обращали внимания (види-

мо, среди них не было эсэсовцев). Мне тоже перепала пара картофелин и кусок ржаного хлеба.

Пользуясь случаем, я зашел за амбары, которые стояли в один ряд на свайных опорах, и залез под один из них, надеясь на удачу. Оказалось потом, что на такую удачу надеялся не один я. Однако это обернулось большой трагедией. Немцы обнаружили нас и быстро «выкурили» огнем из укрытий. Нас оказалось несколько десятков человек, и мы были поставлены вдоль стены амбаров. Колонну пленных подняли, а перед нами поставили танковый пулемет. Офицер произнес речь и дал команду: «Огонь!» Грянула короткая пулеметная очередь, несколько человек упали замертво, некоторые забились в предсмертных судорогах, немцы их добились. Остальных прикладами загнали обратно в колонну, которую погнали дальше к Сычовкам.

К вечеру остановились у большой деревни около кошар. Ночь выдалась темная и сильно ветреная, небо заволокло тучами. Овчарни стояли на опушке дремучего леса, и наш политрук Земенков решил организовать побег. В нескольких местах сделали в крыше лазы и по команде между вспышками ракет стали выбираться из сараев и удаляться в лес.

Когда наша группа ушла далеко от места побега, послышалась стрельба. Немцы обнаружили беглецов, но было уже поздно, ибо очень многим удалось благополучно вырваться из плена, а на погоню в условиях темной ночи дремучего леса сил у них было маловато. К вечеру наша группа нашла след 134-го полка. Остатки полка были сведены в лыжный батальон. Наступил ноябрь. Самолетами нам доставили зимнее обмундирование, боеприпасы, лыжи и мы пошли по тылам врага в Ржевские и Калининские леса, постепенно продвигаясь к линии фронта.

И первые посланные на родину письма наконец-то достигли цели. Я получил множество поздравлений от родных и близких — «в рубашке родился», «из мертвых воскрес» и т.д. и т.п. И такая судьба постигла сотни тысяч, а то и миллионы моих сверстников, защитников западных рубежей в 1941 году. Да и 1942 год был очень тяжелым, но уже переломным. Затем у меня была Сталинградская битва. Мы прошли через Курскую Дугу, Днепр, Корсунь-Шевченковский, Польшу, Сандомир и Берлин — логово врага. А война закончилась грандиозным, триумфальным Парадом Победы, в котором мне довелось участвовать.

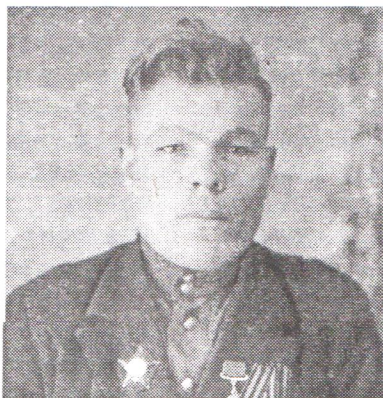
Н. Булаев. (№ 103.1995).

Победители:

они сражались за Родину

АБДУЛВАЛЕЕВ Абылкасым, 1922 г. Член КПСС, лейтенант, командир стр. взвода. Юго-Западный, 3-й Белорусский, 1-й Дальневосточный фр. 1942-1945 гг. 1 т. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией и Японией», юбилейные.

АГАПИТОВ Иван Григорьевич, 1923 г. Лейтенант, командир стр. взвода. Западный, 2-й, 1-й Прибалтийский фр. 1941-1945 гг. 1 т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

АГАФОНОВ Николай Александрович, 1904 г. Ст. лейтенант, нач. подсобного хозяйства армии. Калининский, 1-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

АГЕЕВ Иосиф Васильевич, 1902 г. Ст. лейтенант, ком. хоз. взвода. Ленинградский фр. 1943-1944 г. Л. ранение. Награды: медаль «За победу над Германией», юбилейные.

АЛИАЕВ Аркадий Михайлович. Майор, нач. отдела восстановления дорог. Западный, 1-й Белорусский фр. Награды: три ордена Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

АЛЕКСАНДРОВ Иван Михайлович, 1916 г. Мл. лейтенант, ком. стр. взвода. Западный фр. Т. ранен 1941 г. Награды: медаль «За победу над Германией», юбилейные.

АЛЕКСЕЕВ Роман Никитич, командир партизанского отряда до 1944 г., 1-й Прибалтийский фр., 1944-1945 гг. Дважды ранен. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

АНАШКИН Иван Маркович, 1900-1979 гг. Участник гражданской и Великой Отечественной войн, боец полка Красных Орлов.

АНИКИН Юрий Михайлович, 1925 г. Рядовой, стрелок. Калининский, 2-й Украинский, 2-й Прибалтийский, Забайкальский фр. 1942-1945 гг. 1 т. ранение, 1 л. ранение. Награды: орден Славы, медали «За отвагу», «За победу над Германией и Японией», юбилейные.

Отдавая дань времени, нельзя не сказать, что Коммунистической партией Советского Союза, первой взявшей на себя задачу построения светлого коммунистического будущего с его идеей всеобщего равенства и братства, было допущено немало ошибок. Но в народе говорят, что не ошибается тот, кто ничего не делает, а компартия в СССР была действительно руководящей и направляющей силой. Наиболее ярко это проявилось в годы Великой Отечественной войны. Авторитет партии, благодаря героическим поступкам политруков и комсorghов, был таким, что тысячи бойцов стремились стать ее членами, зная, что единственной их привилегией будет право встать первым навстречу смерти.

— Коммунисты, вперед!
Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(да и то не всегда)
Получает права
Командир, подымающий роту свою.
Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин в синеву,
И не встать под огнем у шестого кола.
Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях,
Закопанных в пашни, «КВ»
Высыхали тяжелые капли дождя.
И без козуха
Из Сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда
еле слышно
сказал командир:
— Коммунисты, вперед!..
Коммунисты, вперед!

Хочу в бой идти коммунистом

Первое боевое крещение я принял в боях под Москвой. Грозное и тревожное это было время. Бойцы понимали, что Москва — это олицетворение всей нашей страны, ее сердце. А сердце должно жить и биться. Бойцы ничего не щадили для того, чтобы разгромить вражеские полчища. В те дни мы уже знали о подвиге 28 бойцов Панфиловской дивизии. Все войска, защищавшие столицу, облетели слова политрука 1075-го стрелкового полка Ключкова, сказанные своим товарищам: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва».

Силы солдатам придавала любовь к родной отчизне и ненависть к врагу. Они своими глазами видели сотни и тысячи расстрелянных фашистами женщин, стариков, детей, их трупы были сложены в поленницы, как дрова. Чье человеческое сердце не закипит яростью при виде таких издевательств над мирными жителями.

И когда мы, политруки, проводили беседы с бойцами, видели, как рвутся они в бой. «Ни шагу назад!», — эти слова были у нас на устах. И так велик был наш патриотический порыв и патриотический подъем, что многие солдаты перед боем подавали заявления: «Прошу принять меня в ряды ВКП(б). В бой хочу идти коммунистом». И это было понятно. В самую трудную, решающую минуту жизни люди хотели связать свою судьбу с партией Ленина.

И потом, когда наша часть гнала фашистов с родной земли, многие беспартийные солдаты и офицеры вступали в члены партии. Помнится, когда мы воевали под Яссами, разбирали на партийном собрании заявление начальника связи дивизиона Лившица и других товарищей. А наутро началась мощная артподготовка. Наш дивизион первым открыл огонь. Четыре часа воздух сотрясался от грохота. В расположении противника не утихал огненный смерч. Враги не выдержали такого натиска и начали сдаваться. Оборона немцев была прорвана. 22 марта 1944 года наши войска освободили город Яссы. Многие бойцы и командиры получили ордена и медали. Я был награжден медалью «За отвагу», получил благодарность Верховного главнокомандующего товарища Сталина И.В.

Политрук на фронте — это не только организатор политической работы. Если можно так выразиться, он был инженером человеческих душ. Ведь надо было видеть не только, как солдат воюет, но и знать, какие

письма приходят ему из дома. А то был такой случай.

Прибыл к нам с пополнением узбек. С первых дней смотрю, плохое у парня настроение. Сумрачный такой ходит. Узнал я, что Захид — сирота, ни от кого никогда весточки не получает и особенно скучает, когда приходит почта. Кому письмо, кому посылка, а ему ничего.

Написал я тогда в комсомольские организации московских заводов, и других городов. И вот приносят нашему Захиду треугольнички. Парень опешил: от кого? Как? Прочитал и просиял весь: нашлись и у него хорошие друзья. Еще лучше стал воевать молодой солдат. Орденом его потом наградили.

Кровопролитными и жестокими были бои за Будапешт. Немцы оборонялись всеми силами. Зубами держались за каждую улицу, каждый дом, за каждый буторок.

Командир дивизиона гвардии капитан Свердлов приказал мне как парторгу с 10-ю бойцами занять круговую оборону в 4-этажном доме. Выделил одну боевую машину. Несколько раз поднимались фашисты в атаку. Мы встречали их пулеметным и автоматным огнем. «Катюша» пока молчала. А когда наступил критический момент, кончились патроны у моих бойцов, ударили мы из гвардейского миномета. И все. Этого было достаточно. Немцы выкинули белый флаг. «Катюши» они боялись больше смерти. 250 фашистов сложили оружие, а нас была только маленькая горстка бойцов.

За этот бой 12 февраля 1945 года меня наградили орденом Красного Звезды. Потом мы освобождали Чехословакию. Лично я участвовал в боях за Братиславу. Помню, как сердечно встречали словаки воинов-освободителей. Никогда не забуду радостные улыбки детей и женщин, цветы, которые они нам дарили. Приглашали в дом, угощали пирогами.

Война завершилась. Солдаты разъехались по домам, чтобы восстанавливать разрушенное фашистскими варварами хозяйство.

В. Морозов. (№ 75. 1975).

ПОДВИГ КОМСОРГА

После упорных боев под Ивановкой, что южнее Киева, наши ряды бойцов сильно поредели. На 60 оставшихся в живых бойцов ни одного офицера. Они погибли в смертельных боях с фашистами.

Б. БИБЛИОТЕКА

— Нужно установить связь с нашими, — сказал солдатам командир отделения противотанковых ружей, сержант И.А. Воробьев, — кто со мной?

Вызвалось двое. Пошли туда, где слышался шум боя. Оврагами, ползком по открытой местности добрались до своих. Командир полка, выслушав сержанта, обратился к человеку в фуражке с морской кокардой:

— Примите, капитан, командование. Село не отдавать ни в коем случае. Подкрепление пошлем.

Возвращались в батальон.

— Комсомолец? — спросил капитан.

— Так точно.

— Фамилия у вас распространенная. Я, вот, тоже Воробьев. Из Ленинграда. А вы?

— С Урала, товарищ капитан. Есть у нас такой городишко — Камышлов. Оттуда.

— Сибиряки да уральцы — добрые вояки, — дружелюбно сказал капитан.

...Часть переформировали. Капитана Воробьева назначили замполитом батальона. А обстрелянного уже солдата Воробьева избрали комсоргом. Фронт продвигался на запад. Комсомольский вожак всюду поспевал. Он читал солдатам сводки информбюро, разбирал на заседании комитета заявления о принятии в комсомол, поднимал из комсомольцев правофланговых. Он был и бойцом. Сражался вместе с солдатами в боях. Под Ворошиловкой бок о бок вместе с теми, кому накануне вручил комсомольский билет, шел в атаку, звал вперед. Первым бросался в бой, воодушевляя новичков.

Горами трупов платил враг за свои злодеяния. Белая Церковь, Умань, битва за окружение Корсунь-Шевченковской группировки немцев — вехи фронтового пути Ивана Воробьева.

Когда, форсировав Буг, наши войска вступили на территорию Румынии, капитан сказал комсору: «Пойдешь с головной ротой батальона». Шли по вязкому чернозему в отяжелевших сапогах и промокших шинелях. То тут, то там приходилось вступать в схватки с гитлеровцами. Отступая, они беспощадно уничтожали переправы. Но головная рота, на сей раз, опередила врага, уничтожила его и не дала взорвать большой мост через реку.

...Предгорья Карпат. После зимней спячки лес оживал. Он был полон щебета птиц, света, весенних ароматов. Чем-то напоминал родной Урал. Как хотелось мира, как тянуло в родной Камышлов! Но шел только апрель 1944-го. И фронтовые пути вели дальше и дальше — на запад.

Построили батальон. Комбат зачитал приказ о награждении воинов, отличившихся в боях. И все услышали: «Сержанта Воробьева — орденом Красной Звезды». Перед батальоном выступил генерал-майор.

— Чудо-богатыри! Вы стоите на земле, откуда недавно шли на нашу землю вражеские полчища. Прислушайтесь, как грохочут наши орудия! Перед вами ответственная боевая задача: прорваться в тыл противника, взять под минометный обстрел шоссе, окружения. Вы не раз доказывали, на что способны. Об этом свидетельствует и этот приказ о наградах. Они не поспели за нашим движением. Выполните задание, и мы вручим героям ордена!».

Ночь. Батальон идет вперед. Минометы — на лошадях. Только слышен стук копыт по камням. Внезапно тишину разорвала длинная пулеметная очередь. Где-то далеко заработал второй пулемет, потом третий. Батальон обнаружили. Успели расположиться на указанной на карте высоте. Немцы стянули сюда живую силу. Несколько дней подряд бросались в атаку. Не умолкали бои. Комсорг сросся с пулеметом. Прошивал фашистов. А они все лезли и лезли. Заканчивались боеприпасы. Продовольствие и воду уже добывали только у убитых фрицев. Стреляли из автоматов. Но кольцо вокруг высоты продолжало сжиматься. Надо отходить. Сержанту Воробьеву приказано прикрыть отход. В его распоряжении 6 бойцов. Пулеметами и автоматами они вели огонь с разных точек. В назначенное время батальон ушел. А затем, в густой темноте ночи, снялся Иван со своими бойцами. Группа Воробьева в условленном месте своих не застала. Наткнулась на немцев. Патроны расстреляли. Укрыли бойцов темнота да густой лес. Три дня пробивались лесом. Боеприпасы кончились совсем. Фашисты захватили их в плен. Два месяца Воробьев томился в Бакэу. При переводе в другой лагерь бежали. Он, майор-летчик и солдат-пехотинец. Укрылись в густой стене кукурузы и начали пробиваться к своим...

...И снова бои. Командиром минометного расчета форсировал Дунай. Шел по Болгарии, Югославии, в наступлении под Крагуевацем был ранен, а когда поправился, до конца войны был артиллерийским разведчиком.

Спустя 20 лет память воскресила все фронтовые дороги, награда нашла фронтового героя Ивана Артемьевича Воробьева.

Записки полкового комсорга

Николай Иванович Гладких, ныне преподаватель Камышловского педагогического училища, участник Великой Отечественной войны, за боевые заслуги награжден многими правительственными наградами.

Он учился в 58-й железнодорожной школе. Ушел на войну семнадцатилетним пареньком в январе 1942 года прямо со школьной скамьи. Было их в 10 классе тогда 17 мальчишек, из них 16 сразу в один голос заявили: «Наше место там, где сражаются наши отцы и старшие братья!» И отправились в военкомат.

Сначала учеба в Свердловске на 4-месячных курсах радистов, затем Николай Иванович прибыл в артиллерийский полк истребительной бригады. Назначили сначала радистом, потом начальником радиостанции. Друзья-комсомольцы избрали его секретарем комсомольского бюро штаба и заместителем комсорга полка.

В июле 1944-го Н.И. Гладких назначается комсоргом 1853-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка той же бригады. В этой должности он и закончил войну. У него хранится дневник военных лет. Первая запись сделана 12 июня 1942 года, по прибытии на Воронежский фронт, последняя — 24 апреля 1945 года. Этот уникальный, по своему юношеский дневник и в черновике, и в переработанном позднее виде хранится у бывшего комсорга полка как дорогая память о давно минувших днях, о великих сражениях советского народа. Вот некоторые страницы дневника полкового комсорга.

Стойкость сильнее натиска

7 июля 1943 года. Третий день Курской битвы. Нахожусь в одном из огневых взводов. Бой начался с раннего утра. Телефонная связь рвалась непрерывно. Гибнут телефонисты. Приходится заменять их нам, радистам. Исправив одно повреждение, под сильным вражеским огнем бежишь исправлять другое. Я в третьей батарее. Сзади вражеские автоматчики уже снова перерезали связь. День очень жаркий, а воды ни капли.

Батарея ведет неравный бой с 20 танками, а в ней осталось лишь три пушки. За полтора дня здесь было из строя 12 человек. Комбат, старший лейтенант Самарин, дал мне

пулемет и одного бойца Михаила Радионова.

— Будешь бить по врагу, — сказал он.

На нас двигались танки, а за ними вражеская пехота. Враг в 360-400 метрах. По танкам били наши пушки непрерывно, и немцы, нащупав нашу батарею, стали стрелять беглым огнем. Мы с Михаилом выпустили четыре диска патронов по пехоте. Но тут осколком снаряда разбило ствол пулемета. Запасного нет. Стреляем из карабинов. Фашисты пошли в обход, чтобы окружить нас. И вдруг видим: каким-то чудом пробравшийся к нам связной из штаба полка Сергей Новиков передал письменный приказ об отходе на запасной рубеж. На большой скорости, стреляя на ходу, мы прорвали цепь вражеских автоматчиков и, отойдя примерно километра три, снова заняли оборону и уже отсюда ни шагу не подались назад.

Получай, враг, расплату сполна!

Октябрь 1943 года. Проездом через село Мишурино. Видим следы жестокого сражения. Груды сожженных и подбитых вражеских танков. Наши наводят переправу через Днепр. Скоро будет веселее.

12 октября к переправе прибыло не менее 200 танков. Чувствуем: скоро прорыв обороны.

16 октября. Двухминутная артподготовка. Наши «КВ» и «Т-34» рванулись вперед. Идут дожди. Дороги раскисли. Вместе с парторгом полка Николаем Садченко обходим подразделения, даем напутствия воинам.

18 октября. Перед городом Пятихатки встретили кладбище немецких автомашин, а на станции взорванные эшелоны с боевой техникой и гитлеровскими солдатами. Все это результат неожиданной операции советских танкистов. В эшелоне много трофеев. Враг оставил в городе 250 автомашин, есть и тяжелые орудия. На станции эшелон с ранеными гитлеровцами, их не успели вывезти. Я еще не видел фашистских солдат такими жалкими. Вчера сытые и нахальные, сегодня — в глазах страх, подавленность.

Бои продолжаются. Наша радиостанция поддерживает постоянную связь с подразделениями. Ночью записываем сводки инфорбюро, утром знакомим с ними личный состав.

Собираем комсомольский актив. Обсуждаем проект письма ЦК нашей партии от комсомольцев и молодежи Советского Союза в честь 25-й годовщины ВЛКСМ. Клянемся изгнать врага с нашей территории. Освободить порабощенные народы. Подписались все.

Только вперед!

Август 1944-го. Мы в Румынии. Готовимся брать город Яссы. Всю политическую работу проводим с целью поднятия боевого наступательного духа личного состава. Враг все время совершает артиллерийские налеты на наши позиции. В ночь на 20 августа с нетерпением ждем артподготовку. Остаток ночи я провел в землянке командира батареи.

С утра 20 числа по земле расплылся туман. Часов в 5 противник, видимо, разгадав наши планы, повел интенсивный обстрел наших позиций. Время идет мучительно медленно. Остается один час до сигнала, но он кажется вечностью.

Ровно в 6.00 воздух прорезал скрежет артиллерийских орудий «катюш», по всему фронту открывших ураганный огонь по врагу. На головы фрицев полились сотни, тысячи тонн смертоносного металла. Туман еще не рассеялся. Враг огрызнулся, но слабо. Вблизи от взрыва тяжелого снаряда завалило землей милого и дорогого санинструктора батареи Марусю Ильиных. Ее быстро откопали. Маруся жива и почти невредима.

Наш огонь все усиливался. Туман стал рассеиваться, но вокруг все заволокло дымом. Артподготовка длилась полтора часа. Потом огонь был перенесен в глубину обороны врага, и вслед за огнем шквалом начали продвигаться вперед наши танки и пехота. Батареи снимаются с огневых позиций и тоже продвигаются вперед, сопровождая и поддерживая пехоту.

Прорыв совершен. За день продвинулись километров на 15. До Ясс остается семь километров. Один бросок на завтра. Мужество и отвагу проявили артиллеристы двух батарей под общим командованием заместителя полка капитана Волкова, ворвавшиеся первыми в город. Капитан погиб в бою. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. В перерывах между боями короткие беседы. Примеры из боевой жизни. Героев — множество.

Дела обычные — комсомольские

26 октября 1944 года. Иду в батарею по вопросу подготовки к 26-й годовщине ВЛКСМ. Вечером слушали мой отчет на партбюро полка.

27 октября. Пишу письмо на родину наших комсомольцев, рассказываю о боевых подвигах. Пишу характеристики для представления лучших к наградам. Оформляем «Боевые листки».

29 октября. Сегодня наш комсомольский праздник. Намеченное полковое комсо-

мольское собрание провести не удалось, так как три батареи выехали на передний край обороны. Собираем оставшихся комсомольцев пяти организаций. Капитан Балдин, наш замполит, делает доклад. Зачитывает подготовленные к отправке письма родственникам с рассказами о героях войны. Несколько человек выступили с ответным словом.

30 октября. Посетил комсомольцев всех трех батарей, которые выезжали на передовую. Поздравил с праздником, провел беседы.

31 октября. Объявили приказ о присвоении мне офицерского звания младший лейтенант. Начальник штаба полка сам прикрепил мне погоны со звездочкой. А вечером в кругу боевых друзей ее «обмыли, чтобы не ржавела».

Победа так близка

Наступление на врага, тяжелые бои, освобождение венгерских, чехословацких сел, вызволение советских людей, поляков, французов, сербов и других, оказавшихся в немецкой неволе. Нарастает темп наступления, повышаются требования к воспитательной работе среди личного состава.

А победа над врагом так близка. Бои идут на иностранной территории. Бдительность нужна вдвойне.

Сегодня 24 апреля 1945 года. Мы в Чехословакии, западнее города Брно. В перерыве между боями, в одном из оврагов заместитель командира полка майор Балдин, партторг капитан Кулик и я, теперь уже в звании лейтенанта, вручаем всем комсомольцам новые нагрудные значки ВЛКСМ. Они учреждены ЦК ВЛКСМ.

Прямо скажу: день торжественный. Значки получают комсомольцы, которые с боями прошли сотни и тысячи километров. Они с честью пронесли знамя комсомола полка.

Среди них новый значок ВЛКСМ получает ветеран полка отважный лейтенант Михаил Черников — командир батареи, на счету у которого десятки подавленных огневых точек врага.

Под гром аплодисментов, под грохот канонады недалекого боя получает комсомольский значок комсорг шестой батареи Александр Архипов, мой боевой друг. Это он спас мне жизнь в одной неравной схватке с врагом 27 августа 1944 года. Комсомольский значок прикрепляется к груди моих боевых друзей рядом с орденами и медалями. Пройдет много, много лет, когда по такому значку целое поколение юношей и девушек будут читать страницы истории сражений комсо-

мольцев за Отчизну мою, за мир на земле, за правду и счастье людей. Мы победим!..

* * *

Дневник комсорга полка Н.И. Гладких обрывается записью 24 апреля 1945 года. А потом, как объясняет он, писать было некогда. Последние дни войны были самые горячие и ответственные.

О судьбе однополчан мы узнаем и из других писем. Друзья-однополчане, бывшие комсомольцы и старые коммунисты не забыли своего друга, комсорга полка, прошедшего с боями Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию.

— Вы всегда находились в боевых порядках батарей, — пишут они, — мобилизуя комсомольцев на ратные дела, помогая командирам выполнять поставленные задачи по разгрому врага.

По возвращении в Камышлов он избирается секретарем городской комсомольской организации.

В. Каргаполов. (№ 197. 1969).

Сам погибай, а товарища выручай

В Великую Отечественную войну я был политработником. Вместе с солдатами переносил тяготы фронтовой жизни. Доводилось праздновать победы и оплакивать друзей. Но в ряду военных воспоминаний Курская битва стоит на особом месте. Здесь шла проверка наших солдат на воинское мастерство, стойкость. Здесь проверялась преданность отчизне.

Так в тяжелых боях в районе г. Севска командиру батареи старшему лейтенанту Смирнову вражеским снарядом оборвало обе ноги. Поблизости санинструктора не оказалось. Прежде всего, надо было остановить кровотечение. Я, не раздумывая, снял с себя нижнюю рубашку, наложил тугую жгут на одну ногу, а брючным ремнем перетянул вторую. Затем, не обращая внимания на огонь противника, вынес товарища с поля боя в нашу санитарную часть. Оттуда он был эвакуирован в медсанбат, а дальше — в госпиталь. Мне после стало известно, что Смирнов остался жив.

Крепко запомнился и такой случай. Надо было разведать систему обороны и огневые точки врага на левом берегу Вислы. Это задание штаб полка поручил лучшим командирам старшим лейтенантам Петухову, Пугачу, Абдурахманову. Политическое обеспечение группы разведки было поручено мне, уже

тогда заместителю командира по политчасти, капитану. Под покровом ночи поиск шел удачно. Но при отходе гитлеровцы обнаружили разведчиков и открыли пулеметный огонь. Были ранены старшие лейтенанты Петухов и Абдурахманов. Командование группой я взял на себя, обеспечив выполнение поставленной задачи.

Очень хорошо помню, как готовилось решающее наступление на Берлин. Большая партийно-политическая работа, проведенная среди личного состава перед боем, чувствовалась всюду. Буквально на всех видах транспорта, танках, орудиях были надписи: «Вперед — на Берлин!» Всех нас охватил небывалый боевой порыв — скорее добыть фашистского зверя в его логове. 21 апреля наше подразделение, где я был заместителем командира по политической части, приняло участие в массированном обстреле Берлина перед наступлением. Вслед за танками и пехотой мы двинулись по улицам города. Фашисты яростно сопротивлялись. Они считали, что мы их всех уничтожим. Мне сообщили, что в одном доме собралось много немцев. Я зашел к ним и через переводчика сказал, что я русский комиссар. Мужчины, женщины и дети подняли руки вверх и с ужасом в глазах смотрели на меня. И когда я объявил, чтобы все расходились в укрытие, так как здесь предстоит большая бой, немцы не верили, что с ними могут так гуманно поступить.

В боях за Берлин отличились многие воины нашего подразделения. Старший лейтенант Рожков под огнем противника расстреливал в упор гитлеровскую технику и фашистов. Разведчик Киреев прикрыл своим телом майора Кочнева от фашистской пули.

В разгар боя я попал в расположение гитлеровцев и, надо сказать, растерялся. Меня выручил мой ординарец, сержант Соляр. Так наши солдаты и офицеры выручали друг друга, проявляя на каждом шагу героизм.

Фронтовая биография моя началась в боях за освобождение г. Ельца и закончилась в Берлине.

В. Верилов. (№ 99. 1978).

Не забыть нам военных метелей

В войну я был заместителем командира батальона связи по политчасти. Чем дальше мы продвигались на запад, тем ожесточеннее становились бои. Боевое крещение наш бата-

Орочая кровь патриота

Вахтомов В.И. неоднократно просил военкомат отправить его на фронт, но безуспешно. Тогда он с группой товарищей обратился в «Уральский рабочий». После опубликования их письма просьба была удовлетворена. Вахтомов прибывает в Курскую область, где формировался запасной лыжный полк, и назначается политруком минометной роты.

Батальон занимает оборону, ведет тяжелые оборонительные бои, затем участвует в контрнаступлении. Получив пополнение в начале января, батальон направляется в район Старой Руссы, где вначале безуспешно ведет наступление, несет значительные потери. Погиб командир батальона. Вахтомова назначают на его место. Он организует и проводит несколько смелых рейдов лыжников в ближние тылы противника, освобождая отдельные деревни, громя живую силу, технику.

Пять дней батальон отражал атаки, которые становились все ожесточеннее. Вахтомов просил командование 2-й лыжной бригады о подкреплении. Как выяснилось позднее, проход, по которому прошли лыжники Вахтомова, был сомкнут фашистами, и посланная на поддержку рота автоматчиков пробиться к батальону не смогла.

Шел шестой день обороны. С утра — тихо. Около 9 часов наблюдатель доложил комбату о большом движении противника на опушке леса. Вскоре по деревням, удерживаемым батальоном, ударили пушки. Бомбардировщик сбросил на деревню Переходы несколько бомб, а истребители на бреющем полете обстреляли дома зажигательными пулями. Начались пожары. Немцы бросили на ослабленный батальон до 2-х батальонов пехоты.

Ввиду недостатка боеприпасов Вахтомов приказал подпустить немцев к деревне на 100-120 метров и по его команде открыть огонь. Еще при взятии деревни батальон захватил у немцев 75-миллиметровое орудие и около 100 снарядов к нему. Его установили в крайнем сарае, проделав для ствола отверстие в стене, на случай танковой атаки. Когда фашисты приблизились, комбат приказал открыть беглый огонь из орудия по колонне и из всех видов оружия по наступающей с трех сторон вражеской пехоте. Значительная часть атакующих уничтожена. Атака захлебнулась.

До конца дня немцы предприняли еще четыре атаки. Положение ухудшилось. Вахто-

льон получил, как и многие другие подразделения 31-й армии, под Москвой. Перед частями была поставлена задача: сдерживать натиск врага на участке Нарофоминска. Многих мы не досчитались в тех боях. Связь рвалась так часто, что десятки бойцов приходилось посылать на линию, находить порывы и срывать их. Бойцы проявляли чудеса храбрости и бесстрашия. Нередко умирали с проводами, зажатыми в зубах.

Нам, камышловцам, не стыдно за своих земляков. Не посрамили они своей боевой части. За Смоленском я встречал бывшего председателя Кокшаровского колхоза Аржанникова, командовавшего артиллерийским дивизионом, А.А. Фирстова, плотника из Коровяковой, бывшего председателя Калиновского сельского совета и других. Они уже были награждены за храбрость и умелые боевые действия.

Никогда мне не забыть бои в Смоленской области у села Безлино, Износковского района. Зима 1943. Ночь. Бушует метель. Мороз сковывает руки. А действовать нужно внезапно, неожиданно напасть на врага, не дать ему отвести свои части в расположение Брянска.

К селу подобрался бесшумно. Перебили охрану дома, в котором гитлеровцы держали пленных советских бойцов и командиров. Освободили их. Старый колхозник показал нам, где за домом оборудованы огневые точки противника. Мы взорвали их, а село превратили в свой опорный пункт. До рассвета еще одну важную операцию осуществили: уничтожили наблюдательный пункт и огневые точки в развилке дорог, оседлали ее и не вдалеке, у поворота, строили свои позиции. Замаскировали их. И когда из соседней деревни немцы стали прорываться на дорогу, мы встретили их таким огнем, который они не выдержали. Наши бойцы захватили много оружия, боеприпасов. Тем самым мы предупредили потери других подразделений 31-й армии, подходивших к Безлино, для дальнейшего прохождения на запад.

Дивизия нашей 5-й армии, в которой я в дальнейшем служил, с боями дошла до Люблина. Всю свою ненависть мы обрушили на охрану лагеря смерти «Майданек», на мучителей и душегубов, уничтоживших десятки тысяч наших братьев-поляков, немцев, французов, русских в своих адских печах. Бой был коротким, но жестоким. Начальника лагеря и его четырех заместителей, по решению военного трибунала, повесили. С боями дошли до Бранденбургских ворот, до Берлина.

мов по радио вторично просит поддержки. Ему приказали держаться, пока подойдут две высланные роты автоматчиков. К вечеру при артиллерийской поддержке фашисты в пятый раз атаковали батальон. Его потери росли. Убит комиссар батальона Дятчин, погибли десятки воинов. Большинство домов в деревне сгорели. Но измотанные бойцы стойко сдерживали натиск. Вахтомов появлялся то в центре, то на флангах. Когда немцы просочились в деревню и заняли два сарая, комбат сам поднял бойцов в атаку. Он был легко ранен в живот, но продолжал руководить боем. Фашистов выбили из сараев.

В это время в центре обороны воины батальона уже пустили в ход гранаты. Враг наседал. Вахтомов вновь поднимает бойцов в атаку, сам впереди. В ходе ее он был тяжело ранен в плечо и контужен. Это было 10 марта 1942 года в 9 часов вечера. Когда к комбату вернулось сознание, ему доложили, что немцы заняли окраину деревни и движутся к центру. Вахтомов, лежа на лыжных санях, собрал все силы и приказал бойцам под командованием старшины Макарова отбить атаку врага и держаться до подхода подкрепления.

А в это время через огороды на улицу выбегали автоматчики. Это были бойцы двух рот, пришедших на помощь. Вахтомов ознакомил командира с обстановкой и попросил сходу атаковать. Немцы были отброшены. Приказ удержат занятые рубежи был выполнен. В батальоне осталось в живых 18 человек, в том числе пятеро — тяжелораненых. Комбат передал командование единственному из офицеров. Раненых на лыжных волокушах повезли за несколько километров в медсанбат.

В августе 1942 года, когда зажили раны, Василий Иванович назначается командиром отдельной роты при полевом управлении

50-й армии, участвует в боях под Смоленском. Через год Вахтомов направляется на учебу в 29-й учебный артиллерийский полк. Окончив курсы, назначается начальником разведки артдивизиона стрелкового полка, затем командиром огневого взвода, командиром батареи отдельного истребительного противотанкового дивизиона, который стоял в обороне на Висленском плацдарме в районе г. Пулсу (Польша).

Река Одер. Одному из наших батальонов удалось закрепиться на левом берегу. Батарея ночью также была направлена по тонкому льду. А утром начались контратаки. Воины стойко обороняли плацдарм. В одном бою батарея уничтожила 4 танка, из них один был сожжен Вахтомовым, заменившим раненого наводчика. На поле боя осталось более 50 трупов фашистов. Между тем, наступление продолжалось. В апреле, когда заря Победы поднималась все выше, капитан Вахтомов вновь был тяжело ранен в голову. Пять госпиталей, несколько сложных операций, оптимизм больного делали свое дело. В августе 1946 года В.И. Вахтомов выписывается из госпиталя, демобилизуется.

И опять — Камышлов. Месяц отдыха, и Вахтомов вновь на работе. Заведующий парткабинетом, заведующий военным отделом, секретарь райкома партии, директор Скатинской МТС, заместитель председателя райисполкома.

Но до последнего дня жизни заслуженный ветеран войны, грудь которого украшена орденами Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и многими медалями, вел большую военно-патриотическую работу среди молодежи.

Н. Гладких. (№ 73. 1973).

Победители:

они сражались за Родину

АНТОНОВА Анна Никитична, 1922 г. Член КПСС, мл. сержант, оператор, ст. оружейный наводчик зенитного орудия. Центральный фр., оборона Москвы. 1942-1945 гг. Награды: медаль «За победу над Германией», юбилейные, «За доблестный труд» к 100-летию В.И. Ленина.

АНТОНОВ Федор Титович, 1918 г. Мл. лейтенант, командир танка. Северо-Западный фр., 1941-1945 гг. Контужен, л. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные, орден Октябрьской Революции.

АСКАРОВ Иван Ахмедович, 1918 г. Гвардии лейтенант, командир взвода ПТР. Сталинградский, Донской, Южный, Ленинградский, 1-й Прибалтийский фр., 1942-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Отечественной войны, медали «За победу над Германией», юбилейные.

АФОНИН Алексей Иванович, 1894 г. Ст. лейтенант, пом. нач. трофейного отделения дивизии. 1-й Украинский фр. 1943-1945 гг. Л. ранение. Награды: медали «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

БАБИНОВ Александр Терентьевич, 1910 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. огневого взвода. Волховский, Северо-Западный, Карельский, Прибалтийский фр. 1944-1945 гг. 1 л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

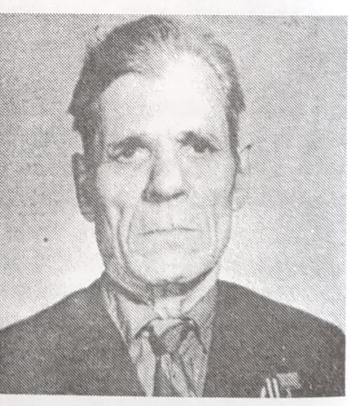
БАБИНОВ Владимир Александрович, 1917 г. Член КПСС, ст. сержант, механик-водитель танка. Сталинградский, 3-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

БАБКИН Александр Васильевич, 1923 г. Мл. лейтенант, ком. пулеметного взвода. Брянский, 1-й, 2-й Белорусские фр. 1943-1945 гг. 1 т. ранение, 1 л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

БАЛУЕВ Николай Федорович, 1916 г. Капитан, нач. связи стр. полка. Калининский, Степной, 2-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

БАРСУКОВ Григорий Михайлович, 1908 г. Ефрейтор, шофер. Калининский, Белорусский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные, «За доблестный труд» к 100-летию В.И. Ленина.

У войны не женское лицо

3
глава

Как точно подметила писательница С. Алексиевич! У войны, действительно, не женское лицо, но, когда над страной нависла угроза фашистского порабощения, наши женщины взяли в руки оружие и наравне с мужчинами встали на защиту Родины. Были среди них и наши землячки.

*Я ушла из детства
В грязную теплушку,
В эшелон пехоты,
В санитарный взвод.
Дальние разрывы
Слушал и не слушал
Ко всему привыкший
Сорок первый год.*

*Я пришла из школы
В блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы
В «мать» и «перемать».
Потому что имя
Ближе, чем
«Россия»,
Не могла сыскать.*

Как сражались уралочки и сибирячки

В июне 1942 года 20 девушек-камышловок отправились на сборный пункт. Посадили нас в теплушки и отправили на Ленинградский фронт. Никогда не забыть, как враг бомбил 28 месяцев подряд день и ночь Ленинград, ведя прицельный огонь, уничтожал людей, калечил детей, разрушал дома, сокращал культуры, заводы и фабрики. Истощенные, недомогающие ленинградцы стойко защищали свой город.

Между тем наше командование готовилось к прорыву блокады. Мне как машинистке и другим штабным работникам приходилось очень много работать. Прорыв блокады Ленинграда строился на внезапности и смелости действий наших войск. Наконец пришел решительный час. Силами войск балтийского флота и оборонительных частей было разорвано кольцо блокады! Вскоре освободили Эстонию и другие земли Прибалтики.

Вместе с доблестными воинами героически сражались и женщины — уралочки и сибирячки. Они не только служили медработниками и в штабах, но и брали в руки снайперские винтовки, пулеметы, автоматы и громили врага, как могли. Они оправдали доверие нашей любимой Родины.

Е. Коробицына. (№ 129. 1980).

Гвардии матрос из Камышлова

Валя Долгачева, окончив в 1941 году среднюю школу в г. Камышлове, мечтала поступить в медицинский институт, но война оборвала ее мечты. Весной 1942 года Валя узнала, что в горьком комсомола идет набор девушек на флот, и одной из первых подала заявление. Вместе с нею подала заявление и прибыла в Ленинград ее подруга Тоня Иванова. Обстановка в осажденном городе была тяжелой. К этому времени в дивизии уже была большая группа женщин-краснофлотцев, успешно овладевших специальностями телеграфисток, радисток, артиллерийских вычислителей и другими. Добродушная, рассудительная и всегда спокойная Валя Долгачева в скором времени стала любимицей в подразделении, и комсомольцы избрали ее секретарем. 12 января 1943 года начались ожесточен-

ные бои по прорыву блокады. Стоял мороз, но разгоряченные боем краснофлотцы сбросили с себя бушлаты и фланелевки, работали в одних тельняшках. Стоял сплошной гул. Стволы орудий накалились до такой степени, что на них начала гореть краска. В эти дни наши девушки выполняли свою задачу четко, действовали самоотверженно. Комсомольцы штаба дивизиона, руководимые Валей Долгачевой, в ходе всех этих и последующих многочисленных боев всегда были в гуще событий и с честью выполняли свой долг. Характерно, что, несмотря на потери в личном составе, наша комсомольская организация день ото дня росла. Сотни заявлений поступало и в партийную организацию от матросов, старшин и сержантов: «Прошу принять меня в ряды Коммунистической партии. Хочу в бой идти коммунистом». Так в 1943 году были приняты кандидатами в члены партии и две наши отважные девушки Валентина Долгачева и Валентина Жунева.

Отгремели залпы Великой Отечественной войны, уволилась из рядов Военно-морского флота и гвардии старший матрос, коммунист Валентина Долгачева.

Л. Тудер. (№ 120. 1977).

От фронтовых до мирных дней

Лето 1941 года. Черные тучи нависли над мирной жизнью советских людей. Тогда мы и встретились в эвакогоспитале с молодым хирургом, капитаном медицинской службы Софьей Лазаревной Харченко и не расставались уже до конца войны. В мае 1943 года наши части освободили Курск и Орел, и эшелон с красным крестом двигался на запад, в направлении к Киеву. Свой госпиталь мы развернули в городе Нежине в 130 километрах от столицы Украины, которую только что освободили части Советской армии. Хорошо помню три корпуса, в которых расположился наш госпиталь: окна без стекол, пострадали от фашистской бомбежки.

Первую партию принимали при свете керосиновых ламп и свечей. Руководила приемом заведующая отделением С.Л. Харченко. Каждое появление в палате стройной, тогда еще молодой женщины с погонами капитана медслужбы, ее ободряющие слова поднимали дух раненых, вселяли веру в выздоровление, помогали хоть на время отвлечься от болей. Нежные теплые руки Софьи Лазаревны чутко

прощупывали пульс, накладывали гипсовые повязки и оперировали, оперировали...

Вспоминается мне солнечное майское утро последнего дня войны. Мы с медсестрами подарили Софье Лазаревне, своему лучшему другу, скромный букет цветов. Наверное, этот счастливый день хорошо помнит и она сама.

С той поры прошло 25 лет. Софья Лазаревна Харченко давно уже сняла военную форму, но по-прежнему она жизнерадостна и энергична. Правительство наградило ее орденами и медалями. И на трудовом фронте она трудится не покладая рук. Софья Лазаревна — главврач Камышловской центральной больницы, уважаемый в городе человек и заслуженный врач Республики.

М. Бронских. (№ 104. 1970).

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Свой боевой путь я начала в Нарофоминске, под Москвой. Здесь впервые увидела войну: горящие дома, крик женщин, плач детей. В госпитале встретил нас политрук. Привели в палаты, в каждой из которых было по сто раненых. Навыки оказывать первую помощь появились скоро, а привыкнуть смотреть на страдания людей не могла. Как-то привезли в госпиталь совсем молодого парня, мальчишку еще. Его звали Васей. Жизнелюбивый, энергичный, он понравился всем. Мы его ласково называли Васильком. Когда после выздоровления отправляли на фронт снова, тепло проводили. Через неделю опять увидели его. Вторично Василек попал к нам с тяжелым ранением в голову. Все столпились у его койки.

— Вася, ты нас узнаешь?

По чуть заметному кивку головы поняли, что он нас узнал. Больше воевать ему не пришлось.

Госпиталь продвигался вперед. Иногда в короткий перерыв проводили комсомольское собрание. Решение принимали краткое: «В связи с предстоящими боями наша задача — встретить раненых, организовать их отправку в тыл». Потом сутки непрерывного труда, бессонницы и неимоверной усталости.

Иногда с поля боя поступали раненые, у которых никаких документов не было, даже пистончика, где листок с фамилией хранится. Если раненый, не приходя в сознание, умирал, на бедре писали: неизвестный, номер такой-то, так по номеру и заполняли историю болезни, так и хоронили.

Весть о победе мы получили в местечке Цербс-Рослау в 90 километрах от Берлина. Не высказать чувств, которые испытали в тот момент. Но мне пришлось ходить в форме еще полгода. По специальному заданию я работала в одном из госпиталей. Наконец, встреча с родным Камышловом.

А. Зайкова. (№ 41. 1970).

ОГОНЬ ПО ФАШИСТСКИМ СТЕРВЯТНИКАМ

Говорить об эпизодах Великой Отечественной войны, значит, говорить о массовом героизме солдат и командиров.

Особенно мне запомнилась переправа через Днепр в районе Черкассы. Мы тянули связь на противоположный берег, где уже сражалось наше подразделение, захватившее небольшой участок берега. Фашисты обрушили на плот сильный огонь. Плот перевернуло. Командир роты Герой Советского Союза капитан Соловьев успел переправить бойцов, и они уже вступили в бой, но сам не успел. Его сразила вражеская пуля. Меня выручил курский паренек, он прикрыл меня огнем и помог выплыть. В другом бою убило командира батареи, и командование взяла на себя молодая девушка комсомолка. Валентиной ее звали. Она оказалась не только бесстрашной и находчивой, но и с командирскими задатками. Под ее командованием наши зенитчики с честью выполнили боевую задачу. Надежно прикрыли артиллерию, пехотинцев, сбили много самолетов. Это было на Курской Дуге. Нашему полку тогда присвоили звание гвардейского. Он дважды Краснознаменный. На фронт я ушла из Камышловской школы имени Некрасова, когда мне было 22 года. За участие в боях награждена медалью «За боевые заслуги» и другими.

Прошли годы, десятилетия, а память до сих пор хранит образ генерала Н.Ф. Ватутина — простого, требовательного, душевного.

Однажды в марте 1944 приехал в наш полк командующий, генерал армии Н.Ф. Ватутин. Вызывает меня командир полка:

— Красноармеец Евдокимова! Пойдете в расположение генерала Ватутина связным.

Идем с полковником к генералу, а у меня сердце от волнения будто выскочить хочет. Доложила генералу и, как положено по уставу, попросила разрешения приступить к уборке помещения. А у меня сапоги со скрипом были. Я боялась помешать генералу, стала хо-

дить то на пальцах, то на пятках, а сапоги все скрипят! Вдруг генерал спрашивает меня:

— Как вас звать?

— Аня, — отвечаю.

— Аня, ты почему ходишь то на пятках, то на пальцах? Что у тебя ноги болят?

— Никак нет, товарищ генерал, — отвечаю, — сапоги очень скрипят.

Улыбнулся генерал и говорит:

— У генерала не скрипят, а у солдата скрипят. Ходи твердо, чтобы далеко слышал враг, что идет русский солдат.

Однажды я не доглядела: в умывальнике воды не было, кинулась за ведром, а генерал взял его и пошел за водой. Испугалась я, прошу у него ведро:

— Дайте, товарищ генерал ведро, я сама принесу.

— Ведро тяжелое, — отвечает он, — а ты худенькая и маленькая.

Очень прост был генерал и добр к солдатам. Зачастую обедал из одного котелка с солдатами.

Была проверка боевой и политической подготовки в нашей части в присутствии генерала. Вот уж мы волновались! Каждый старался отвечать как можно лучше. После проверки генерал объявил благодарность всему полку за хорошее знание и отличное несение службы. Я никогда не забуду чувства, пережитые в тот момент, когда и мне была объявлена благодарность.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта Николай Федорович Ватутин умер 15 апреля 1944 года после тяжелого ранения, полученного при выходе из боя на Корсунь-Шевченковском направлении. Где бы я ни была, всегда передо мной стоит образ генерала, который всего себя, все свои силы, знания отдавал солдатам.

А. Ревенок. (№ 188. 1968).

Как мы спасли моего земляка

Первое боевое крещение мы, необстрелянные бойцы, получили на узловой станции Бологое под Ленинградом. Наш эшелон попал под бомбежку. Рядом разбомбили эшелон с гражданским населением. Мне на всю жизнь запомнилось, как я выносила одного мальчика 3-4 лет. Он схватил меня за шею, кричит: «Мама!» А я куда с ним ни кинусь, везде горит. Все-таки перегрузили всех на другой эшелон, а сами остались для защиты.

Еще эпизод. В 1943 году мы продвигались вперед на Старую Руссу. Я была телефо-

нисткой на фронте. Тянули мы одну из линий. Был сильный мороз. Градусов 40. На пути встретилась избушка, набитая ранеными. Этих раненых мы до вечера переносили на железнодорожную станцию, а до нее было 5 километров. С этими ранеными были девушки и молодые парни. Они даже плакали, что их командира Василия Ивановича тяжело ранило. Тогда я не придавала этому значения. А уже после войны при встрече фронтовиков выяснилось, что командиром тем был мой земляк Вахтомов Василий Иванович. Ранило его в деревне Высокие Горки, что в пяти километрах от Старой Руссы. Он рассказал, как в сорокаградусный мороз девчата на своих руках перетаскивали их до станции и грузили в эшелон. Удивительно! Выяснилось, что это была я со своими подругами: Шурой Домниной, Нонной Андреевой, Лелей Долговых. Это я ставила химические грелки, спасая своего земляка, в то время, не зная этого.

А. Фертикова.

(Из личных воспоминаний).

Нелегко далась победа

Восемнадцать лет мне исполнилось, когда я была уже в действующей армии. Девчонкой добровольцем ушла на фронт. И не одна. После окончания краснокрестовских курсов при станции Камышлов на войну с фашистами ушло еще 20 юных сверстниц. Среди них Нина Дягилева, Таня Порошина, Александра Зайцева и другие. Мы горячо любили свою Родину и не мыслили себе стоять в стороне от тех, кто ее защищал.

Чем только не занимались медсестры. Я, например, была старшей операционной сестрой, но приходилось копать траншеи, окопы, могилы. О том, с каким напряжением мы трудились, можно судить по такой цифре: только в начале 1944 года через наш госпиталь прошло 45 тысяч раненых. Много раз мы работали под бомбежкой. Во время одной из них меня контузило. Начала войну я в Смоленской области, а закончила в Австрии. Освобождали Румынию, Польшу, Венгрию, Болгарию, Югославию. Невозможно забыть войну и тяжелые схватки с врагом. Переправа через Днестр. Здесь мы вплотную столкнулись с противником. Убитых и раненых с той и с другой стороны было очень много. Вздрыбленная земля, вода, красная от крови. Можно было перейти реку по трупам. В Венгрии наш госпиталь находился в городе Домбоворе, недалеко от озера Балатон. Немецкие соедине-

ния прорвали нашу оборону. Положение стало крайне напряженное. Нам приказали занять оборону силами сотрудников госпиталя и раненых. За несколько часов мы получили минометы, автоматы, противотанковые и ручные гранаты. К утру оборона была устроена. Заминированы подступы к ней. Немецкие самолеты ежедневно бомбили город. Самолеты летели вдоль улиц на бреющем полете, они обходили стороной зенитные пулеметы, установленные на госпитале. И мы решили наказать фашистских стервятников. Установили пулеметы на соседних домах, и в очередной налет нашим санитарам и легко раненым удалось сбить несколько самолетов противника и взять в плен несколько летчиков, пытавшихся бежать. После этого пыл немецких асов поубавился.

Вот так и воевали, и лечили раненых, внося свой скромный вклад в ратный труд бойцов родной Советской армии. Нашу волю к победе врагу сломить не удалось.

Г. Масленникова. (№ 56. 1970).

Уралочки на обороне Москвы

Весной 1942 года Государственный Комитет обороны принимает решение разрешить девушкам-добровольцам пойти в действующую армию на оборону Москвы.

Как только об этом стало известно в Камышлове, в первые два дня 89 комсомолок подали заявления. В числе 3 тысяч девушек Свердловской области они отправились на оборону Москвы. С последнего курса педагогического училища ушли в армию 18 девчат во главе с секретарем комсомольской организации Аней Карелиной. Среди них Аня Дементьева, Вера Королева, Валя Клементьева и др.

Уходят на фронт секретарь комсомольской организации кожевенного завода Вера Вязьмина, школы № 58 Ира Чикунова, инструктор райсовета Клава Конышева, молодые учительницы Галя Алферова и Вера Медведева. Всем им было по 17-20 лет.

На обороне столицы было более 20 тысяч девушек, но лучшими были уральские. Они были выносливыми, умели без хныканья переносить тяготы войны, четко несли боевую службу, были трудолюбивыми.

Зенитно-артиллерийская дивизия, в которой служили камышловские девчата, осенью 1942 года стала гвардейской. Это вы-

сокое звание вызывало чувство законной гордости и ко многому обязывало. Там, где стояли гвардейцы-зенитчики, заслон был крепким, ни один вражеский самолет не мог подойти к Москве. Так прошло три с половиной года.

Война отняла юность у парней и девчат. Как часто девчонки-зенитчицы в свободную минуту мечтали поехать с победой домой в Камышлов, снять шинели и кирзовые сапоги, надеть нарядные платья и модные туфли и танцевать, танцевать в нашем клубе имени Я.М. Свердлова!

И вот она долгожданная победа! Скоро домой! Но воины зенитчики должны были выполнить еще одну задачу. Началась подготовка к параду и салюту победы. Все камышловские девчата принимали участие в параде. Это было незабываемое зрелище.

Высоко в темном небе, на сей раз мирном небе Москвы, на аэростатах было поднято и ярко освещено прожекторами огромное шелковое Красное Знамя нашей победы.

25 июля 1945 года уралочки покинули Москву. Ехали в Камышлов воины-гвардейцы, многие из них возвращались коммунистами.

И приступили к мирному труду: Анна Никитична Антонова (Дементьева) — секретарь партийной организации завода «Урализолятор», Вера Прокопьевна Бородина (Медведева) — заведующая школой № 4, Анна Константиновна Яковлева (Карелина) — заведующая детским садом № 3, Вера Николаевна Лукашова (Королева) — инспектор билетного бюро станции Камышлов, Ксения Васильевна Булатова — ударник коммунистического труда на кожевенном заводе, Клавдия Павловна Иванова (Конышева) — бухгалтер госпиталя.

Г. Тимерева. (№ 28. 1968).

Страна велика, но столица одна

Великая битва под Москвой — одна из наиболее ярких и захватывающих страниц Отечественной войны. Мне довелось служить в 365-й стрелковой дивизии — она формировалась в Еланских лагерях с 29 августа по 6 ноября 1941 года. Я училась в Свердловском педагогическом институте, а в 1940 году окончила годичную школу медсестер запаса. В армию меня призвали 30 августа 1941 года. Я была зачислена в 449-й медсанбат.

Дивизия вступила в бой под Москвой 23 ноября. Положение было тяжелое, настроение того времени очень точно передано в стихотворении камышловской учительницы Валентины Клементьевой.

Декабрь. 41-й. Враги под Москвой.
Страна замерла: «Что же будет?»
Но знай, дорогая, мы встанем стеной,
Тебя защитим своей грудью.

Страна велика, но столица одна,
Ты сердце, душа нашей жизни.
Тебя мы врагу не сдадим никогда,
А по врагу справим тризну.

Дивизия наша вся полегла
Погибли отцы наши, деды,
Они не щадили себя и врага
Для нашей великой победы.

Не все мы вернулись
с той страшной войны,
Погибли друзья и подруги,
Но памяти этой мы будем верны,
Мы их никогда не забудем.

К Москве были стянуты уральские и сибирские дивизии. Зима в тот год была лютая. Морозы доходили до 42-х градусов, снег более метра. Наступление наших войск началось в ночь на 6 декабря. Деревни разрушены. Медсанбаты развертывали в скотных дворах, ставя железные бочки для обогрева. Раненых сразу отправляли в Москву.

Ранения тяжелейшие. Вот на операционный стол положили молодого лейтенанта из Свердловска. Борисом звали. Миной ему оторвало правую руку выше локтя. Осколки торчали в развороченном обручке руки. Но он не жаловался, не стонал, ничего не просил. Нас всех поразили его рассказы о том, как его подразделение шло в бой, как попало под страшный огонь врага: «Вы понимаете, никто не повернул назад, никто не трусил!» Его интересовало, взяли ли назначенную деревню. Спасти его в тех условиях мы не могли: крови у нас не было. Он умер. Мы с сестрами плакали, как будто это был брат или любимый.

Помню Костю, молоденького паренька. Курносый нос, лицо с веснушками. Ему оторвало левую ногу выше колена. Его беспокоило, чтобы мама не узнала о ранении. Тысячи раненых шло через медсанбат, и у всех была одна забота: гнать проклятых фашистов с нашей земли.

Дороги от Москвы на запад были завалены трупами фашистов, сожженными и

подбитыми орудиями, машинами. Миф о непобедимости германской армии был окончательно рассеян.

365-я стрелковая дивизия освобождала город Клин, а в конце января попала в окружение. От дивизии остались единицы. Но! «Врага отбросила Москва и спасена Россия!»

Л. Лебедева. (№ 141. 2002).

трагедия обернулась счастливым концом...

Медсанчасть свертывалась последней. Нам пятерым медсестрам приказано было собрать остатки и догонять. Молодой веселый паренек Петя, фамилию которого никто, кроме замполита, не знал, помог нам все сложить в свой «драндулет». Четверо подруг в кузов, и «драндулет» тронулся в путь. Направленные указывали столбики, на которых значилось: «На Берлин!»

Добрались до небольшого населенного пункта. Дорога раздваивалась. Петя остановил машину, решал, в какую же сторону податься, ибо стрелок здесь уже не было. Впереди девушки заметили одинокую фигуру. Подъехали ближе... Женщина. Судя по одежде, не из концлагеря. Так и есть. Немка. Знаками спросили, какой дорогой прошли советские войска. Молча, показала рукой вправо.

Петя повеселел:

— Ага! И мы газанем вправо!

Но скорость все же не увеличил. Девчата в кузове притихли. Что-то неосознанно беспокоило их. И случилось. Внезапно впереди появилась колонна. В темноте не сразу разглядишь кто: свои, чужие? Колонна тоже заметила машину. Бежать навстречу. Но зачем? Уже стало видно — немцы.

— А, черт, наскочили!

Это была одна из мелких групп разбитой армии, которая в последней агонии, что называется без руля и без ветрил, бросалась из одной стороны в другую, осмеливаясь нападать лишь на одиноких советских солдат, или вот на такие запоздавшие транспортеры. Попытка прорваться не удалась. Только наехали на одного гитлеровца, как очередью из автомата по скатам остановили машину. Несколько вражеских солдат вытащили шофера, потом нас, девушек. Те минуты казались вечностью.

Отогнанные прикладами автоматов в

сторону, мы, пятеро девушек, застывшими от ужаса глазами смотрели, как фашисты расстреливали Петю.

— Ну, подружки..., — вот и все, что успела я вымолвить.

Обнялись. И уже решили драться, зубами рвать проклятых, что, размахивая оружием и угрожая, что-то кричали. Подошли, показали на солдата, смятого машиною, но еще живого, на машину с медикаментами. Девчата поняли: требуют спасать.

— Кого спасать, врага? Товарища этих убийц! Ни за что!

Мы стояли будто окаменевшие. Самой старшей из нас было 23 года. И в те минуты, пока мы собирались с силами, чтобы кинуться на этих обросших, волосатых и злых собак, слышались выстрелы. Немцы забегали, зашумели. О, радость! На дорогу выскочили всадники.

— Свои! Свои!

Трагедия обернулась для нас счастливым концом. На гитлеровцев наскочила рейдовая часть, занимавшаяся розыском и уничтожением таких вот бродячих вражеских групп. Какие родные серые шинели, пропахшие дымом, пылью, махоркой. Мокрые от дождя, от девичьих слез. Можно поплакать, не стыдась, свои ведь! Огрубевшие солдатские руки вытирают нам слезы.

Залп, еще залп над могилой товарища. Прощай, Петя, прощай! Это было одно из последних наших испытаний. Это было на той самой весенней дороге, дороге победы, что вела нас в Берлин, в самую волчью берлогу фашистов. Но то уже были предпобедные дни, удесятерившие силы.

Е. Соболева. (Из личного архива).

Партизанка

В 1938 году в школе № 58 — четвертый выпуск 10-го класса. Среди выпускников была застенчивая, любящая поэзию М. Лермонтова Зоя Куликова. Мирная жизнь нашего народа была нарушена 22 июня 1941 года. Как и тысячи юношей и девушек, Зоя просится на фронт. 1 сентября 41 года она вместе с подругами окончила курсы телеграфисток. В ноябре уже были на фронте, где им предложили идти в тыл врага под Валдаем. Их обучали международному коду работы на радиостанции.

В октябре 1942 года с группой в три человека они перешли линию фронта. Деревни обходили. Шли по компасу и карте и на десятый день прибыли к месту назначения. Зоя связалась с Большой землей. Через две неде-

ли питание для рации кончилось. Командир решил перейти линию фронта, а Зоя должна была остаться на месте, в лесу с рацией. Проходили дни за днями, но никто не приходил к Зое. Вот уже и ноябрь. Съеден последний сухарь. Сил с каждым днем становилось все меньше. Ночи на холодной земле дали о себе знать. Она заболела. Спрятав рацию, Зоя пошла к связной в деревню. Та приняла ее с испугом. В деревне всю хозяйничали немцы и полиция. Зою спрятали на сеновале. Дали тулуп. Немного поправившись, Зоя ушла с надеждой разыскать партизан-подпольщиков. Спрятала рацию в надежное место и, переходя из деревни в деревню под видом беженки, изучала обстановку. Только ранней весной 43-го года ей удалось установить связь с партизанами. На этой территории действовала 13-я Ленинградская бригада под руководством А.Г. Поруценко, бывшего председателя Дедовичского райисполкома, члена КПСС.

И потекла партизанская жизнь с лишениями, смертельной усталостью и опасностью. Зоя ходила по деревням, собирала сведения о немцах, доставала медикаменты, разносила рукописные листовки со сведениями Совинформбюро.

Вечером 23 декабря 1943 года маленький отряд уходил на задание, но в нем оказался предатель. По пути он из отряда скрылся, а отряд окружили каратели. Зое был дан приказ отступить. На руках у нее мешок с документами отряда, а рядом бежит мальчик, тоже связной. «Я боялась, чтобы мальчик не отстал, — вспоминала Зоя, — немцы бросили против нас 2000 человек. Отряды Лукьянова, Серанова, Медведева вели жестокий бой. Партизаны шли, оставляя кровавые следы».

Зою Павловну Куликову за участие в организации партизанского отряда и за участие в боевых действиях наградили орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Ленинграда».

*Л. Лебедева. (№ 60. 1985)
Печатается в сокращении!*

День Победы встречали с огромной радостью

На фронт я ушла добровольно, окончив в Камышловке трехмесячные курсы медицинских сестер в 1943 году. Нам сразу объявили, что готовят нас для отправки на Курскую Ду-

гу. Находилась я в 5-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта под командованием маршала Конева.

В городе Кировграде мы развернули госпиталь, и налетели бомбардировщики. Первой упавшей бомбой был ранен минер, я только его перевязала, как фашистский самолет снова пошел на разворот и сделал второй заход. Один боец упал, раненый сидел, а я от него побежала на то же место, где лежала при первом налете. Вдруг слышу: «Сестра, падай, падай!», а потом раздался такой мат, какого я никогда в жизни не слыхала. Он видел, что я бежала буквально под летевшую сверху бомбу. Но я все-таки успела добежать, и тут бомба разорвалась, и меня прибило к стене. Как я падала, уже не помню. Очнулась, когда уже надо мной стояли Нина Боровик и Наташа

Чухарева. Но я была ранена легко. Пролежала только три дня, а потом поднялась. На фронте я встретила с братом. Армия от армии находилась в 18 километрах. Я написала письмо, а он его на третий день получил. Он пошел к командованию, и его отпустили известить меня. Я его не ждала, а он подошел и крикнул: «Валя, встречай брата!». Потом он еще ко мне приезжал, но встретиться не удалось. Мы уже ушли из Сташува (Польша).

День Победы встретили с огромной радостью, хоть и приняли в тот день три машины раненых, и еще потом принимали их три месяца. Из Германии наша армия была перебросена в Чехословакию.

В. Толстикова.

(Из личных воспоминаний).

Победители:

они сражались за Родину

БАССЕЙН Виктор Николаевич, 1920 г. Гв. сержант, пулеметчик. Центральный, 2-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Т. ранение. Награды: орден Славы III ст., «Знак Почета», медали «За победу над Германией», юбилейные.

БАТАЛИН Леонид Алексеевич, 1924 г. Мл. лейтенант, ком. сабельного взвода. 1-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

БЕГУНОВ Николай Андреевич, 1911 г. Рядовой, стрелок. Западный, Ленинградский, Сталинградский, 4-й Украинский, 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

БЕКАРЕВ Степан Николаевич, 1908 г. Член КПСС, майор и/с, зам. ком. батальона по полит. части. Калининский, 2-й Украинский, 2-й Дальневосточный фр. 1941-1945 гг. Контузия, л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные.

БЕЛОНОГОВ Алексей Акимович, 1923 г. Рядовой, связист. Волховский, Ленинградский, 3-й Прибалтийский фр. Награды: медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За доблестный труд», юбилейные.

БЕЛОНОГОВ Сергей Никитич, 1918 г. Член КПСС, старшина, ком. пул. взвода. Сталинградский, Ленинградский фр. 1942-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

БЕССОНОВ Александр Николаевич, 1917 г. Член КПСС, ст. лейтенант, сотрудник СМЕРШ. Калининский, Северо-Западный, Степной фр. 1941-1945 гг. 1 л. ранение, 1 т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией», юбилейные.

БЕССОНОВА (Смычкова) Мария Артемьевна, 1924 г. Мл. лейтенант, санинструктор батареи. Воронежский, Степной, 2-й, 3-й Украинские фр. 1943-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

БОЛЬШЕДВОРОВ Семен Петрович, 1908 г. Рядовой, ст. группы истребителей танков. Юго-Западный фр. 1942-1943 гг. 2 л. ранения, 1 т. ранение, контузия. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

Ужас фашистской неволи

4 глава

Бухенвальд, Майданек, Освенцим, Равенсбрюк – колючей проволокой до сих пор бороздят они сердца людей, напоминая о тысячах замученных, заживо сожженных людей разных национальностей и вероисповеданий, главной виной которых было только желание быть свободными и просто жить. Среди тех, кто пережил ужас фашистских концлагерей, были и камышловцы...

*Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон.
Это раздается в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон!*

*Это возродилась и окрепла
В медном гуле праведная кровь,
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь...
И восстали,
И восстали,
И восстали вновь!*

*Сотни тысяч заживо сожженных
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.*

*Слышите громовые раскаты,
Это не гроза, не ураган.
Это вихрем атомным объятый
Стонет океан, Тихий океан!
Это стонет,
Это стонет
Тихий океан!*

Это не должно повториться

Фашисты ворвались в Курск. Они бесчинствовали в пылающем городе. Большую группу молодежи они угнали в Германию. В их числе и оказалась Нина Гавриловна Комягина. Ее, молодую девушку, вместе с братом, которому едва исполнилось 14 лет, угнали в немецкое рабство.

В Германии устроили торг. Богатые немцы выбирали себе слуг придирчиво. Осматривали зубы, трогали мускулы, как когда-то в рабовладельческом мире. Нина вместе с братом попали на кирпичный завод. На нем уже выполняли каторжные работы сотни советских граждан, насильно согнанных с родных мест. Но и здесь, в самых страшных условиях подневольного труда, пыток и почти непрерывного надзора эсэсовцев, моральный дух наших людей был высок. Они боролись. Организовывали подпольные группы, помогали больным. На одном из вагонов советские девушки написали антифашистское воззвание на русском языке.

Через некоторое время на завод явились гестаповцы. И начались еще более тяжелые дни: пытки, нечеловеческая расправа над ни в чем не повинными людьми. Шла чистка лагеря от неблагонадежных. Наиболее опасных, на их взгляд, перегоняли из одного лагеря в другой.

Самое невыносимое положение сложилось в Равенсбрюке. Каждый день гестаповцы расстреливали за малейшее подозрение в неблагонадежности. А Освенцим — это не просто лагерь, это фабрика смерти. Тут фашисты замучили и сожгли 4 миллиона людей — русских, украинцев, поляков, французов, бельгийцев и других.

Приходилось наблюдать ужасные картины. В огромные рвы с полыхающим хвостом изуверы бросали свои жертвы. В других рвах с кипящим жиром, вытопленном из трупов, гибли дети. Фашисты изощрялись в изобретении средств массового уничтожения. Людям говорили, что их ведут в баню, даже выдавали мыло и полотенце, для отвода глаз, а сами в эти помещения пускали газ. Воздух в лагере был смрадным. Во рту всегда ощущался привкус горелого человеческого мяса. Все крематории дымили день и ночь. Однажды привели целую партию детей. Их закрыли в бараке. Далеко слышен был их раздирающий душу крик. Они просили есть, звали своих мам. Крики эти терзали сердца женщин.

В тот день, после завтрака, получив кусок хлеба из опила и брюквы, женщины, простояв у барачных дворов два часа, как положено, услышали сигнал отбоя. Они кинулись к детскому барачу, чтобы отдать последний кусочек хлеба детям. А как хотелось съесть его самим! А дети... Они были умерщвлены.

Невозможно передать то, что наши люди испытали в рабстве. С наступлением советских войск группу узников погнали в глубь Германии пешком. Из 7000 осталось в живых лишь 500. Слабеющих пристреливали. Но все больше, все слышнее становились канонады наступающих советских частей. В один из таких моментов, когда внимание часовых было ослаблено, трое девушек бежали. Спаслась и Нина Гавриловна.

Долгое время она ничего не знала о судьбе своих подруг. В 1966 году пионеры Украины разыскали их, и она была участницей слета узников Освенцима в Бресте.

Тяжело вспоминать то, что когда-то пережито. Снова заставляя себя мысленно повторять все и содрогаться от ужасов, виденных и пережитых. Но мы должны, и обязаны вспоминать об этом, чтобы молодежь помнила, знала, что такое фашизм, чтобы люди боролись за мир и не допустили ужасов новой мировой войны.

А. Агиевич. (№ 86. 1967).

Майданек

В конце Великой Отечественной войны мне в составе 767-го артополка зенитной артиллерии довелось побывать в Польше. По маршруту добрались до Люблина. Слева, в двух-трех километрах, расположен немецкий концлагерь «Майданек». Нам было поручено нести в нем гарнизонную охрану.

И вот что я увидела: концентрационный лагерь занимает огромную, до полутора квадратных километров площадь, огороженную высоким плотным забором, обнесенным колючей проволокой в несколько рядов. Внутренний ряд подключен к высоковольтной электрической линии. Лагерь состоит из целого ряда улиц из щитовых барачных корпусов. В середине большая площадь с помостом. Внутри барачных корпусов большой проход, по сторонам деревянные нары в три яруса. Отопления или каких-либо печей в них не было. Свет еле-еле пробивался через узкие окна, расположенные на большой высоте. Каждый из 200 барачных корпусов вмещал 300 заключенных. За барачным корпусом расположен блок питания, где ничего, кроме голых столов, нет, баланду ели стоя.

Санчасть состояла из больницы и изолятора, откуда люди больше не возвращались. Самое жуткое впечатление произвели печи для сжигания людей. Они представляли собой громадный котлован, внизу которого были установлены четыре топки. В этот котлован загружался вагонетками уголь. Выше на уровне земли над каждой топкой отверстия с рельсовыми путями. На рельсах каретка с механическими держателями. Как только тело положат на каретку, держатели захлопываются в грудной, тазовой областях и в коленях. После чего каретка сама входит в отверстие, и двери закрываются. Тело сгорает за 10 минут. После чего каретка возвращается назад, и на нее укладывается новое тело. «Производительность» печи — 24 человека в час. Так как умерших заключенных были тысячи, рядом была сооружена вторая печь. Всю работу выполняли сами заключенные. За печами находились рвы с расстрелянными. Последний ров не был зарыт. Жутко было смотреть на картину массового расстрела. Вот с краю лежит женщина с маленьким ребенком на груди, за ней в беспорядке подростки, мужчины, опять женщины. Все они раздетые. Кто же они? В чем они провинились перед Гитлером?

Хотя, кто они, можно установить по складам с одеждой и личными вещами. Это огромные помещения высотой 3-4 метра, доверху наполненные вещами, обувью, много детской одежды.

Таков был «Майданек» в 44-м году. Каждый день к нам, охранявшим территорию лагеря, приходили поляки. Повторялась одна и та же картина: утро, часов 10-11. У ворот советский часовой, в основном девушки. Подходят женщины.

— Ты часовой? — спрашивают, — пропусти до капитана.

— Зачем вам капитан?

— Своих искать.

— Каких своих?

— Да, расстрелянных же, во рву зарыты.

Появляется капитан Пухлов. Он отлично знает, что в распоряжение воинских частей пускать гражданское население нельзя, но разве устоишь перед людским горем.

Лагерь существовал 4 года. И как трудно было им устанавливать личность родственника, пролежавшего во рву без одежды по 2-3-4 года! Таких картин ни забыть, ни простить врагу нельзя! Люди должны помнить и чтить память безвестных героев, отдавших свои жизни за счастье человечества.

Г. Безденежных. (№ 128. 1995).

Ужас фашистской каторги

1941-й. Навсегда останется он в памяти Ани Кокориной. Накануне войны она переехала из Камышлова к мужу со своим маленьким сыном в небольшой латвийский городок Алуksне.

Радостная и взволнованная встречей, Аня и не думала, что больше никогда не увидит мужа. На рассвете 22 июня он вместе с боевыми товарищами на границе отражал массированные атаки фашистских самолетов и танков и в этой неравной схватке погиб как герой.

Черными тучами застилало небо. Земля стонала от разрывов бомб, лязганья танков. То тут, то там завязывались упорные, кровопролитные бои, а между тем, вереницы людей, в основном женщин, детей, стариков с наспех собранной поклажей еще с раннего утра тянулись по обочинам проселочных дорог на восток. Вместе с отступающими, переполненная горем, шла и Аня с грудным ребенком на руках. Когда в воздухе появлялись бомбардировщики, люди разбегались в стороны, маскировались, кто как мог. Потом снова шли, испытывая горечь поражения.

Вечерело. Над хутором опускались сумерки. Истерзанная слезами ребенка, женщина с окровавленными ногами думала найти на хуторе временный приют, но напрасно. Хозяин дома, угождая наступающим немцам, вместе со своим соседом попытался, было, убить непрошенных гостей, но благодаря вмешательству местного комсомольца пленники были освобождены, однако угроза не миновала. Ворвавшиеся на хутор немецкие мотоциклисты согнали оставшихся в живых беженцев в одну группу и погнали в соседнее село.

Рассортировав свои жертвы, немцы отправили Аню вместе с сыном в работницы к одному бывшему латышскому богатею. Медленно тянулись дни на чужбине. Мысль о муже и его судьбе преследовала Аню, и только плач ребенка да окрик хозяина временами отвлекали ее от тяжелых дум.

Как-то ушла она во двор доить коров. Рудик, так звали ее сына, разревелся, и вместо того, чтобы успокоить малыша, хозяин избил ребенка, а когда на детский плач прибежала и Аня, то на ее голову посыпались оскорбления. Рано утром в один из первых февральских дней 1942 года в дом, где жила Ко-

корина, ввалились немецкие солдаты. Чинно откозыряв хозяину, они стали обыскивать Аню. Перевернув постель, обшарив ее немудреные вещи, немцы нашли в узелке маленькую фотокарточку мужа. Как жену офицера они погнали ее в райцентр. По дороге ребенок, которому едва исполнился годик, простудился и умер.

Допросы в немецком штабе были жестокими. Аню пытали, избивали, потом вместе с большой группой русских пленных вывезли в Австрию. Здесь русская женщина вместе с такими же, как она, узниками работала на заводе от темна до темна. Снова постоянные оскорбления, тревоги, снова горечь и слезы. Здесь она не раз сидела в карцере. Но верила сама и убеждала подруг, что время освобождения придет. И оно пришло! 3 апреля 1945 года победоносные войска Красной Армии разгромили немецкую группировку войск в Австрии и освободили заключенных.

Так была освобождена и Анна Григорьевна Кокорина, уроженка города Камышлова, жена младшего лейтенанта Кокорина Ивана Ивановича, погибшего смертью храбрых. Она вернулась в родной Камышлов.

Ф. Корепанов. (№ 84. 1981).

Изуверы

Это было в 1943 году. Войска фашистской Германии с позором бежали под натиском нашей славной армии. На какую только подлость не шли гитлеровцы при отступлении! Однажды нашему полку было дано задание: ночью пройти в тыл врага и взять его в клещи. Первой в село Кантемирово — это на Украине — пошла полковая разведка, в которой находился и я.

Подходили мы к селу с большой опаской, так как знали, что там большое скопление немцев. Подползли к сельским огородам, присмотрелись и решили пробраться в близлежащий дом. Когда мы, трое разведчиков, вошли внутрь, в глаза бросилась страшная картина. На стене большим штырем был прибит ребенок 2-2,5 лет. Мои товарищи хотели поскорее снять ребенка. Только кинулись к

нему, как я вовремя крикнул: «Стой!». Это было не что иное, как фашистская приманка. От ребенка вела тоненькая ниточка к порогу, где была спрятана мина. В это время к дому подъехала машина с гитлеровцами, и нам пришлось принять самооборону. Из машины вышли двое: офицер и солдат-шофер. Стрелять было опасно, так как кузов был прикрыт брезентом, а там неизвестно что. Решили бросить связку гранат. От машины только щепки полетели. Тут в село вступил и весь наш полк.

Меня ранило и контузило. Попал я в медсанбат. А когда очнулся, в глазах у меня все стоял этот мальчик, прибитый к стене и дощечка «Сын коммуниста». Я не знаю, кто его снял и похоронил, но этого ужаса мне никогда не забыть.

А. Казанцев. (№ 60. 1970).

Равенсбрюк

Бывший концентрационный лагерь смерти для женщин и детей. Освобожден 30 апреля 1945 года советскими войсками.

От мыслей всего шатало.
Стою тяжело, устало.
А в жилах до боли сердца стук —
Передо мною Равенсбрюк.
Нет, не в книге, не на экране,
Я рядом, здесь, лицом к лицу.
И чем-то страшным в сердце раненный,
Стою угрюмо и молчу.
Мой взгляд поддержки ищет, взгляда,
А руки — пожатия крепких рук.
Сплотиться, немного надо:
Лишь раз увидеть Равенсбрюк.
Здесь камни, седые от горя и ужаса,
Многоязычно вот-вот вскричат,
Здесь от волнения головы кружатся,
А на стене надпись: «Фройндшафт!»
И, постояв, без слова единого,
Как будто с самой историей тут,
И молодые, и те, что с сединами,
Верю, другими отсюда уйдут.

Н. Соляник.

По местам былых сражений

глава 5

Кому не знакомы слова песни «Эх, дороги...». В ней, пожалуй, вся суть войны. Да и сама война, если вдуматься, не что иное, как дорога, определенный отрезок жизненного пути целого поколения советских людей. Сколько же их было пройдено в нелегком солдатском строю и нашими земляками? Были среди них и горькие, бесконечно долгие, кровью и слезой политые дороги отступления, были и не менее трудные и кровавые, но уже победные марши солдат-освободителей, что начались от стен Москвы и волжских просторов...

*Эх, дороги, пыль да туман,
Холода тревоги да степной бурьян.
Знать не можешь доли своей,
Может, крылья сложишь посреди степей...*

*Вьется пыль под сапогами
Степами, полями.
А кругом бушует пламя
Да пули свистят.*

*Эх, дороги... Пыль да туман,
Холода тревоги да степной бурьян.
Выстрел грянет, ворон кружит:
Твой дружок в бурьяне неживой лежит...*

*А дорога дальше мчится,
Пылится, клубится,
А кругом земля дымится,
Чужая земля.*

Эх, дороги...

А наши сердца не сдавали

*Ревели моторы в дыму и огне,
морозное утро гудело,
Взрывались снаряды на черной броне,
кромсая железное тело.
Немецкие танки под шквалом огня
в сугробах по полю метались,
Экзамен держала не только броня,
сердца за броней проверялись.
Фашистские сдали и сталь, и броня,
их танки пылали багрово,
Нещадно громили врага до конца
танкисты — герои Чупрова.*

Эту песню, написанную поэтом-фронтовиком Каменским, знали и пели все танкисты нашего соединения. Она написана на передовой по горячим следам боев. В ней поется о моих сверстниках, бесстрашных героях. Я и сейчас как живого вижу перед собой танкиста-сибиряка Урозбахтина, протаранившего три фашистских «Фердинанда». Это о таких, как он, и сложена эта песня. Многие наши танкисты шли на таран. Особенно массовыми они стали под деревней Грибушино на Калининском фронте. Здесь фашистским танкам удалось прорваться к нашим позициям. Но они дорого за это заплатили. Мы не только уничтожили прорвавшиеся к нам тупорылые машины врага, но и перешли в контратаку, сожгли в два раза больше техники противника, чем он.

Когда мы с боем брали город Зубцов, наш экипаж, состоявший исключительно из уральцев, отличился смелыми и четкими действиями, обеспечил боевой связью все подразделения танковой бригады и фронта.

Участвовал я и в боях под Ржевом. Фашисты пытались использовать это направление для ускорения разгрома советских войск под Сталинградом. И хотя Зубцов мы брали штурмом, потеряли немало своих бойцов и офицеров, но и фашистов уничтожили тысячи, уничтожили немало их техники, освободили более четырехсот населенных пунктов и отвлекли силы противника от Сталинграда.

Опасной, но очень нужной, была наша работа на радиостанции танковой бригады прорыва резерва главного командования. Меня назначили ее начальником. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы враг ее захватил. Передавая важные радиодонесения, или приняв их для бригады от вышестоящих армейских органов, нужно было немедленно

менять дислокацию. Фашистские разведчики не раз охотились за радиостанцией и ее прислугой. Но мы были хорошо натренированы и мгновенно исчезали из-под носа ишесек.

Дошел я с бригадой до Польши, участвовал со своим экипажем в боях в составе 4-й танковой Армии на Сандомирском плацдарме, тут для меня и закончился фронт.

В. Бураков. (№ 144. 1978).

Линный и тяжелый путь

От Урала до Берлина я прошел вместе со своими боевыми сверстниками 14 тысяч километров. Участвовал в боях за Калинин на Курской Дуге, освобождал Украину, братскую Польшу, мы вышибли захватчиков из Бухареста, громили фашистов под Прагой.

Каждый рубеж на своей территории гитлеровцы превращали в крепость. Нужна была величайшая выдержка, умение и ратная сметка, чтобы разгадать уловки и обезвредить сюрпризы гитлеровцев, а порой и на смерть идти, чтобы выполнить задание командования.

Навсегда в памяти моей остались эпизоды боев под Ржевом. На одном участке сильный огонь немцев задержал наступление нашего подразделения. Я тогда служил в разведке. Мне и моему земляку-уральцу Павлову приказали найти подход в тыл огневой точки противника и обезвредить ее. Мы нашли проход. Внезапно навалились на часового и смяли его. Штыками закололи прислугу, а крупнокалиберный пулемет притащили в расположение своего подразделения. Как вспомню об этом, так и звенит в ушах протяжное: «Ура!», — поднявшегося в атаку подразделения. Мы выполнили приказ, захватили окопы немцев, закрепились на высоте, господствующей над развилкой дорог. За эту операцию меня и Павлова наградили орденом Красной Звезды. Но дело, конечно, не в наградах. Освобождение Родины от фашистских захватчиков, помощь народам Европы, стонавшим под гитлеровским ярмом, изгнание фашистов с захваченных ими территорий — были высокой целью, которая руководила нашими поступками в годы Великой Отечественной войны. И этой цели мы верно служили на всем протяжении длинного и тяжелого пути к победе.

М. Клементьев. (№ 72. 1971).

Замкнули в трех котлах

После разгрома гитлеровских войск под Москвой Красная Армия продвинулась на запад на 400 километров. На пути нашей 31-й армии встал город Ржев, где гитлеровцам удалось создать сильную глубокоэшелонированную оборону. Битва с ними была жестокой. До 3 марта 1943 года шло сражение. От многострадального города почти ничего не осталось.

3 марта, ночью, мы прорвали оборону немцев в районе Осташево и взяли Ржев. После этого немецкие войска не смогли уже закрепиться и лишь у Витебска и Орши снова окопались. Наша армия шла вперед, но Витебск и Орша были основными препятствиями на пути продвижения. Главный удар советских войск был направлен на прорыв обороны фашистов в районе Орши. В июне-июле мы замкнули гитлеровцев в крепком котле. Трое сток артиллерия громила немецкую оборону, наша авиация все дни ни на час не останавливалась, обрабатывая немецкую оборону с воздуха. Наконец настал час штурма, в котором мы добились своей цели. Наступление наша армия продолжала на протяжении десятков километров в глубь обороны. Вся территория была усеяна трупами противника и разбитой техникой.

В районе Минска нам оказали хорошую помощь белорусские партизаны. Они блокировали все главные магистрали, а наша армия с востока отрезала все пути отступления врага и создала «Минский котел». Пленили 57 600 человек. Советские зрители, наверное, видели киножурнал, в котором были показаны эти пленные, понуро проходившие под конвоем красноармейцев по Москве, в том числе 27 генералов.

Ликвидировав «Минский котел», наша армия двигалась вперед, в направлении Восточной Пруссии и к началу апреля 1945 года вышла в район Кенигсберга и завязала упорные бои. В итоге и этот оплот гитлеровской коалиции мы ликвидировали.

В районе залива Форши-Граф, южнее Кенигсберга сопротивление фашистов было окончательно сломлено. На «Сухой косе», шедшей из Кенигсберга на остров Пилау, мы взяли в плен более 40 тысяч человек. В середине апреля советские воины, наконец, железнодорожным транспортом были переброшены в Германию и высадились в районе Берлина второго мая.

В районе Младо-Болевска в Чехослова-

кии создалась большая группировка немецких войск, которая рвалась к Берлину на выручку своему воинству. Ускоренным маршем мы пошли в бой, чтобы покончить с этой группировкой. И в итоге был образован третий котел. Из него большинство пленных было направлено в Германию, но немало фашистов осталось навсегда в чехословацкой земле.

9 мая мы уже торжественно отмечали победу над фашистской Германией, и не было границ нашему ликованию.

А. Башаров. (№ 72. 1980).

Пять против 38

Тяжелый танк «КВ» я получил в первый же год войны, в июле, прямо на заводе. Такие же боевые машины получили и мои земляки Петр Флягин, Александр Старков и Петр Шабалин из Кочневой.

Мы спешили к Ельне, где фашисты прорвали нашу оборону. Не дошли километров 40. Пришел приказ: разгромить противотанковый заслон гитлеровцев на подступах к Ельне. Развернулись и зашли ему в тыл. Завязался ожесточенный бой, но приказ выполнили: 38 вражеских танков раздавили гусеницами и разбили своим орудийным огнем.

Погиб в том бою Петр Флягин. Большинство бойцов наших 5 экипажей пострадало от огня противника. Никто, однако, в бою не дрогнул, хотя для нас он был первым. Сказалась уральская хватка, хорошее знание материальной части боевой техники, умение маневрировать и метко стрелять.

Сражение не прошло бесследно и для наших машин. Мой танк получил 53 попадания. И едва мы только выполнили боевую задачу, как его пришлось вывести с поля боя и поставить на ремонт. Не раз еще он послужил нам. На нем мы громили и изгнали гитлеровцев из Ельни и освободили десятки населенных пунктов в районе Брянска. Правда, здесь фашисты вывели из строя ходовую часть танка, но экипаж не растерялся. Мы использовали машину как неподвижную огневую точку и из своего орудия били по обнаглевшим фрицам. К танку близко не подпустили. Десятки фашистов нашли здесь смерть, а когда стемнело, мы покинули свою бронированную крепость и ушли в лес к своим. Экипаж любил свою машину. Но война — есть война. Исклечили ее гады. Нам дали новую.

Снова — фронт, снова — бои. Громили

мы немцев под Ржевом, освобождали Ригу, Невель. На новом танке воевали мы и в самом логове врага. Наши снаряды и пули вколачивали гитлеровцев в их собственную землю.

В. Вахлов. (№ 54. 1965).

Если дорог тебе твой дом

На экранах кинотеатров мы все чаще стали видеть содержательные и правдивые кинокартины, повествующие о тяжелых буднях 1941 года. Кинофильм «Тишина» раскрыл всю тяжесть фашистского нашествия и непоколебимую волю советского народа к победе.

Смотришь на экран при демонстрации хронико-документального фильма «Если дорог тебе твой дом» и невольно вспоминаешь первые минуты войны, которая застигла нас в стенах Брестской крепости.

От сплошного гула артиллерийской канонады, разрывов снарядов, бомб и мин невозможно было определить, что творится вокруг. Кто-то крикнул, что произошло землетрясение, другой — гроза, а кто-то уверял, что это извержение вулкана. Но это была настоящая война. Так на рассвете 22 июня мы получили боевое крещение. В фильме с беспощадной откровенностью показаны наши танки, обьятые пламенем. Да! Это, к сожалению, было в действительности: бронированные танки горели, как свечи. Этот кадр мне напоминает картину боя 23 июня (второй день) под Брестом.

Наша танковая группа под командованием подполковника Вербицкого быстро шла на поддержку танков 22-й Брестской дивизии, которая завязала танковый бой с бронированной лавиной Гудериана. Вскоре нашему взору открылось страшное поле танкового побоища.

С обеих сторон участвовало большое количество танков, всюду горели машины. Дымом и копотью заволкло весь горизонт, на поле боя метались одиночные фигуры танкистов, спасавшихся от немецкой гибели.

Немецкие танки Т-3 и Т-4 на тяжелом топливе были вооружены семидесятимиллиметровыми пушками. У нас были Т-26, Т-40, Т-60, Т-70 с бензиновыми двигателями и имели сорокапятимиллиметровые пушки. И для того, чтобы вести прицельный поражающий огонь, наша колонна сделала смелый рывок на сближение. Теряя боевые экипажи, она нанесла сокрушительный лобовой удар по фашистской бронированной лавине.

Танки противника, топча свою пехоту, обратились в позорное бегство. Все поле было усеяно фашистским металлом и трупами. Только авиация спасла Гудериана от позорного разгрома.

Среди пограничных войск Брестского укрепленного района много было уральцев. Мне верится, что были там и камышловцы.

Много кадров фильма уделено обороне нашей столицы Москвы, в битве за которую нам довелось участвовать. Горжусь тем, что в почетном списке кинохроника поместила нашу 220-ю стрелковую дивизию 19-й армии генерала Лукина, где сражался наш 137-й танковый полк. Сам генерал Лукин выглядит на кадрах молодцевато. Да он и в действительности был таким стройным, храбрым воином. С этим генералом наша дивизия с боями пробивалась из большого Вяземского «котла», скобывая вражеские дивизии, рвавшиеся к Москве. Многие камышловцы в кадрах этой кинохроники увидели своих однополчан. Им это напомнило о славных делах нашей родной дивизии, в которой мы дрались за «свой родной дом», за Москву.

Н. Булаев. (№ 42. 1968).

Скрипка Конрада

Надо было захватить хутор, прорваться в тыл врага. Приказ командования мы блестяще выполнили. Появление советских танков для гитлеровцев было настолько неожиданным, что они бежали, побросав всю технику и снаряжение.

К трофейным пулеметам и автоматам наш брат уже привык. А вот трофейная елка, украшенная и расцвеченная, вызвала накануне новогоднего праздника всеобщий восторг. К тому же в комнате стол ломился от всевозможных яств. Тем немцам, что бежали и остались живыми, наверное, долгое время икалось от такой потери.

Но это не все, что нам досталось. Главное — мы заполучили Деда Мороза, живехонького организатора елки обер-фельдфебеля Конрада. Он оказался неплохим музыкантом, великолепно играл на скрипке и аккордеоне.

Взмахнул Конрад смычком, и полилась музыка. Под ее мягкий голос мы вспоминали недавние бои, рассказывали подробности, как в районе Калача соединились с войсками Донского фронта, как сходу взяли станцию Чир, как румыны целыми колоннами сдавались в плен.

А то затихал громкий мужской разговор, и прислушивались все к чарующим звукам.

— Ты нам, фриц, «Катюшу» исполни, — попросил кто-то.

И Конрад играл. Только напоешь ему какую-нибудь мелодию, он закивает головой, и нежный голос скрипки выводит всем нам знакомые мотивы.

Засиделись допоздна. Уши танкистов, полуоглохшие от шума моторов, лязга металла, взрывов и криков, ласкала немецкая скрипка.

Потом снова наступление. Часто мы вспоминали о новогоднем празднике около плененной елки. Уже в середине января вернулся после поездки старшина роты Саша Чуйко. Он рассказал, что, проезжая через хутор Водяной со станции Чир, куда ездил за продовольствием, наведаясь к елке-пленнице. Она переходила от подразделения к подразделению в войсках, направлявшихся на фронт, и стала еще краше.

Н. Булаев. (№ 40. 1968).

Ишак-диверсант

Я хочу рассказать одну историю, которая произошла на фронте в 1944 году во время Ясско-Кишиневской операции. Нашей гвардейской дивизии была поставлена боевая задача: наступать с целью окружения большой группировки противника, чтобы враг отсюда не вышел. Мы наступали днем и ночью без сна и отдыха, солдаты были уставшие.

Я был командиром пулеметного взвода. Станковые пулеметы и банки с пулеметными лентами мы несли на себе. Старшина роты оказался находчивым, привел ишака и говорит:

— Вот вам помощник, связывайте банки с лентами между собой и вешайте ему на спину.

Мы связали и повесили 6 банок. А ишачок попался смирный, хороший. Мы двигаемся — он идет рядом, мы остановимся — и он стоит как вкопанный.

И вот однажды ночью для того, чтобы сориентироваться по карте, командиры сделали привал. Мы уже трое суток не спали. Как только остановились, все сразу уснули. Когда подали команду «подъем», мы встали, а нашего помощника — поминай, как звали. Исчез вместе с пулеметными лентами.

Ночь была темная. Сколько мы не бега-

ли в поисках беглеца, бесполезно: он как сквозь землю провалился, разоружил нас. Старшина перепугался, потому что это была его инициатива, и просил нас не докладывать командиру роты, пообещав нам достать то, что увез ишак. Это событие осталось в тайне от наших командиров, а последствия были исправлены, без боеприпасов мы не остались.

А. Бушуев. (№ 53. 2001).

Ожившие танки

На позицию мы вышли ночью. Заняли оборону. Утром увидели степь. Она была обгорелая, изрыта и распахана снарядами, бомбами. Я подумал, что крепко здесь досталось нашим воинам.

Немцы атакуют нас танками, за ними двигались автоматчики. Это повторялось и на второй, на третий, десятый день. Сверху валялись бомбы и снаряды. И все равно мы отбивали гитлеровцев. Завтракать и ужинать приходилось затемно, иной раз не обедали. Такая сложная, накаленная была обстановка.

Но не только нас молотили с земли и воздуха. Мы, сидя в окопах, тоже не давали немцам спуска. Перед нашей обороной с каждым днем все увеличивалось количество подбитых и сожженных фашистских танков, не говоря уже о вражеских солдатах. Танки стояли неподвижные, иные с согнутыми стволами, другие с лопнувшими гусеницами.

Я служил во взводе разведки 115-го стрелкового полка. Как-то командир говорит:

— Что добру пропадать? Мозолят подбитые танки нам глаза, а толку от них нет. Послужили немцам, теперь пусть на нас поработают. Приказываю занять их и вести с танков огонь по врагу.

Роте автоматчиков придали пулеметчиков. И мы засели в подбитых танках. Устроились под ними.

Когда немцы пошли в очередную атаку, пропустили их танки и ударили по фашистским цепям. Подбитые танки, в которых мы находились, оживили, они теперь несли смерть гитлеровцам. А прорвавшиеся машины что без пехоты? Ноль. Сами-то они не могут ни занять рубеж, ни закрепиться на нем. А их еще к тому же встретили наши артиллеристы.

Поднимались фашисты в атаку, мы снова своим огнем заставляли их рыть носом землю. А сами, как в крепости: повсюду броня.

Три месяца ни на шаг не отошел наш полк от занятых позиций, хотя это было не-

легко. Потом дивизию перебросили на переформирование в Саратовскую область. Нашему соединению присвоили звание Гвардейского. В числе награжденных отметили и меня медалью «За отвагу».

Затем снова бои. Форсировали Дон, ос-

вобождали Белоруссию, Польшу, преодолевали реку Одер. Закончили бои 5 мая 1945 года севернее Берлина, встретившись с союзниками. К этому времени я был награжден еще орденом Красной Звезды.

Ф. Кузнецов. (№ 48. 1968).

Победители:

они сражались за Родину

БРОНСКИХ Леонид Дмитриевич, 1921 г. Рядовой, арт., разведчик. Центральный, Северо-Кавказский, 1-й, 4-й Украинские фр. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

БРЮХАНОВ Владимир Николаевич, 1921 г. Рядовой отряда по ликвидации банд бендеровцев в лесах Западной Украины. 1945-1946 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

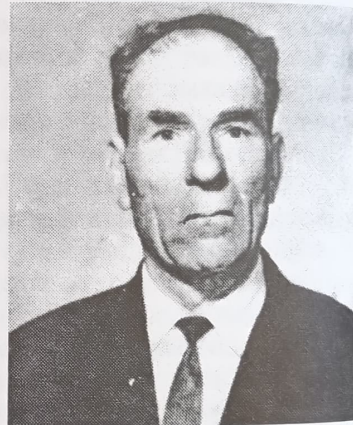
БРЯНДИН Николай Илларионович, 1919 г. Старшина 2-й ст. Северо-Западный, Ленинградский фр. 1941-1942 г. Т. ранение. Награды: орден Славы III ст., медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

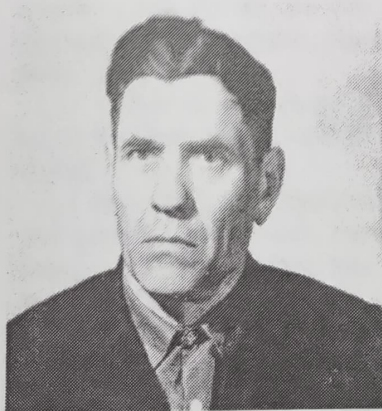
БУЙСКИХ Иван Александрович, 1914 г. Капитан, ст. ветврач полка. Дальневосточный фр. 1945 г. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Японией», юбилейные.

БУЛАЕВ Николай Михайлович, 1921 г. Член КПСС, ст. сержант, механик-водитель танка. Западный, Сталинградский, 1-й, 2-й Украинские фр. 1941-1945 гг. 2 л. ранения, 2 контузии. Участник парада победы. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За отвагу», «За победу над Германией», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За защиту Брестской крепости», юбилейные.

БУЛАТОВ Илья Степанович, 1916 г. Рядовой, шофер. Юго-Западный, 1-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», юбилейные.

БУНЬКОВ Александр Тимофеевич, 1924 г. Член КПСС, старшина 2-й статьи, командор палубы линкора «Севастополь». Черноморский, Северный фл. 1942-1945 гг. Награды: медали «За оборону Заполярья», «За победу над Германией», юбилейные.

БУНЬКОВ Василий Романович, 1910 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. стр. роты. 1-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. 3 л. ранения. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

БУНЬКОВ Роман Федорович, 1913 г. Мл. лейтенант, ком. огневого взвода. Ленинградский, 1-й Прибалтийский фр. Л. ранение, контузия. Награды: орден «Красного Знамени», медали «За победу над Германией», юбилейные.

И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова

6
глава

«Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» — кому не знакомы эти слова политрука В.Г. Клочкова, воевавшего под командованием генерал-майора И.В. Панфилова, сказанные в 4-часовом бою на ст. Дубосеково (восточнее Волоколамска). Великая битва под Москвой стала переломным моментом в ходе всей второй мировой войны. Здесь был нанесен первый сокрушительный удар фашистским захватчикам, отсюда началось освобождение Советского Союза, да и всей Европы от коричневой чумы. В этих боях принимали участие и наши земляки...

Москве

*Вся родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца,
Ведь пояс твоей обороны
Идет через наши сердца!*

*Идет через грозные годы
И долю народа всего,
Идет через сердце народа
И вечную славу его!*

*Идет через море людское,
Идет через все города...
И все это, братцы, такое,
Что враг не возьмет никогда!
Москва!*

*До последних патронов,
До дольки последней свинца
Мы в битвах!
Твоя оборона
Идет через наши сердца!*

Песня сражалась в бою

На нашу армию, в том числе на 49-ю особую стрелковую бригаду, был нацелен главный удар особых дивизий врага. 400 танков рвались вперед на Волоколамском направлении. Против танковой дивизии «СС Рейх» сражалась наша 49-я. Навсегда прославили в боях свои имена А. Антропов, Д. Стешев, А. Гурин, М. Маракулин, Н. Коробатов и многие другие. А начали борьбу с вражескими танками панфиловцы. Им на помощь поспешили сибиряки и уральцы 316-й, 48-й и 49-й дивизий. Они стояли насмерть. Эту стойкость и мужество поэт А. Сурков отразил в песне «Мы выроем немцам могилу в туманных полях под Москвой».

Солдаты сражались героически. Танкист А. Босов подбил 11 фашистских танков. 11-й добивал уже под Истрой в горящем танке. Сам погиб, но врага к Москве не пропустил.

Наши разведчики ночью в 30-градусный мороз в жаркой схватке уничтожили взвод немцев возле поселка Снегири. Нам пришлось идти глубоким снегом, ползти на холоде, на ветру. Фашисты засели в подвалах каменных зданий, в дзотах, в блиндажах, у печек в тепле. Несмотря на это, русский солдат бил их, выкуривал на мороз!

В тех памятных местах теперь стоятobelisks и танки-монументы, свидетели великой битвы и героизма защитников Москвы. Их можно видеть в деревнях Адуево, Ленино, Хованское, в городах Истра, Дедовск, Волоколамск. Героям подмосковной битвы посвятил свои стихи и песни поэт А. Сурков. Он тогда был сотрудником газеты Западного фронта.

«Песня смелых», «За нашей спиной Москва», «В землянке» и другие стали любимыми песнями всех бойцов и командиров. «В землянке» написана непосредственно среди солдат 16-й армии в Истринском районе. Там проходил рубеж, где фашисты уже не смогли наступать. Сбили с них спесь. Как же было не выразить это поэту в своих песнях! В тот день, когда враг был остановлен, А. Сурков находился в селе, где стоял наш штаб. Под вечер, собрав все силы, немцы сделали еще одну попытку перейти в контрнаступление. Их танки и автоматчики окружили село, где был штаб. Завязался ожесточенный бой. Все взялись за оружие. Гранатой, штыком, прикладом бойцы прорвали кольцо, и вышли к своим в сто-

рону Снегирей. Был с нами в том бою и поэт Алексей Сурков. Он написал стихи и вложил их в письмо домой. Они и стали знаменитой песней «В землянке». В письме говорилось о том, что враг не прошел, что он поломал зубы о стойкость советских солдат.

6 декабря 1941 года 16-я армия перешла в наступление и погнала фашистов на запад. В 1942 году композитор К. Листов побывал на нашем фронте, спросил у А. Суркова:

— Нет ли у тебя стихов о войне?

Сурков и передал ему эти стихи, которые потом зазвучали песней для всех бойцов, для всей страны. К. Листов тут же сочинил музыку и среди солдат сыграл ее на гитаре. Она очень всем понравилась. Песню вскоре напечатала «Комсомольская правда». Нам эта песня дорога тем, что она родилась в нашей армии, она помогала нам бить фашистов.

М. Тереховец. (№ 190. 1971).

Высокое звание бойца

Служить в Красной Армии я начал еще до войны с фашистами. Со мной вместе выполняли высокий долг бойцов еще 93 камышловца, было это на одном из восточных рубежей в легендарной Волочаевке. И пели мы тогда песню:

Я Родины славный защитник и воин,
Я сын трудового отца,
Клянусь и ручаюсь, что буду достоин
Высокого званья бойца.

Песня посвящалась военной присяге. И я с гордостью могу заявить, что мы, камышловцы, были верны своей клятве под Москвой до конца. В памяти до сих пор живы подробности той напряженной поры. Шел бой за село Михайловское. Сразу никак не могли взять. Половину села захватим — нас выбьют. И тогда мы решили: что же мы, не бойцы что ли? Окопались в середине села на полную глубину. И ни шагу назад! Две ночи отбивали атаки. Но вдруг обнаружили, что в наше расположение на правом фланге бесшумно вклинились до ста вражеских автоматчиков. И вы знаете, кто с ними расправился? Хозяйственный взвод нашего подразделения — повара, грузчики, ездовые, раздатчики пищи. А почему? Да потому, что каждый из них был бойцом, умело владел любым оружием. И когда они схватились с гитлеровцами в рукопашную, те не выдержали удара. У села Ленино в районе Истры немецкие вояки пошли на

нас психической атакой. Шли в полный рост с песнями. Я тогда командовал отделением пулеметчиков. Стоял наш взвод на самом Волоколамском шоссе. Никто из бойцов не дрогнул! Наши «станкачи» дали фашистам «прикурить», остановили их в 200 метрах. Косили со всей ненавистью и ожесточением! Но на правом фланге немцам все же удалось прорваться. «В штыки», — скомандовал командир, и наши парни показали, что и в штыковом бою умеют бить врага...

4 октября (1941 года) полк вступил в бой за населенный пункт Баранино, и к вечеру немцев выбили из него. На другой день немцы получили подкрепление в живой силе и технике, и нас выбили. Пришлось отступить. 29 ноября 1941 года в районе поселка Снегири меня ранило, и я был отправлен в госпиталь. Ранение было в голову. В госпитале заболел брюшным тифом. Из госпиталя выписался только 4 февраля (1942 года) и снова на фронт...

М. Белканов. (№ 14. 1980).

Я был солдатом

Службу я начал на Дальнем Востоке, там кадровую проходил. Был в кавалерийском эскадроне, а потом, когда лошадей совсем заменили машинами, в механизированном звене. Так мало-помалу и мотоцикл изучил. К технике потянулся. И вдруг — война. Куда? Конечно на фронт! Вот и оказался под Москвой, а потом под Смоленском. Там-то и пришлось туго по-настоящему.

Уж больно силен был фашист. 9 октября наш разведбат попал в окружение. 25 тысяч в кольцо там оказалось, позже я узнал. А потом, когда людей искал, видел, что, словно снопы на поле, мертвые лежат — лютовал фашист. Чудом я жив остался. Нарвался на немцев, гранату противотанковую кинул, меня взрывной волной от своей гранаты и кинуло в сторону...

Долго я шел, прежде чем к деревне одной вышел — к Хоняковой, что в Батуринском районе Черниговской области. Хоть фашист и пугал местных-то смертью, если, мол, те окруженцев спасут, нас прятали все же. Так вот и меня укрывала женщина по имени Мария. В доме своем спрятала. У нее я зиму-то встретил.

Люди-то разные были, староста хорошо относился, не холуй. Чего не было, того не было. От него-то я и попал в партизаны. Поначалу человек 200 собралось, а после тысячу

пять. Я сражался с немцами в отряде имени А. Суворова. В партизанах же был и земляк — наш же кваشینский — Виктор Спиринов. Только он был в другом отряде «Смерть фашизму!»

Сказать надо, что на борьбу вставал и стар, и млад. Целыми семьями. И не боялись погибнуть. Уж больно ненавистен был враг. Конечно, много людей полегло. Так, весной сорок третьего, когда мы соединились с частями Красной Армии, в живых осталось опять же не больше 200. Но силы придавало и то, что вместе с нами против фашизма воевали и сами немцы, честные немцы, прозревшие. У Виктора Спирина в отряде был один такой. Он просил называть его по-русски Иваном Ивановичем. Словно хотел сродниться с нами. Хорошо воевал. Погиб позже под Киевом. Виктор-то после встречался с женой его, так эта женщина горда была, что ее муж выполнил свой настоящий патриотический, интернациональный долг до конца.

Вот так-то: всем миром боролись, потому и победу одержали. А орден я, наверное, получил за то, что выстоял. За то, должно быть, и второй — Красной Звезды. А как же иначе-то? Я солдатом был.

С. Квашин. (№ 73. 1983).

За родную Москву

В великой битве под Москвой мне довелось принимать участие как командиру взвода стрелковой дивизии в составе 50-й армии Западного фронта.

До сих пор в моей памяти живут картины боев в районе села Юхново на Воронцовском шоссе. Тяжелые шли бои. Большие потери мы, однако, наносили противнику. Задача была поставлена нелегкая: с юга перерезать шоссе, идущее на запад, и выйти на соединение с конниками корпуса генерала Белова. Они громили фашистов в тылах врага, не давая возможности отходить от Москвы. Несмотря на леденящую стужу, наши бойцы проявляли большое мужество, находчивость и героизм. Приходилось предпринимать одну атаку за другой. Нередко дело доходило до рукопашных схваток, до коллективных гранатных залпов. Применялись танковые тараны. В конце концов мы сбросили фашистов с шоссе. Захватили, удержали его, а затем и соединились с конниками генерала Белова. После напряженного боя взвода с фашиста-

ми, в котором мы наголову разгромили одно из их подразделений, обсуждали мое заявление о приеме в ряды ленинской партии. 22 февраля 1942 года я вступил в бой уже коммунистом. Меня ранило. Боем руководил до конца, и только потом меня отправили в госпиталь.

Успехи наших войск под Москвой в большей мере объясняются тем, что политработники, коммунисты вели большую разъяснительную работу в войсках, помогали воинам осознавать политическое значение боев за столицу нашей Родины.

Л. Нифантов. (№ 31. 1978 г.).

Храбро дрались уральцы

Наша кавалерийская дивизия формировалась на Урале. Это была дивизия храбрецов, дивизия патриотов.

Первое сражение мы приняли в 120 километрах от Москвы. В то время я командовал эскадрой 102-го полка. Враг стоял на позициях прицельного удара, в специально сооруженных дзотах, укрепленных землянках, имел ходы сообщения полного профиля и был вооружен до зубов. А наше соединение имело на своем вооружении только пистолеты, карабины, клинки, гранаты. Это ставило дивизию в невыгодное положение. Но высок был боевой дух наших бойцов и командиров. В сердцах кипела ненависть к фашистским зверям. А за спиной каждого из нас стояла родная столица — Москва.

Пять суток мы вели ожесточенные бои. Потери наших подразделений были велики.

Пал смертью храбрых комиссар дивизии. Опасные раны получил командир полка, в котором я служил. Но сломить защитников столицы гитлеровцам так и не удалось.

В этом сражении особенно отличились Инокентьев, Белов, Топорков. Они ночью ворвались на крышу укрепленной гитлеровцами землянки и бросили в амбразурное окно связки гранат. В стане противника поднялась паника. Его огневые точки замолкли. Тем самым храбрецы дали возможность остальным подразделениям полка окружить огневой рубеж фашистов и окончательно ликвидировать его.

На своей шкуре испытали гитлеровские захватчики удары частей, укомплектованных уральцами.

Под деревней Рожновкой немцы стянули много техники и живой силы. Повели наступление танками. В это время я находился со своим подразделением в снежных окопах высотой в человеческий рост. Поднявшись на бруствер, увидел, что гитлеровский танк разворачивается вдоль траншеи. Решил выскочить и подорвать его гранатами. Это мне удалось. Швырнул гранаты метко. Танк накренился в бок и остановился. Но и меня нашла фашистская пуля, тяжело ранила. Возможно, не было бы меня сейчас в живых, но вблизи оказались фельдшер и мой связной. Они вынесли меня с поля боя.

Отступая под ударами наших частей под Смоленском в районе Куликовских хуторов, враг чинил неслыханные зверства. Палачи выгоняли впереди себя мирное население, грабили, жгли дотла села, угоняли беззащитных женщин и детей в немецкое рабство. Тех, кто обессилел и не мог двигаться по сугробам, расстреливали на месте. Грудных малюток вырывали из рук матерей и убивали.

М. Жуковский. (№ 30. 1965).

Победители: они сражались за Родину

БУНЬКОВ Сергей Гаврилович, 1913 г. Член КПСС, майор, ком. арт. дивизиона. Крымский, Северо-Кавказский, 1-й Украинский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение, контузия. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I-II ст., орден Александра Невского, медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», юбилейные.

БУРЛАКОВ Александр Павлович, 1923 г. Член КПСС, майор, нач. радиоп. 1-й Прибалтийский, 1-й Украинский фр. 1942-1944 гг. Награды: медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За безупречную службу I и II ст.», «За победу над Германией», юбилейные.

БУТЫРСКИХ Александр Яковлевич, 1907 г. Майор, нач. подвижной авиац. ремонтной базы. Южный, 1-й Украинский фр. 1941-1945 г. Награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., орден Ленина, медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

БУШУЕВ Александр Георгиевич, 1922 г. лейтенант, ком. пулем. взвода. Сталинградский, 3-й Украинский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ВАГИН Андрей Яковлевич, 1902 г. Член КПСС, лейтенант, парторг полка. Волховский, 1-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Л. ранение. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ВАСИЛЬЕВА Надежда Васильевна, 1922 г. Член КПСС, лейтенант медслужбы, фельдшер. Северо-Западный, Донской, 1-й, 2-й Украинский, Забайкальский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные.

ВАСИЛЬЕВ Александр Павлович, 1925 г. Член КПСС, майор, ком. стрелк. роты. 3-й Прибалтийский фр. Т. ранение, л. ранение. Награды: медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

ВАСИЛЬЕВ Всеволод Васильевич, 1910 г. Член КПСС, майор медслужбы, врач батальона. Северо-Западный, Центральный, 1-й Белорусский фр. 1943-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

ВАСЬКОВ Иван Михайлович, 1922 г. лейтенант медслужбы, фельдшер дивизиона. Ленинградский, 1-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

Много камышловцев сложили свои головы у стен Сталинграда, названного позднее, в том числе и за их бессмертный подвиг, Волжской твердыней. А те, кто выжил и вернулся домой, никогда не забудут, какую цену заплатил русский народ за то, чтобы никогда не смогли осуществиться чудовищные планы гитлеровской Германии на мировое господство. Вот их воспоминания...

*На Мамаевом кургане тишина,
За Мамаевым курганом тишина,
В том кургане похоронена война,
В мирный берег тихо плещется волна...*

*Перед этою священной тишиной
Встала женщина с поникшей головой.
Что-то шепчет про себя седая мать,
Все надеется сыночка увидеть.*

*Заросли степной травой глухие рвы.
Кто погиб, тот не поднимет головы,
Не придет, не скажет: «Мама, я живой,
Не печалься, дорогая, я с тобой».*

*Вот уж вечер волгоградский настает,
А старушка не уходит, сына ждет.
В мирный берег тихо плещется волна,
Разговаривает с матерью она.*

Сталинградская ночь

Вечером 16 сентября 1942 года в часто вздрагивающей штабной землянке при свете огарка командир полка, не поднимая головы от карты-километровки, напомнил обстановку:

— Фрицы что-то задумали... три группы, направленные в разведку, не вернулись... нужен «язык», сведения о противнике. Все. Никому не приказываю, решайте сами, кому идти.

Поднялся лейтенант Бережной, двухметровый, сухой, как жердь, сибиряк, вдвое согнулся под потолком землянки, неуклюже переступая с ноги на ногу, сказал:

— Я пойду. Людей разрешите выбрать самому.

— Действуй.

По-какому-то ему одному понятному качеству Бережной отобрал в группу людей из разных рот и даже батальонов. Был тут и узбек Ахмат Абдуллаев, учитель Костя Гранин, уралец Вася Васильев, которого так и звали Вась-Вась, и наш земляк, камышловец Илья Маркович Козырев.

Ночь выдалась тихая, светлая и горстку бойцов загоняла в землю. Все они проклинали и эти горящие звезды, и луну. Потом откуда-то из-за Волги хлынул сырой сквозняк, небо заволокло тяжелыми тучами, и на степь рухнула густая темень.

Разведчики животами бороздили расквашенную осенними дождями землю, неслышно перекатывались через груды немецких трупов, с болью в сердце узнавали и павших товарищей. В этой адской мешанине, в гряде того, что еще вчера называлось людьми, трудно было отличить своих от чужих: все были одинаково деревянными с дико смотрящими глазами, равнодушные ко всему окружающему — к живому и мертвому, к сегоднешнему и завтрашнему.

Внезапно Бережной остановился, подошел Гранина.

— Как у тебя с этим... «ком, ком?», — спросил он.

— Институт же окончил, да и жил с немцами, — ответил Костя.

Они посоветовались, затем Бережной отдал команду:

— Раздевай мертвяков! Всем надеть немецкую форму!

Так с «ничейной» земли в расположение противника вышла группа «немецких» солдат. Своя форма осталась лежать в сыпу-

чей степной земле. Они прошли по расположению врага с востока на запад и с запада на восток. Гранин козырял в темноте встречным офицерам, хлопал по плечам танцующих от ветра часовых и покрикивал:

— Шнеллер! Шнеллер!

Время от времени проходили группы немецких солдат, и их командиры тоже покрикивали: «Шнеллер! Шнеллер!»

Уже было ясно, что немцы стянули под Котлобань мощный кулак живой силы и техники. Было понятно, что готовится новый удар по Сталинграду. Но без «языка» Бережной возвращаться не хотел. Когда Гранин указывал на кого-либо из часовых, лейтенант только отмалчивался.

— Пусто в мозгах. Надо кого-то с брюшком.

Ночь гасла. Вот-вот брызнут первые нити рассвета. В память врезалась каждая зенитка, каждый танк, каждый бронетранспортер, а хорошего «языка» все никак не могли найти. Козырев шепнул Бережному:

— Пошупаем вон тот домик. Что-то часто туда бегают фрицы. Да и охрана.

— Добро, — согласился лейтенант, — ждать все равно больше нельзя.

Около бетонных дверей Гранин зычно крикнул:

— Хальт!

Козырев метнул в открытую пасть двери гранату. Вторая граната полетела из рук Вась-Васи. Они врываются в помещение с бетонированными стенами. Крѳвь, стоны, дым, гарь.

— Шнеллер! — кричит Гранин.

— Хватит! — рявкнул Бережной, — ищите живых и мотаем, бал-маскарад закончился.

В дальнем углу за дощатой перегородкой бледнел голубой аккумуляторный огонек. Козырев рванулся вперед, плечом высадил хрупкую дверь. На деревянных нарах в одних подштанниках дрожало пухлое мужское тело, а на тумбочке лежал мундир с генеральскими погонами. Козырев всем телом навалился на генерала, но тот вдруг оказал отчаянное сопротивление. Подоспел Вась-Вась, и огромный его кулачище успокоил расхрабренного вояку в кальсонах.

— Илья, вяжи, да портянку ему в глотку, чтоб не запел, — сказал он

Подбежал Бережной.

— Молодцы, братки. Хорош гусь. Козырев, Гранин — с генералом вперед! Остальные на прикрытие! Живо! Эх, и будет, братки, заваруха! Генерала сперли!

Они вернулись все. Все 17. Живыми и невредимыми. А утром на передовых позициях был генерал Рокоссовский. А еще через сут-

ки там, где были немецкие танки, пушки, бронетранспортеры, дымились груды металла.

Н. Светлов. (№ 72. 1968).

Мой боевой друг

Наша боевая молодость началась в середине августа 1942 года, когда мы, воины 40-й гвардейской дивизии, с ходу вступили в бой против трех пехотных дивизий и 2-х танковых бригад немцев, наступавших на Сталинград.

В ту пору нам было по 19. Почти никто еще не успел по-юношески влюбиться в девушку, но мы горячо любили нашу советскую родину. Ради нее не щадили ни крови, ни молодых жизней. На каменистых высотах, откуда на много километров видна Россия, разыгались тяжелые бои с немецкими танками, в которых принимали участие и воины-камышловцы. Особенно хорошо я помню Яшу Квашнина. Он был на год старше меня. С ним я все время находился рядом и в атаках, и в окопах. Среднего роста, коренастый крепыш, с вечно румяным лицом и своеобразной улыбкой. Грустил редко, обычно после боя, в котором мы теряли верных боевых друзей. В таких случаях он задумывался, хмурил брови и слал гадам-фашистам крепкосольные проклятия.

В ночь на 21 августа под огнем противника мы атаковали высоту 180,9 из хутора Дубового. Перед нами высилась глухая стена обрыва, почти отвесные скалы. Сбивая камни, карабкаясь вверх, цеплялись за каждый выступ. Комиссар батальона Куклин призывал:

— Вперед, герои! Вперед, патриоты России! Вперед, сыны Отечества!

Мы бросились под фейерверк транслирующих очередей немецких пулеметов в решительную атаку. С криками «Ура!» врываемся в гитлеровские окопы. Яша здорово работал гранатами и что-то бурчал, не разобрать. Немцы не выдержали натиска и побежали. Мы их догнали и пустили в ход штыки.

А утром, часов в 9, на наш батальон враг бросил 40 танков и 2 батальона пехоты. Огнем отсекали пехоту от танков, гулко застучали наши бронебойки. Стреляем по бортам танков, а они хлещут по нашим окопам из пушек и пулеметов. Откуда-то спереди из ложины «лают» шестиствольные минометы. Вспыхивают первый, второй, третий, четвертый танки, а остальные нахально прут вперед. Стволы винтовок раскалились, ладони правых рук немеют, песок и пороховая гарь заедают затворы. Смотрю вправо: Яша ударом

камня открывает и закрывает затвор винтовки и снова стреляет, ведет прицельный огонь. Капитан Кузнецов из противотанкового ружья подбивает еще три танка, но и сам падает, сраженный пулеметной очередью. А на высоте уже полыхают одиннадцать танков, вокруг них загорелась трава, и вся высота в едких клубах дыма и в огне. Наши лица почернели, и мы не узнавали друг друга, видны только белки глаз и зубы. Запах соларки перемешался с запахом горящей полыни, пороховой гарью и трупным запахом.

Геройски дрался в этом бою Яков Миронович Квашнин, дрался за себя и за павших товарищей. 17 вражеских атак отразил он со своими оставшимися в живых товарищами только за два дня. Много боевых друзей пало в том бою. За их гибель сурово мстил фашистам уральский паренек с голубыми петлицами и финкой на поясе — Яков Квашнин.

24 августа в бою за высоту 146,6 он гранатами уничтожил немецкий пулемет вместе с расчетом. В смелых ночных атаках схватывался с врагом врукопашную. Осколки вражеских, ручных гранат не раз застревали в его кисете с махоркой, подаренном делегацией саратовских рабочих прямо на переднем крае 6 ноября 1942 года.

Вместе с Яковом я участвовал в освобождении от врага населенных пунктов Камышинка, Венцы, Манойлин, Верхняя Бузиновка, Самохин, Нестерпин, Фролов. В ночь на 1 декабря из хутора Фролов мы поднялись в атаку на станцию Обливская. Неожиданно в упор застрочил немецкий пулемет, до которого оставалось не более 100 метров. Яков шел в цепи левее меня. Длинной пулеметной очередью гвардии младший сержант Квашнин Яков Миронович был сражен. Я с гранатами бросился к пулемету, отомстить за друга, в обход справа, но тоже попал под пулеметный огонь и был тяжело ранен.

Имя бесстрашного патриота Родины Якова Мироновича Квашнина всегда будет жить в памяти жителей станицы Обливской и оставшихся в живых ветеранов нашей славной Енакиево-Дунайской гвардейской стрелковой дивизии.

А. Чаплыгин. (№ 31. 1968).

Он дрался у стен Сталинграда

Летом и осенью 1942 года немецко-фашистские орды продолжали наступление в

районе Северного Кавказа. Словно от сильнейшего землетрясения содрогался героический Сталинград. В его окопах ежедневно перемалывалось немало живой силы и техники. В некоторых полках и дивизиях оставалось по несколько десятков, по сотне боеспособных солдат. Фронт постоянно требовал свежих сил, пополнения.

Вот почему в сентябре 1942 года под Сталинград были срочно переброшены курсанты пехотного училища. Среди них находился и наш земляк Петр Яковлевич Николаев. Прибывших расположили в готовых траншеях, вырытых в рост человека, но это не было знаком внимая к курсантам. Просто в этих траншеях почти не осталось живых солдат.

Оглушительно ухали фашистские авиабомбы, превращая многоэтажные постройки города в руины и пепелища. В городе бушевали пожары, которые ночью выглядели как огромные зарева. Среди руин не умолкала артиллерийская канонада. Немецкая линия проходила от нашей в 250-300 метрах. Петру Яковлевичу Николаеву и прибывшим с ним курсантам выдали противотанковые ружья, и, образовав специальную истребительную роту, сказали: «Неподалеку от вас располагается 14-я танковая дивизия фашистов. В ней насчитывается около 150 машин. Они в любое время могут оказаться перед вами. Ваша задача: во взаимодействии с артиллерией не допустить прорыва нашей обороны».

Немецкие танки на этом участке не появлялись. И в конце первой декады сентября подразделение, в котором служил П. Николаев, предприняло ночное наступление, но оно успеха не имело, так как вражеские силы в два-три раза превосходили наши. Через несколько дней наступление возобновилось. Опять курсанты пехотного училища с криками «Ура!» ринулись в атаку. С автоматной-пулеметной стрельбой бойцы заполнили нейтральную зону и позиции фашистов. Но и теперь противник отступать не собирался. Словно огненные стрелы замелькали трассирующие пули, оглушительно резко рвались снаряды и мины. Николаев неожиданно почувствовал ожог в локте правой руки, увидел, как из рукава хлынула кровь. Рану следовало бы, конечно, сразу перевязать, чтобы остановить кровотечение, но... идет бой. И он зажал свою рану рукавом шинели.

Наступающие курсанты и солдаты несли большие потери. На глазах Николаева падали его боевые товарищи. Атака захлебнулась. Им приказали отойти на прежний ру-

беж. В окопе Николаеву оказали первую медицинскую помощь и отправили в медсанбат. Лечиться Петру Яковлевичу пришлось долго. Сквозная рана локтевого сустава с повреждением кости заживать никак не хотела. А когда, наконец-то, зажила, его признали непригодным к строевой службе и списали в обоз. Но и в обозе наш славный земляк с оружием не расставался. Вместе с другими бойцами он подвозил боеприпасы и продовольствие для своей части, эвакуировал больных и раненых, и закончился его боевой путь в далеком польском городе Гданьске.

И. Свешников.

(Печатается в сокращении.)

№ 44. 1980).

Стояли на смерть

В великой битве на Волге вместе с другими уральцами героически сражались и многие камышловцы. Среди них А.М. Теме-рев, ныне электрик Галкинского совхоза, И.А. Бекетов, работник торгова, А.Ф. Павлов, работник фабрики бытового обслуживания, М.А. Пушкарев, мастер по ремонту на автопредприятии и многие другие. Родина высоко оценила их боевые заслуги, наградив орденами и медалями.

В отдельном батальоне связи 131-й пехотной дивизии воевал камышловец Виктор Костриков. Он не раз восстанавливал связь под огнем противника. О его храбрости писали армейская газета и боевой листок. Однажды, устраняя порыв связи, он оказался вблизи артиллеристов, которые вели бой с фашистскими танками. Вдруг Виктор заметил, что одно орудие прекратило огонь. Там был убит заряжающий и тяжело ранено еще два бойца. Костриков немедленно бросился к оружию и заменил заряжающего. Вместе с оставшимися в живых артиллеристами он вел огонь, пока танки противника не повернули назад. Как оказалось, он был не только замечательным связистом, но и хорошим артиллеристом. И когда танки опять пошли на батарею, он снова вступил с ними в бой. И лишь поразивший его осколок от разорвавшегося поблизости снаряда не дал ему возможности продолжать бой дальше. Он упал, обливаясь кровью.

Немало камышловцев погибло при обороне Сталинграда. Это и в их честь воздвигнут мемориал в центре нашего города.

А. Яковлев. (№ 19. 1973).

берегов Волги

В числе 46 юных камышловских добровольцев ушел на фронт и я. Был командиром артиллерийского подразделения, парторгом роты. В самых трудных условиях словом правды поднимал я бойцов в атаку. Не раз меня крепко цапал фашистский металл, но после выздоровления я снова вставал в строй.

Под Сталинградом был старшиной бронетанкового батальона. Пробивал броню фашистских танков, и при всех обстоятельствах обеспечивал бойцов и командиров батальона всем необходимым.

...Под Астахово мы прибыли к вечеру, и сразу в бой. Поскольку мы были танкистами-бронбойщиками, нам в первую очередь приказали прорвать оборону противника у села, захватить и удержать его. Село стоит на узле важных дорог. И мы эту задачу выполнили.

В разгроме Сталинградской группировки войск противника наше соединение сыграло немалую роль. Бойцы и командиры проявили героизм, храбрость, высокое мужество. Вместе со всеми воинами соединения наш батальон участвовал в прорыве оборонительной полосы в районе Астахово. Только за одни сутки ожесточенных боев мы преодолели сопротивление врага и взломали его оборону на глубину 10 километров. Через образовавшуюся брешь двинулись в наступление наши передовые части. Они расширили и углубили прорыв.

Особенно отличались наши танкисты-уральцы, сибиряки, действовавшие в танковой группе гвардии подполковника Позолотина. Опередив и обойдя фашистские части, танкисты Позолотина вышли на главную дорогу, по которой должны были отходить немцы, и стали в засаду. Ждать долго не пришлось. Утром на дороге показалась громадная колонна немцев. Двигались пехота, артиллерия, обоз с награбленным добром.

Мы подпустили их почти вплотную. Наши танкисты и приданные им десантники-автоматчики открыли массированный огонь. Правда, в некоторых местах немцы пытались контратаковать, но сражение окончательно проиграли.

В этих боях мы истребили 10 тысяч солдат и офицеров, уничтожили большое количество вражеской техники. За руководство этой операцией Позолотов был удостоен звания Героя Советского Союза, ордена Красной Звезды. Вообще наград удостоилось большинство солдат подразделения,

потому что сравнительно небольшими силами мы выиграли тяжелые бои. Перемазывали большие силы фашистов и способствовали осуществлению главной задачи — окружению и ликвидации всей группировки гитлеровцев.

Каждый день бой рождал сотни и тысячи героев. На протяжении двух недель, отражая контратаки врага, танкисты и артиллеристы Войтенко, Кириллов, Федоровский истребили по 7-10 танков каждый. Бронбойщики Туркадзе и Коротких за один день своими ПТР уничтожили по три немецких танка.

Отсюда боевой путь пролег на запад. Мы освобождали братскую Польшу, Венгрию, освободили столицу Австрии Вену.

Не раз о доблести и подвигах нашего соединения говорилось в сводках Совинформбюро. И я горжусь тем, что служил в нем, что с оружием в руках защищал Родину.

Ф. Зырянов. (№ 31. 1978).

Битва под Сталинградом - решающий фактор Победы

События под Сталинградом не зря называют Сталинградской битвой. Это не только атака, сражение или контратака, а действительно битва насмерть. Девиз: «Стоять насмерть! Ни шагу назад!», — был главной движущей силой всех ратных подвигов. Наш 762-й истребительно-противотанковый полк резерва Главного командования в сентябре 1942 года был тоже направлен под Сталинград.

В один из сентябрьских дней рано утром наш эшелон в полном боевом составе и техникой прибыл на станцию Эльтон. Кругом было тихо. Бойцы без промедления начали разгружать вагоны. Только успели разгрузить 45-миллиметровые орудия и снаряды, как внезапно налетели вражеские самолеты и разбили весь железнодорожный состав с оставшейся там кухней, продуктами питания и лошадьми, которые являлись тягловой силой. Так мы впервые узнали, что такое война. Второе крещение без выстрела с нашей стороны мы получили в период переправы через Ахтубу и Волгу. Здесь мы понесли незначительные потери в живой силе от вражеских артиллерийских снарядов. В основном полк благополучно прибыл к месту назначения и был при-

дан 62-й армии маршала Чуйкова. Здесь мы вместо конной тяги были снабжены авто-транспортом.

После полного окружения 330-тысячной армии Паулюса и капитального закрепления на огневых позициях, в середине ноября 1942 года залпом из всех видов орудий и минометов мы возвестили о контрнаступлении наших войск. Но враг упорно сопротивлялся и делал частые попытки (особенно в западном направлении) прорвать кольцо и выйти из окружения. Но все это было безуспешно. В этих случаях нашему истребительному противотанковому полку приходилось делать частые маневры на большие расстояния к местам скопления вражеских танков, чтобы не дать им разомкнуть кольцо окружения.

В одном из тяжелых боев на станции Воропеново нас из орудийного расчета осталось только двое. Находясь на переднем крае вместе с пехотой, мы до наступления темноты вели огонь прямой наводкой по вражеской технике и живой силе. В этом бою я был легко ранен в ногу. Быстро сделав перевязку, снова взялся за прицел и выполнял роль наводчика вместо убитого товарища. С наступлением темноты бои утихли. Врагу ни на шаг не удалось пройти вперед. Ночью мне дали подкрепление — 4 человека. На рассвете прибыли пехотинцы и остальные три пушки нашей батареи. Появилась тяжелая артиллерия. Не дожидаясь полного рассвета, после хорошей артподготовки наши войска перешли в контрнаступление и передвинулись далеко вперед. И так почти каждый день шли тяжелые бои вплоть до приближения полка к стенам Сталинграда от Дона до Волги.

Наконец полк занял оборону на правой стороне речки Царицы. Немного отдохнув, получили приказ вести огонь по домам и объектам, где укрепились гитлеровцы. Мое орудие вело огонь по больнице, где было большое скопление вооруженных немцев. Вскоре был дан приказ прекратить огонь из всех видов оружия. Наступила тишина.

Вдруг видим: в балку к речке Царице с левой стороны пешком спускаются три немца

с белым флагом, а с нашей стороны медленно спускается броневик. Это были переговоры. Немцы предлагали сдаться, обещали оставить всю свою боевую технику, но просили выпустить их из окружения без плена. Наше командование на их предложение не пошло. Вскоре передали приказ — бить по Сталинграду из всех видов оружия для окончательного разгрома врага. Артподготовка была очень сильной и длительной. Мое орудие било по той больнице сначала бронебойными, а затем осколочными снарядами. После артподготовки в тот же день мы заняли штаб Паулюса, который сдался в плен со всеми своими генералами. Штаб был размещен в центре города, в подвале главного универмага. Перед зданием универмага были выстроены 24 генерала.

Сталинградская битва была решающим сражением и положила начало коренному перелому в ходе второй мировой войны. В течение 5 месяцев мы формировали почти новый полк новыми, более крупнокалиберными орудиями. Пополнение было в основном разных национальностей: узбеки, казахи, туркмены и т. д. Но молодые воины оказались стойкими, настойчивыми, хорошо овладели боевой техникой.

После полного формирования наш полк пошел на запад в составе 3-го Украинского фронта. Форсировали Днепр, Буг. На Буге после переправы и занятия обороны на небольшом плацдарме фашисты, скопив большое количество танков, перешли в контрнаступление. В этом бою наше орудие подбило два танка «тигр». А затем, неожиданно, почти прямым попаданием снаряда орудие и весь расчет были выведены из строя. Кого убило, кого ранило. Меня контузило и ранило в ногу. Я оказался в госпитале.

Возвратился домой инвалидом войны. Не имея возможности работать физически, поступил учиться заочно без отрыва от производства. Сначала окончил техникум, затем институт. Вот так прошла наша юность и молодость. Это были тяжелые военные и восстановительные годы.

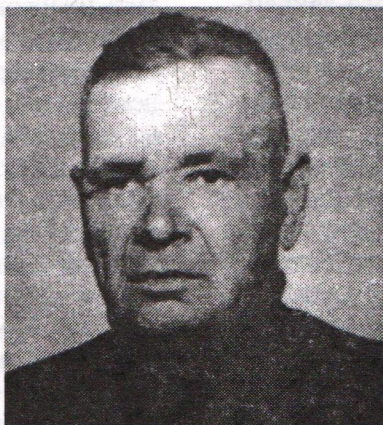
Г. Заерев. (№ 98. 1985).

Победители:

они сражались за Родину

ВАТАГИН Александр Иванович, 1924 г. Сержант, ком. отделения разведки. 1-й Белорусский фр. 1943-1945 гг. Л. ранение, контузия. Награды: орден Славы III ст., орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

ВАТАГИН Василий Сергеевич, 1916 г. Сержант, шофер. 1-й, 2-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией», юбилейные.

ВАТАГИН Иван Васильевич, 1924 г. Рядовой, минометчик. Сталинградский, Донской, 1-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

ВАТАГИН Иван Сергеевич, 1903 г. Член КПСС, капитан, комендант поезда «Вертушка». Западный, 2-й Украинский фр. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

ВАХЛОВ Петр Дмитриевич, 1901 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. пулем. взвода. Центральный, 3-й Белорусский фр. 1943-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За доблестный труд», юбилейные.

ВАХТОМОВ Василий Иванович, 1908 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. батареи ПТР. Западный, Северо-Западный, 1-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. 2 т. ранения, 2 л. ранения. Награды: орден Красной Звезды, орден Александра Невского, орден Отечественной войны I ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

ВАШЕНОК Евгения Михайловна, 1922 г. Мл. лейтенант медслужбы, ст. операционная сестра. Ленинградский, 1-й Украинский фр. 1943-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ВЕЛИКОКОНЬ Василий Тихонович, 1924 г. Ст. лейтенант, автоматчик. Центральный, Западный, 1-й Белорусский фр. 1942-1944 гг. Т. ранение, л. ранение. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ВЕРИЛОВ Тимофей Иванович, 1910 г. Ст. лейтенант, ком. саперного взвода. Западный, 1-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Л. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», юбилейные.

Победители: они сражались за Родину

БОРЗЫХ Виктор Дмитриевич, 1915 г. лейтенант, ком. стр. роты. Ленинградский фр. 1943-1945 гг. Т. ранение, л. ранение. Награды: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

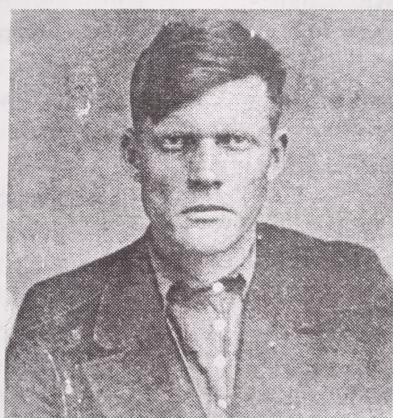
БОРОВСКИХ Николай Яковлевич, 1914 г. Член КПСС, мл. лейтенант, ком. стр. взвода. Ленинградский фр. 1941-1944 гг. Т. ранение, контузия. Награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

БОРОДИН Владимир Венедиктович, 1919 г. Член КПСС, мл. лейтенант, командир танка Т-34. Дальневосточный фр. 1945 г. Награды: медали «За победу над Японией», юбилейные.

БОРОДИН Григорий Васильевич, 1925 г. Член КПСС, разведчик, топографист, подполковник милиции. Ленинградский, 1-й, 2-й Прибалтийские фр. 1943-1945 гг. Контузия. Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

БОРОХВОСТОВ Федор Николаевич, 1914 г. Член КПСС, лейтенант, ком. стр. взвода. Западный, Сталинградский, 1-й Украинский фр. 1942-1944 гг. 1 л. ранение, 1 т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

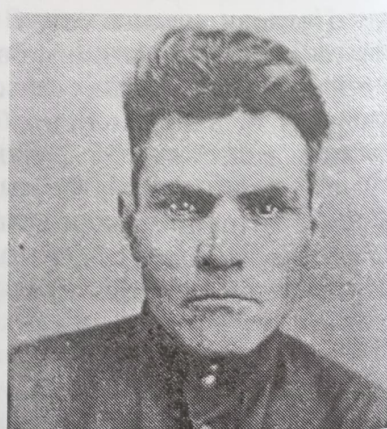
БОЧКАРЁВ Михаил Меркурьевич, 1925 г. Рядовой, шофер. 4-й, 1-й Украинские фр. 1943-1945 гг. Награды: медали «За отвагу», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

БОЧКАРЁВ Павел Федорович, 1915 г. Член КПСС, мл. лейтенант, ком. пулем. взвода. Западный фр. 1943-1944 гг. Т. ранение. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

БОЧКАРЁВ Петр Логинович, 1905 г. Член КПСС, ст. лейтенант, военный прокурор. Западный фр. 1941-1942 гг. Т. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

БРОДОВИКОВ Семен Николаевич, 1903 г. Член КПСС, лейтенант, ком. взвода автоматчиков. 3-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. Т. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

Золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны вписан беспримерный подвиг ленинградцев. 900 дней гитлеровской блокады не сломили город! В голоде, холоде, под постоянным обстрелом и бомбежками город Ленина жил и сражался. Сражались под стенами священного города и наши земляки, это и их кровью полита земля ленинградская, и их лепта внесена в тот счастливый миг, когда наконец-то нашим войскам удалось прорвать вражеское кольцо.

*Враг подошел к воротам Ленинграда!
На город он бросает жадный взгляд.
Громить врага клянемся без пощады
Мы за тебя, любимый Ленинград!*

*Наводчик цель поймал на перекрестье,
Врага в окопе достает снаряд.
Великой клятвой и призывом к мести
Звучат слова: «Вот вам за Ленинград!»*

*Танкисты наши смелы, ловки, метки,
И летчики не возят бомб назад.
Стрелок-радист, нажавший на гашетки,
Кричит врагам: «Вот вам за Ленинград!»*

*Придет пора — мы двинемся лавиной,
И в страхе враг покатится назад.
Громить фашистов будем под Берлином
Мы за тебя, любимый Ленинград!*

Бой за станцию Мга

22 июня был воскресный день, и вдруг слышится: война... Мы, комсомольцы, 17 сентября 1941 года подаем заявление на фронт. 3 октября добровольно уходим в армию. Сначала курсы младших командиров лыжников в Перми.

15 декабря 1941 года по приказу Верховного Главнокомандующего мы, не закончив учебу, как курсанты-лыжники попадаем на фронт в составе батальона при 20-й армии Западного фронта в районе деревни Петушки. Разведывая, пробирались по тылам врага, перерезали коммуникации при отходе противника. Наш лыжный батальон в зимних условиях имел большую силу.

23 февраля нас, комсомольцев-лыжников, собрали и направили на курсы младших лейтенантов 20-й армии. Через два месяца усиленной учебы, получив звание, я снова на Западном фронте. Станция Шаховская. 379-я стрелковая дивизия, 1253-й стрелковый полк. Я — командир взвода минометов. Полки в это время готовятся к наступательным действиям в районе Погорелое Городище.

4 августа 1942 года в 4 часа утра все вокруг зашумело, небо вспыхнуло. Это началась артподготовка, которая продолжалась четыре часа, затем жестокий бой, и как результат — прорыв обороны противника по фронту на 50 километров. Так мы взяли станцию Погорелое Городище и вышли на реку Вазузу, приток Волги под станцией Сычовка.

12 августа на переправе через реку Волгу меня ранило в плечо осколком. Осколок этот так и ношу в себе. Тогда был месяц в госпитале г. Мытищи, вернулся на фронт, в свой полк, который в это время вел упорные бои под Ржевом.

В конце декабря 1942 года я попал на Волховский фронт, которым командовал маршал Мерецков. Здесь усиленно готовится прорыв блокады Ленинграда. Бои были упорные. 8 февраля войска Волховского фронта соединились с войсками Ленинградского фронта, овладев Синявинскими высотами и станцией Шлиссельбург. Был сделан прорыв шириной 5-6 километров между противником и озером Ладога, и был проложен железнодорожный путь по берегу озера, по которому поехали в город Ленинград. Про упорные бои за станцию Мга даже была сложена песня:

Будут в преданьях навеки прославлены
Под пулеметной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.

Когда разыгрались кровопролитные бои на Курской Дуге, о нашем направлении, Волховском, говорилось: «Существенных изменений не произошло». Бойцы всегда посмеивались: «Ничего себе».

Каждый день шла артиллерийская канонада, с учетом реактивных снарядов. Тяжелые реактивные снаряды мы называли «андрюшами», а гвардейские минометы — «катюшами». Помнятся дни, когда в полку оставалось по несколько человек «активных штыков». Иногда на орудиях и минометных батареях оставалось несколько бойцов, а остальные шли в ряды пехотинцев с автоматами и пулеметами, добиваясь выполнения поставленных командованием задач.

В те дни я из минометной батареи был вызван на наблюдательный пункт командира полка майора Рязанова, где получил приказ установить связь между батальонами и флангами соседних полков, так как после наступательных действий она была утрачена. Как было трудно! Синявинские высоты, а между ними торфяные болота. Никаких траншей. А если они и были, то сплошь залиты водой. Но связь мы все же установили. На другой день командир полка Рязанов дает новую задачу: разведать передний край противника, его огневые точки, и взять «языка».

Группа лазутчиков в составе 4-х человек готовилась недолго. Я уже был знаком с командирами рот и батальонов при установлении связи, и поэтому именно меня направили на это задание, дав мне еще трех человек из полковой разведки. Ночь была выбрана дождливая. Августовская непролазная грязь, болота. Мы в воде где по колено, где выше, в солдатских плащ-палатках, с автоматами, ножами и гранатами на поясе. Где прижавшись к самой земле, а где и вовсе ползком, стараясь не производить никакого шума, движемся в сторону противника, который постоянно пускает ракеты. Все взоры обращены на ту огневую точку, что мы наметили своей целью. В то же время, зная, что и противник ведет разведку, крайние наши товарищи зорко ведут наблюдения: один прикрывает правый, другой — левый фланг нашего маленького отряда, а я с сержантом — только вперед!

Подползли вплотную к брустверу траншеи. Быстро, броском в траншею, сзади пулеметного гнезда, и тут же набрасываемся на пулеметчика и скручиваем ему руки, пришлось даже слегка его «погладить», чтобы понял, что с ним «друзья», но в это время второй

фашист, находившийся сзади в землянке, успел подать сигнал тревоги по проволоке, где были навешаны консервные банки. Но мы все же успели утащить этого фрица с собой, и даже взяли его документы и журнал, и карточку огня, что нашли в землянке. Потасили его опять же ползком. Немцы открыли беспорядочный огонь, но мы уже миновали нейтральную полосу, и он нам не мешал. Все обошлось хорошо. Меня, правда, ранило, но легко, а сержанту перебило разрывной пулей руку, и ему тут же в траншее оказали медицинскую помощь.

«Языком» оказался унтер-офицер, и он дал ценные сведения. Нас тогда всех представили к награде. Тут же в штабе от генерала 2-й ударной армии я получил орден Красной Звезды.

В медсанбате подлечился дней 10 — и снова на фронт. Война не ждет. Состоялся только прорыв блокады, но она не снята полностью. Взята узловая станция Мга, и наша дивизия перебрасывается на Калининский фронт, а далее создается 1-й Белорусский фронт, 2-я ударная армия, куда входит и наша часть. Начинается операция «Освобождение».

А. Суворов.

(Из личных воспоминаний).

Три медали «За отвагу»

Январь 43-го стоял выюжным. Только что закончилась 900-дневная блокада Ленинграда. Фашисты отброшены от города Ленина, но не уничтожены. Ветреной ночью часть, в которой воевал Алексей Боровских, с боями вышла к реке.

Противоположный берег был крутым. Расчет станкового пулемета «максим», в составе которого вторым номером был Алексей, под покровом темноты занял огневую позицию ближе к реке. Начала атаки долго ждать не пришлось. Бойцы роты устремились на лед. Многие пехотинцы уже добежали до середины реки, когда по ним ударили вражеские пулеметы. Алексей только успевал поправлять ленту, а его напарник длинными очередями пытался подавить огневые точки противника. Первую удалось подавить быстро, но вторую накрыть никак не удавалось, к тому же и их засекли фашисты, и им пришлось спешно менять позицию. Алексей еще с берега приметил лодку, которая, видимо, кому-то уже служила самодельной лестницей. По ней они быстро взобрались на крутой

берег и открыли по фрицам огонь с фланга. Фашисты несколько раз поднимались в атаку, но Алексей с напарником, смело меняя позиции, очень помогли нашим стрелкам, и те выстояли. За этот бой он был награжден первой медалью «За отвагу». Об этом было сообщено его родителям в деревню Козаково.

В марте 1943 разгорелись жестокие бои на железной дороге Нарва-Псков. В течение 10 дней наши бойцы удерживали важную магистраль. Фашисты бросали против них танки, много раз повторялись вражеские атаки, доходило до рукопашных боев. Но наши бойцы стояли насмерть. Здесь Алексей Боровских уже командовал расчетом, и уберечь пулемет и подчиненных ему людей только потому, что они выкопали очень глубокую позицию и для себя, и для пулемета. Во время артналета они быстро прятали пулемет в ровик и прятались сами. Дрались в полном окружении, но не отступили, цепко держась за этот крохотный клочок своей земли. Позже солдаты называли эту дорогу адской. Столько там они перенесли лиха, что этих десяти дней с лихвой хватит на всю жизнь. За мужество, проявленное в этих боях, Алексей Боровских был награжден второй медалью «За отвагу».

Апрель 43-го. В расчете А. Боровских уже несколько раз сменился весь состав. Только он, командир, весь черный от копоти, оглушенный, с обтянутыми скулами от недоедания — не менялся. Шли двадцатые сутки почти непрерывных боев. Вот он только что приполз на огневую позицию. В руках большой кусок мяса. Невдалеке уже несколько дней лежала убитая лошадь, и расчет ползал туда «за дневным довольствием». На дне оврага разожгли маленький костер. На нем скорее отогревали, чем жарили мясо, и тут же жадно проглатывали лошадиные шашлыки. Воды было предостаточно, оборону занимали в болотах. Враг опять не дал пулеметчикам пообедать. Засвистели снаряды.

Алексей с товарищами приготовились, как они считали, к своему последнему бою: боеприпасов было тоже мало. Уши заложило от многочисленных и близких взрывов. Кольцо врагов все уже сжималось возле пулемета. Алексей решил вырваться на другую позицию. Сам пополз вперед, держа наготове связку гранат и увлекая за собой противника, а напарникам приказал не мешкать и прорываться в сторону новой позиции. Уловка удалась. В стороне, куда устремился Алексей, вскоре раздалось несколько взрывов. Товарищи его успели установить пулемет на новой позиции, и второй номер открыл огонь по врагу, мстя за командира, так как думали, что он погиб. Но Алексей остался жив. И

вскоре нашел свой расчет. Обрадовались ему подчиненные, а потом покатались со смеху. Очень уж неприглядно выглядел их командир: ватник весь в дырах, из которых торчали клочья ваты, клапан у шапки начисто оторвало, на щеке запеклась кровь. И опять Алексей Андреевич Боровских, уже в третий раз, был награжден медалью «За отвагу».

Богат наш край мужественными людьми. Три медали «За отвагу», полученные в течение полугода, говорят сами за себя.

И. Ткаченко.

(№ 56. 1973. Печатается в сокращении)

Живуч русский солдат

Воевал я на Ленинградском фронте. Боевое крещение получил под городом Пушкино, где в схватке с проклятыми гитлеровцами меня ранило. Сильно, как говорится, цапнуло, понадобилось 2 месяца, чтобы раны зажили. Но велико было желание драться с фашистами, терзавшими прекрасный город на Неве. И я выжил. Снова воевал. Потом уже у горбатого моста, у речки Тосны. Этот мост нужно было преодолеть, прорваться через снайперский огонь, чтобы стать ближе к немецким окопам и дать по ним огоньку. Бежал по мосту, падал камнем, снова вставал, полз. И все-таки к вечеру вместе с другими солдатами перешел через мост, но снова был ранен.

Под откосом внизу у реки встретил комбата Петухова с группой бойцов. «Мы сейчас фактически окружены, — сказал он, — но пробьемся к своим». Он перевязал мне руку. Ночью снова дрались с фашистами. Хотя они открыли губительный огонь, комбат умело организовал контратаку, и мы пробились к своим. Только больно было, что группа еще молодых, необстрелянных солдат не послушалась нас, бывалых воинов. Во время подготовки к атаке они не маскировались, и фашисты почти всех их перебили.

Я пишу об этом для того, чтобы будущие воины Советской армии учили, как важно на фронте быть бдительным и зря голову под пули врага не подставлять. В общей сложности меня ранило пять раз, выбило много зубов. В одной из атак, когда я кричал «Ура!» и стрелял на ходу, мне осколок попал прямо в язык. Все равно выжил. Участвовал в разблокировании Ленинграда.

Живуч русский солдат.

Г. Наумов. (№ 53. 1970).

Родина у нас одна

Нас, детдомовцев, в 1939 году привезли из Саратова в г. Владивосток. Стал я краснофлотцем. Служить начал в морской бригаде. Война. Дальневосточников — под Ленинград.

По самый новый 1942 год наш эшелон прибывает к окруженному городу. Я в ту пору делал свою «работу» — доставал «языков», уничтожал укрепления врага. Я был автоматчиком в разведке. Окружали немцев, сами выходили не раз из окружения. Сейчас это оцениваешь иначе. Понимаешь, как, преодолевая ужасные трудности, старались победить врага и сами ленинградцы в осажденном городе.

Блокада, голод, а они оружие в руках держали. Крепко держали. Моя же фронтовая судьба сложилась неудачно: ранения, контузии постоянно сопровождали меня. Я менял госпиталь за госпиталем, часть за частью. В боях под Нарвой в апреле 1944-го снова получил тяжелое ранение. Снова медсанбат. Госпиталь. Последний из них в Свердловске. Инвалидом приехал в Камышлов.

...Весной 1944-го мне был вручен орден. Видимо, так высоко оценило командование то, что сделал, — ходил под пули, под снаряды во вражеские окопы.

С. Шкургалеев. (№ 73. 1983).

Так было

...Мы жили в предместье Ленинграда. Мой муж Виктор Алексеевич работал на Ленинградском заводе. С наступлением войны был взят в войска МПВО. Я осталась с тремя малолетними детьми. Никому не забудется зима 1941-42 года. Бомбежки, пожары. Хлеба выдавали 125 граммов на человека. Больше ничего. Началось истощение, мы уже не могли двигаться. Одну единственную весточку получила я о любимом муже в мае 1942 года: «4 мая 1942 года сорока лет, умер от истощения». Это была похоронная. Не на кого больше надеяться.

Спасибо советскому правительству за заботу о нас в трудную минуту. Когда немцы рвались к Финскому заливу в районе Петергофа, под большим обстрелом нас продолжали эвакуировать на автомашинах через Ленинград и Ладожское озеро.

Выехав из окружения, мы получили шоколад для детей, хлеб, масло, было органи-

зовано горячее питание. Я не могу забыть момента, когда мой 4-летний сын Толя стал умирать. Мы ждали эвакуопоезд. Продукты уже были. Я стала делать жидкие настои и поить малыша. Зашевелились губы, и на следующий день Толя тихо спросил: «Мама, кто тебе дал?»

Я благодарна всем людям, кто помог мне сохранить жизнь моих детей.

Приехав в Ожгиху, я стала работать в колхозе. Большую помощь и внимание мне оказали местные жители. Все дети начинали учиться в Ожгихинской школе. Теперь старшая дочь Тася окончила Ленинградский институт, она — инженер-экономист, сын Толя — инженер-энергетик, тоже получил образование в Ленинграде. Младшая дочь работает в городе Жданове.

К. Кузьмина. (№ 23. 1969).

Защищая город Ленина

...В середине сентября 1941 года наша дивизия получила боевую задачу форсировать Неву в районе поселка Невская Дубровка и захватить плацдарм на ее левом берегу. Все понимали, что форсировать реку шириной 600 метров будет тяжелым делом. Расчеты учитывали внезапность и смелость действий наших войск.

Была проведена тщательная подготовка, разведка местности, расположения противника, мы изучили исходный район. За несколько дней полки собрали и отремонтировали 200 лодок, до сотни лодок доставили нам ленинградцы.

18 сентября 1941 года, вечером, сосредоточившись на правом берегу, начали форсирование Невы. Стараясь не шуметь, двинулись к реке. Отплыли первые лодки. Вот они уже на середине, а противоположный берег молчит. Может, враг притаился и ждет приближения десанта, чтобы встретить его уничтожающим шквалом огня?

Но нет, лодки благополучно достигли левого берега. Когда десантники стали продвигаться вглубь, враг открыл беспорядочный огонь из всех средств. Прицельный же — по переправе. Дальнейшее движение проходило под осветительными ракетами и огнем противника. Однако переправившиеся захватывали окоп за окопом, ведя упорные рукопашные бои.

Фашисты любой ценой решили ликвидировать плацдарм. 20 сентября полк вражеской пехоты при поддержке десятков танков и

15 бомбардировщиков предпринял яростную контратаку. Потребовалась величайшая выдержка, стойкость, самопожертвование, чтобы отразить ее.

— Ни шагу назад! Победа или смерть! — передавалось из окопа в окоп.

Действовали смело. Близко подпускали танки и забрасывали их бутылками с горючей смесью. Наши артиллеристы прямой наводкой подбили шесть вражеских танков. Остальные повернули назад.

Вражеская пехота понесла большие потери, но вскоре возобновила атаки, которые мы успешно отражали. Несмотря на понесенные потери, мы не отступили. Занятый клочок земли на левом берегу Невы — 700 метров по фронту и 300 метров в глубину — отстояли...

Этот крохотный участок земли, названный впоследствии «Невский пятачок», стал самым кровавым местом Ленинградского фронта. На нем воевали я и моя жена Екатерина Ивановна. Я — командиром стрелкового взвода, жена — командиром взвода санитаров-носильщиков. Во время одной короткой передышки после боев в октябре 1942 года меня приняли здесь в ряды партии. И не одного меня. Сотни бойцов. Какую же волю и решимость воспитала у нас армейская партийная организация, если мы в этих невероятно тяжелых условиях, презирая тысячи опасностей и саму смерть, приняли на себя величайшую, ни с чем не сравнимую ответственность быть коммунистами.

15 пуль на 1 квадратный метр в час, около 50 тысяч снарядов мин, бомб за сутки падало на наш крохотный, вздыбленный и обустроенный пятачок. И все-таки, несмотря ни на что, мы жили и сражались.

Мы знали, что «Невский пятачок» — ключ от Ленинграда. Передовой рубеж фронта. Закипали страшные бои. Каждый наш боец дрался против 2-3 фашистов, и одолевал их.

Сейчас там высится гранитный памятник, на котором начертано: «Здесь воины Ленинградского фронта и моряки Краснознаменного Балтийского флота вели ожесточенные бои с немецко-фашистскими захватчиками за левобережный плацдарм «Невский пятачок».

Эта земля для меня, как и для сотен коммунистов, святая. Здесь мы сражались с фашизмом и навсегда похоронили его планы по уничтожению великого города Ленина, колыбели пролетарской революции. Здесь я стал коммунистом, поклявшись лучше умереть, чем пропустить врага.

П. Золотухин. (№ 33. 1975).

На тракторе по дорогам войны

До войны я трактористом был, и так получилось, что с мирного поля мы со своим трактором двинулись на ратное. Когда началась война, мы со своим напарником Зиновием Павловичем Парадеевым погрузили трактор на платформу и поехали на запад.

Остановились под Ленинградом. Я водил трактор. Подвозил боеприпасы. Потом по приказу командования технику мы поставили, и из нас сформировали отдельный морской батальон. В нем и сражался я с врагом, рвавшимся к городу Ленина. Город обстреливался из пушек, в Новом Петергофе засели немцы. Мы ходили на его штурм. Немцы боялись нас: братва-матросы закусывают ленты бескозырок — и вперед, в атаку! Нашего натиска враг обычно не выдерживал.

В батальоне я встретил своего земляка (мир тесен) из Куваевой Семена Яковлевича Зырянова. То-то радостной была встреча! Но недолго мы вместе повоевали — потерял я Семена. Он погиб от ран после боя: снарядом ему оторвало руку и ногу.

Однажды при очередном штурме не повезло и мне: завалило кирпичной стеной. Пришлось месяц в госпитале лечиться. Потом снова в свою часть попал. В образованном заградотряде я опять сел на трактор. Служил в батальоне связи и в армейской тракторной мастерской. Зиновий Павлович был переведен в другую часть.

Трудно было, но мы верили в победу. И вот настало время, когда блокада, наконец-то, была прорвана. Это был большой праздник для нас, «ленинградцев».

Закончил войну я в Берлине. Видел, как развевался над Рейхстагом советский флаг, обгаренный кровью нашего народа. Во время войны я был награжден медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», и другими. Здесь, в Берлине, считаю, был награжден высшей наградой — грамотой за подписью Маршала Советского Союза Г. Жукова.

Трудно говорить о прошедшем, но ведь должны знать наши потомки, как их деды отстаивали Советскую власть, как защищали свою Родину от лютого врага.

Н. Понарин. (№ 86. 1985).

Сильнее огня и смерти

27 января 1944 года все советские радиостанции передали радостную весть: враг под Ленинградом разбит, блокада города снята. Я не могу без волнения вспоминать годы битвы под городом-героем. Я участвовал в них с первых же дней Великой Отечественной войны и до полного разгрома врага.

Наша часть находилась на Волховском фронте, защищала Ленинград в районе Чудово, Новгород, Спаски, Полесье, Лесопункт, Лесной Бор. Мы вели тяжелые бои. Враг бросал на наше направление отборные дивизии СС. Он рассчитывал прорвать оборону и захватить главную железнодорожную магистраль Ленинград — Москва.

Но защитники города Ленина своей стойкостью и мужеством, воинским умением сорвали планы Гитлера. Можно смело сказать, что каждый участник обороны Ленинграда был героем. Я, например, дважды был ранен, но из боя не выходил. 900 дней длилась осада города, но взять его враг так и не смог. Мы дрались за наш родной Ленинград, за Родину и оказались сильнее огня и смерти.

Лютой ненавистью к фашистам были переполнены наши сердца. И это помогало нам преодолеть все трудности и невзгоды, все лишения фронтовой жизни. Будучи длительное время отрезанными от тылов, нам приходилось голодными, в условиях жестокой зимы драться с врагом. Но воины не падали духом, не дрогнули, держали оборону на крепком замке.

В 1943 году нас перебросили через Финский залив, на Ораниенбаумский стратегический «пятачок», где формировались основные части прорыва блокады. Я был командиром взвода управления артиллерийского полка и участвовал в наступательных операциях, развертывавшихся из этого района. 14 января 1943 года, нанося сокрушительный удар по отборным группировкам гитлеровских войск, части нашей 2-й Армии соединились с доблестными гвардейцами других советских дивизий.

Это были незабываемые дни. 27 января мы завершили совместными действиями полный разгром врага под Ленинградом. Тысячи его защитников были отмечены высокими наградами. Правительство удостоило и меня такой чести. Наградило орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За боевые заслуги».

В настоящее время работаю на заводе

«Урализолятор» мастером погрузки и упаковки готовой продукции.

В. Каверзнев. (№ 12. 1964).

На малой трассе «Дороги жизни»

Известие о вероломном нападении фашистских войск на Советский Союз застало меня далеко (по тому времени) от родных мест. В июне 1941 года я окончила Камышловское педагогическое училище и поехала учительствовать — в одной из школ Асбестовского района мне сразу же доверили второй класс.

И вот война... Госпиталь, первые раненые. Я с детьми готовила им подарки, летом 41-го еще успевали ходить в лес, приносили ягоды...

Так я учила детей состраданию, милосердию, а сама готовилась ехать (любой ценой) на фронт. В ту пору я уже была комсомольским секретарем, и когда узнала, что весной-летом 1942 года формируется целый эшелон девушек для отправки на фронт, то решила ехать в числе первых. Уже в те годы комсомол выступал шефом Военно-Морского флота, а потому мы знали, что, возможно, станем краснофлотцами. Но как бы я ни старалась попасть, меня, комсомольского секретаря, решено было оставить в Асбесте.

Настал день, когда девчата-добровольцы отправлялись в свой нелегкий путь. Так случилось, что у одной дрогнуло сердце, в последнюю минуту не хватило мужества (быть может, это и к лучшему было и для нее и для будущих фронтовых подруг), и я сразу же встала в строй — так я оказалась под Ленинградом.

Уже позже, будучи в блокадном Ленинграде, занимаясь на специальных курсах, я отправляла домой какое-то письмо, и тут увидела, что еще одна девушка пишет «Камышлов» — ею оказалась Валя Долгачева (Солонинина). Потом мы уже не теряли друг друга из виду.

Помню, нас, молодых и здоровых, переправили через Ладогу в город. Мы идем по улицам — а люди, уже изможденные и голодные, выходили нас встречать. И ведь находили где-то силы улыбнуться, приободрить нас, они-то знали, куда мы шли!

После непродолжительной учебы попала я на береговую базу отряда тендеров, который обслуживал малую трассу, названную «Дорогой жизни».

Отряд состоял из 10 судов, сваренных из листовой стали, длина приблизительно 15 метров, ширина — 4, грузоподъемность равнялась 25 тоннам. Плоское дно позволяло подходить близко к самому берегу. Вот это суденышко с автомобильным двигателем и получило название «тендер».

Тендеры были детищем ленинградцев. В суровую зиму 41-42 годов на судостроительных верфях города под вражескими бомбежками и обстрелами рабочие строили их.

Большие боевые дела вершили люди в годы Великой Отечественной войны на этих маленьких суденышках. Вся Балтика с уважением и любовью называла их «товарищ тендер», ибо моряки на этих суденышках перевозили несколько сотен тысяч тонн грузов и эвакуировали из города не одну тысячу ленинградцев. Благодаря морякам Ладожской военной флотилии кольцо фашисты вокруг Ленинграда не могли сомкнуть, благодаря морякам Ладоги и Ленинградский, и Волховский фронты сумели соединиться в январе 1943 года.

В отряде тендеров я была библиотекарем, но вы сами понимаете, что мне не приходилось сидеть и выдавать морякам книги, а я ходила по частям, подразделениям, занималась агитационно-пропагандистской работой. Не скрою, нам, девушкам, приходилось очень тяжело, ведь мы наравне с мужчинами делили все тяготы войны — это и суровые климатические условия, артобстрелы и постоянные бомбежки фашистских стервятников.

И, тем не менее, мы спешили к морякам, спешили с газетами, с новостями, с письмами из дому.

Здесь я подала заявление о приеме меня в партию большевиков.

Ни на минуту нас не покидала вера, что блокада будет прорвана. И вот 18 января 1943 года: победа!

...После этого я продолжала службу на береговой базе. Домой вернулась в 1946 году.

...Прошло много лет, но до сих пор помню то время, с огромной признательностью склоняю голову перед подвигом ленинградцев, всех моряков Балтики.

Т. Косякова. (№ 10. 1983).

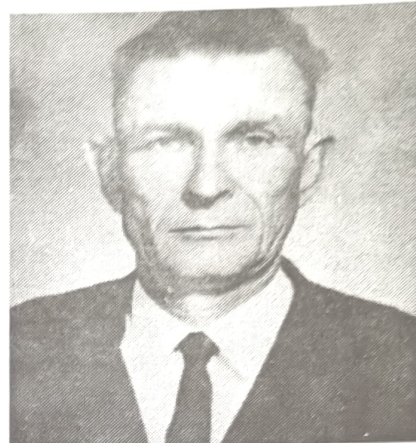
Победители: они сражались за Родину

ВЕРИЛОВ Виктор Степанович, 1920 г. Майор, зам. ком. арт. дивизиона по полит. части. Брянский, Центральный, 1-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение, контузия. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I ст., медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

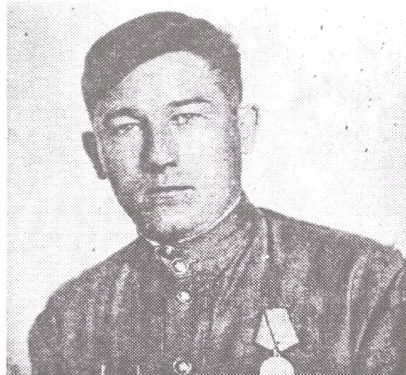
ВЕРИЛОВ Федор Михайлович, 1921 г. Старшина, пом. ком. взвода разведки. Сталинградский, Степной, 1-й Украинский фр. 1942-1945 гг. Контузия, 1 т. ранение, 3 л. ранения. Награды: орден Славы III ст., орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

ВЕЧТОМОВ Владимир Федорович, 1923 г. Рядовой, ком. отделения разведки. 3-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

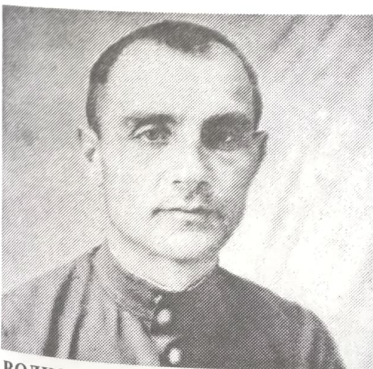
ВИТ'ЯГИН Петр Васильевич, 1903 г. Ст. лейтенант, нач. фин. части 2-й воздушной армии. Карельский, 3-й Прибалтийский фр. 1943-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ВИШНЯКОВ Ефим Андреевич, 1918 г. Член КПСС, старшина, старшина роты. Северо-Западный, Волховский, 2-й Белорусский, 2-й Прибалтийский фр. 1941-1945 гг. 1 т. ранение, 1 л. ранение. Награды: 2 ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

ВОЛКОВА Вера Ивановна, 1921 г. Член КПСС, капитан медслужбы, врач-ординатор хирург. отделения. Степной, 1-й, 2-й Украинский фр. 1943-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ВОЛКОВ Александр Сергеевич, 1915 г. Член КПСС, майор, нач. оперативного отдела штаба дивизии. Юго-Западный, Сталинградский, 2-й Украинский фр. 2 л. ранения, контузия. Награды: орден Отечественной войны I-II ст., орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ВОЛОКИТИН Александр Федорович, 1908 г. Ст. лейтенант, ком. стр. роты. Северный, Сталинградский фр. 1941-1942 гг. Награды: орден Отечественной войны, медали «За победу над Германией», юбилейные.

ВОРОБЬЕВ Иван Артемьевич, 1924 г. Рядовой, разведчик. 1-й, 2-й, 3-й Украинский фр. 1943-1945 гг. 2 ранения, контузия. Награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За победу над Германией», «За доблесть в честь 100-летия В.И. Ленина», юбилейные.

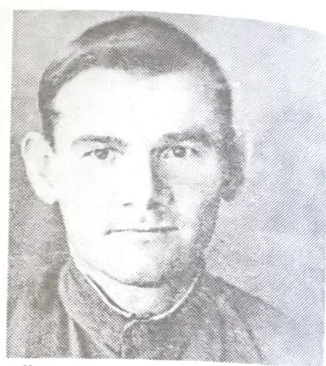
Победители: они сражались за Родину

ВОРОВИН Анатолий Николаевич, 1911 г. Член КПСС, майор т/с, нач. тех. части авиаэскадрильи. Черноморский флот. 1941-1943 гг. Награды: два ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», юбилейные.

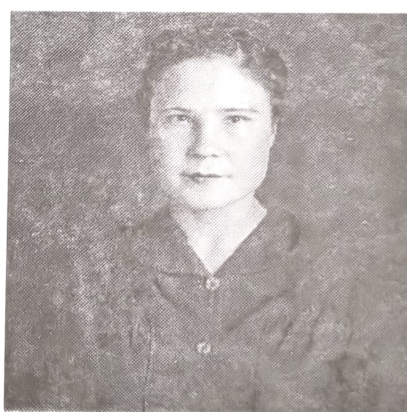
ВОРОНЦОВ Николай Александрович, 1915 г. Капитан, ком. минометной роты. Карельский, 2-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны I-II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

ГИЛ'ЁВ Павел Михайлович, 1905 г. Член КПСС, ст. лейтенант, парторг полка. Карельский, 1-й Белорусский, 3-й Украинский фр. 1941-1945 гг. 2 т. ранения. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За оборону северного Заполярья», «За победу над Германией», юбилейные.

ГЛАДКИХ Николай Иванович, 1924 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ст. телеграфист противотанкового артполка. Воронежский, Степной, 2-й Украинский фр. 1942-1945 гг. 4 л. ранения. Награды: две медали «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», юбилейные.

ГЛАДКИХ Павла Михайловна, 1921 г. Член КПСС, лейтенант медслужбы, фельдшер. Калининский фр. 1941-1945 гг. 1 л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Японией», «За победу над Германией», юбилейные.

ГОЛУБКОВ Борис Александрович, 1909 г. Майор а/с, пом. нач. 5-го отдела генерального штаба Советской Армии. 1942-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», юбилейные.

ГОРОДЧИКОВ Иван Петрович, 1913 г. Ст. лейтенант, ком. стр. роты. Калининский фр. 1941 г. Награды: медаль «За победу над Германией».

ГРИДНЕВ Иван Константинович, 1915 г. Майор, ком. пулем. роты. Северо-Западный, Ленинградский фр. 1941 г. 2 л. ранения. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ГРИШАНОВ Алексей Васильевич, 1924 г. Член КПСС, капитан, ком. САУ-85. 1-й Украинский фр. 1944-1945 гг. 2 л. ранения. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», юбилейные.

12 июля 1943 года в смертельной схватке сошлись почти 1200 танков и самоходных орудий, началось крупнейшее танковое сражение, вошедшее в историю второй мировой войны под названием Курская дуга. Принимали участие в этом сражении и камышловцы. И не без их участия здесь, под мало кому прежде известной станцией Прохоровка, что в Белгородской области, был окончательно развеян миф о непобедимости германского оружия.

На Курской дуге

*Немецкие изорванные карты
Валяются в разбитых блиндажах.
Фашисты, что в разбойничьем азарте
Пришли сюда, убитые лежат.*

*Еще клубится дым над полем боя,
Над тысячами брошенных машин.
Но как прекрасно небо голубое,
Как травы луговые хороши!*

*Здесь судьбы мира взвешивались строго.
Здесь наши танки шли, как корабли.
Победные широкие дороги
Среди цветов на запад пролегли.*

*Мы бились от заката до заката,
И были мы такими в том бою,
Каких вы не видали на плакатах
И не встречали в праздничном строю.*

*...Немецкие изорванные карты
Валяются в разбитых блиндажах.
Фашисты, что в разбойничьем азарте
Пришли сюда, убитые лежат.*

Незабываемое

Кому не знакомы слова «Курская дуга». Я никогда их не забуду. И не только потому, что здесь еще раз подтвердилось, чему мы, фронтовики, научились в боях. Ведь немецкие захватчики, несмотря на суровый урок Сталинграда, рассчитывали взять реванш за поражение на Волге. В районе Курска и Орла они сконцентрировали огромные силы. Мы усиливали оборону и готовились к наступлению. Во всех подразделениях тогда говорили об укреплении партийных организаций. Желание идти в бой коммунистами было у многих.

Противник рвался к Прохоровке. Видно было, что именно здесь разгорятся самые горячие бои. Стоял чудесный май. Все в природе расцветало. Не верилось, что пройдет несколько часов, и все кругом тут встанет на дыбы. Чувство ответственности за последствия еще одной решающей битвы нарастало. И я написал в своем заявлении, которое передал парторгу: «Партия ведет нас к победе над врагом, и я хочу идти в бой коммунистом». Меня приняли в партию перед сражением.

Как сейчас помню блиндаж, где собрались коммунисты. Примут ли, окажут ли мне доверие? Но проголосовали единогласно «за». И я, артиллерист-заряжающий своего орудия, будучи кандидатом в члены партии, пошел в бой. Прямой наводкой расстреливали мы фашистскую мразь, которая по 10 раз в сутки поднималась в атаку.

Потом уже на польской земле, на подступах к городу Либница меня поставили наводчиком. И в самом городе бои шли за каждый дом. Именно здесь я подбил два гитлеровских танка.

Восточнее Берлина немцы создали крупную группировку войск. Дрались они отчаянно. И не раз на самых опасных участках раздавался клич командиров и политруков: «Коммунисты, вперед!» И мы первыми поднимались в атаку, воодушевляли бойцов и сбрасывали фашистов с занимаемых позиций.

С. Медведев. (№ 33. 1975).

Боевой юности память

...В памяти всплывают события, забыть которые, думаю, нельзя. Во-первых, потому что слишком они тяжелые были и радостные. Во-вторых, потому что в эти дни я стал коммунистом. В-третьих, потому, что это была

юность, ведь мне было всего 18,5 лет, а имел уже полтора года армейского и год фронтового «стажа».

Наша бригада выступила из г. Короча в направлении Белгорода 5 июля утром, а 6-го уже вступила в бой с танками. Отдохнувший после предыдущих боев, пополненный людьми и имевший 24 противотанковых орудия, полк заступил путь фашистской броне.

Накала боев передать невозможно. Лавины танков шли на батареи. Подумать только: на батарею из 4-х орудий двигаются 20-30, а иногда и до 100 танков. Люди не видели вокруг себя ничего. Они устремлены только вперед, готовые схватиться с врагом. Земля гудит, пыльное марево, казалось, все вокруг горит, море огня!

Вот на орудийный расчет комсомольца Петра Нурмухамедова двигаются до 50 танков. В их батарее 2 орудия ведут бой. Остальные два уже раздавлены танками. Через 20-30 минут расчет сжег 9 танков. Из семи человек остался в живых один Петя. Обливаясь кровью, он бьется один. Еще два фашистских танка горят, но третий «Тигр» раздавил орудие вместе с отважным командиром.

В числе других 27 однополчан Петя похоронен в братской могиле в с. Шеино. Его имя носит пионерский отряд. Другая могила наших друзей в с. Мясоедово. Третья — в хуторе Аркадьевка. Белгородцы чтут память славных артиллеристов, их могилы в образцовом состоянии.

За три дня боев полк сжег и подбил 123 немецких танка, в том числе 34 «тигра». Из 24 наших орудий осталось одно, да еще 6 удалось восстановить после серьезного ремонта. И вот эти 7 орудий, сведенные в две батареи, участвовали в освобождении Белгорода, Харькова.

Под Орлом и Белгородом был завершен коренной перелом в ходе войны. Началось массовое изгнание фашистов с советской земли.

Н. Гладких. (№ 121. 1973).

Командир краснознаменного батальона

В конце 1942 года Ивана Андреевича Чертова направляют на трехмесячные командные курсы. В марте 1943 он заканчивает их и в звании лейтенанта направляется в резерв главного командования в Москву.

Вскоре получает назначение в район Орла на должность командира стрелкового

батальона. С 6 июля батальон участвует в боях, разгоревшихся на Курской дуге. Здесь молодой комбат получает боевое крещение. Упорные оборонительные и наступательные бои закаляли 28-летнего командира, учили его бить врага наверняка, руководить большим армейским коллективом. И эта учеба не прошла даром. Батальон Чертова с честью выполняет поставленные боевые задачи, участвует в составе дивизии в освобождении Орла. Дивизии за эту операцию присвоено звание Орловской.

После завершения Орловской операции дивизия направляется в район Брянска. Участвует в освобождении городов Рославль, Кричев, в форсировании Днепра. В освобождении Белоруссии. Вступает в составе 2-го Белорусского фронта на территорию Польши, Восточной Пруссии. Между городами Шверин и Виттенберг, на территории Германии, дивизия встречается с союзниками — 2-й американской армией. Здесь Чертов и встретил светлый день Победы. Немало тяжелых боев сохранилось в памяти Ивана Андреевича. Это и Курская дуга, и форсирование Днепра, и бои в логове врага — на территории фашистской Германии.

Родина высоко оценила ратный труд И.А. Чертова. Он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Н. Гладких. (№ 116. 1973).

«Броня крепка и танки наши быстры»

— Первые бои наш танковый батальон принял под Луцком, — вспоминает Иван Владимирович Мишкинец, — сержантом был, командиром машины. Мы дрались ожесточенно, изматывали врага. Но сил и техники у гитлеровцев на первом этапе войны было больше. Да и опыт немалый: всю Европу оккупировали. А нам довелось пережить горечь отступления.

Особенно тяжело приходилось зимой. Знаете ли вы, что такое в жестокий мороз голыми руками, без рукавиц, под огнем противника исправлять «раненую гусеницу» и снова ее надевать. К пристывшему металлу примерзают ладони. Слезы из глаз вытекают. Я испытал это несколько раз. Ударит фашистский снаряд, гусеница беспомощно начинает воло-

читься. Но мы выходили из любого положения. Исправим машину, отойдем на выгодные позиции и снова бьем захватчиков.

Служил я в танковой разведке. На Орловско-Курской дуге под началом генерала Ротмистрова, ныне маршала, воевал. Позднее под Знаменкой важное задание выполнял. Застигнув экипаж противника врасплох, наши танкисты уволокли его вместе с машиной. Это был дерзкий и полезный порыв. Правда, ранило здесь нашего земляка. Командование по заслугам оценило подвиг воинов.

И Иван Владимирович был награжден орденом Красного Знамени. Участвовал лейтенант Мишкинец и в Яско-Кишиневской операции, в боях у озера Балатон. Столица Венгрии Будапешт была в огненном кольце фашистов. Немецкое командование выделило специальные части, чтобы перехватить советские танковые подразделения на марше, когда они спешили на выручку своим венгерским братьям, стремясь сбросить их в Дунай.

— Мы закопали танки в траншеи и отбивали многочисленные атаки противника, — рассказывает Иван Владимирович, — наш экипаж подбил два вражеских танка и уничтожил немало живой силы гитлеровцев. За это меня наградили вторым орденом Красной Звезды, а командира орудия медалью «За отвагу». День и ночь на протяжении целой недели наша танковая бригада изматывала противника, а затем сама перешла в атаку и ворвалась в Будапешт.

Сражался наш земляк и за освобождение Вены, столицы Австрии.

— Машины у нас были надежные. Танки Т-34 отличались большой скоростью, маневренностью, сильной огневой мощью и запросто пробивали фашистскую броню. Как в песне поется: «Броня крепка и танки наши быстры, а наши люди мужеством полны...». Это полностью подтвердилось на втором этапе Великой Отечественной войны. Мы, бывшие танкисты, гордимся, что наши танковые войска были одной из грозных для фашистов сил, прокладывавших путь советским воинам к победе, завершил свой рассказ И.В. Мишкинец.

*Записано на встрече
в честь Дня танкистов
в редакции газеты «За коммунизм»
(№ 144. 1970).*

Фамилия на обелиске

А.А. Парфенов после окончания школы добровольцем ушел на фронт.

— В 1942 году пришел к нам военком, — вспоминает Алексей Андреевич, — отобрал ребят, которые покрепче, и спрашивает: «Ну, кто из вас немцев не боится?» А чего, думаю, их бояться. В каких служить войсках, тоже долго не раздумывал. Я в деревне только и знал, что свой трактор.

Так по окончании курсов и оказался в танковых частях в составе 27-й гвардейской дивизии. Танковый полк отправился на Курскую дугу. Прибыли на станцию Касторная и от нее 280 километров шли с боями. За эти бои я был награжден медалью «За отвагу».

Подошли мы к деревне Варваровке, в ней разместился немецкий авиационный полк, а рядом — аэродром. Задание ясное — подавить аэродром так, чтобы ни один самолет не взлетел, и освободить деревню. Только своим танком мы с экипажем стоптали два самолета, ведь в тридцатьчетверке было тонн сорок весу!

Так получилось, что в деревню наш танк вылетел один, а надо было входить в нее всем вместе. Слышу в наушниках голос командира, лейтенанта Шумкова: «Ты куда несешься!? Один что ли хочешь деревню взять!?» Только я на тормоза (тут Алексей Андреевич непроизвольно вспоминает привычное движение рукой, как будто останавливает танк), как немецкие зенитчики ударили танку в бок. Это было 5 августа. Очнулся только 20. Товарищей моих, с которыми я воевал в танке № 127, убило. Как остался жив я, до сих пор не знаю. Видимо, наступавшие воины услышали мои стоны и отправили тяжело раненного танкиста в военно-полевой госпиталь. Под Варваркой погибло 140 бойцов и командиров. Все они похоронены в братской могиле. Танк наш не сгорел. Стоял за деревней до 1974 года, мотор его долго вместо электродвижка работал. О том, что я остался жив, видимо не знали, думали, что всех убило, и послали матери извещение: «Погиб смертью храбрых, похоронен в деревне Варваровке Курской области...»

Между тем Алексея вылечили, и он продолжал бить фашистов. В свою часть он не попал. Воевал до 1944 года, до Днепра дошел. Там его ранило вторично, да так, что демобилизоваться пришлось.

После войны, Алексей Андреевич вместе с внуком приезжал в Варваровку. Встретили его хлебом-солью всем селом. Вручили подарки, а местный композитор написал о нем песню «Воскрес герой наш богатырь». Видел он и братскую могилу, где рядом с именами погибших друзей есть и его фамилия. Ребята обвели его фамилию красной краской. Какая все-таки разница между черной и красной

рамкой! Нашелся и живой свидетель того давнего, но не забытого боя. Это брат местной учительницы. Летом 1943 ему было 13 лет. Он глядел из укрытия на атаку наших танков и хорошо видел, как был подбит танк Парфенова, видел, как отомстили за него товарищи: немецкая зенитка была проутюжена гусеницами тридцатьчетверки.

— Давайте я вам сыграю напоследок, — предлагает Алексей Андреевич, берет в руки баян.

...И заиграл песни военных лет. Песни, которые в перерывах между боями слышали его друзья-танкисты, потому что гармошка так и ездила с ним в танке четвертым членом экипажа. Было тогда Парфенову Алеше восемнадцать лет.

Механик-водитель танка Парфенов Алексей награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями.

С. Яновская.

(Из личного архива Парфеновых).

За Отечество всегда стоим

На всю жизнь запомнил я тот летний день на чикуновских полях. Шел грозный 1941 год. Далеко от Урала уже гремела война. А мы тут заняты были мирным трудом. Я работал трактористом. Самый разгар сенокоса. На поле прискакал гонец. «Тебя, — говорит, — Александр, в военкомат требуют, повестка есть».

Попрошлся я с семейством и оказался на Дальнем Востоке. Шесть месяцев учился, овладевал минометом, а потом нас под Клин перебросили. От села к селу, от города к городу шли мы с боями по тяжелой фронтовой дороге, через спаленные, разрушенные врагом селения.

В 1942 году я вступил в партию, и в том же году меня послали на курсы командиров. После 11 месяцев упорной учебы, в звании младшего лейтенанта стал я командиром взвода разведки полка.

Вспоминаются бои в районе Курской дуги. Фашистские полчища готовились здесь к отчаянному прыжку, сосредоточив огромные силы. Надо было разведать огневые точки на участке нашего полка. Задачу выполнили, но оставалось еще выведать замыслы и планы врага. Потребовался «язык». Взять его поручили моему взводу. Я отобрал 4-х самых смелых бойцов. Правее Орла на протяжении нескольких километров тянулся торфяной ров, заполненный водой. В одном месте через

него были переброшены жерди. Гитлеровцы ходили сюда с котелками и ведрами, брали воду для мытья и кухни. Здесь, в этом рву, в ледяной воде, наша четверка и притаилась. Стыли кости, стягивало жилы на руках и ногах, но мы упорно ждали. Наконец услышали звуки губной гармошки. Идут. Набрали воду, и пошли назад. Но один из них поставил котелки на самой бровке рва и, встав на жерди, стал мыть руки. Он и пикнуть не успел. Оглушенного, стащили мы его в воду и по рву потащили. Больше километра пришлось тащить на себе огромного, тяжелого и сильного фрица. Когда показались кустарники, мы выбрались из рва. Немец очнулся. Засунули ему в рот кляп и заставили молчать. Немцы его спохватились, открыли огонь, но было уже поздно. Показания немца сослужили добрую службу нашим частям.

За эту операцию я был награжден орденом Отечественной войны. Во фронтовой газете «Красный боец» поместили мой фотоснимок и большую статью о подвиге бойцов нашего взвода. Оказалось, что фриц, которого мы взяли, приехал из разведшколы на Курскую дугу для практики. Но тут он «отпрактиковался» навсегда.

От Курской дуги пришлось еще пройти с боями до Вислы через всю Польшу. В Варшаве меня назначили дежурным помощником коменданта. Наш полк освобождал Люблин. Я видел ужасные печи «Майданека». Когда мы зашли в лагерь, печи еще дышали жаром. Этого мы гитлеровцам никогда не простим.

А. Черных. (№ 37. 1965).

Казалось, содрогается земля

После контузии в мае 1942 года прибыл я в 237-й стрелковый дивизион, где был записан во взвод пешей разведки второго батальона 838-го стрелкового полка, который располагался в районе Краснополя, что на выступе Курской дуги.

В обороне стояли мы недолго, так как готовилось крупное наступление. 5 июля 1943 года наша артиллерия открыла шквальный огонь из 600 стволов орудий, началась мощная артподготовка, которая длилась 30 минут. Но, что это было?!

30 минут стоял такой грохот, что, казалось, содрогается земля, словно началось землетрясение, в ушах звенело. В сторону

противника невозможно было смотреть, стояла сплошная черная туча от вздыбленной земли, затем вдруг все замерло. Грохот канонады сменила рассветная тишина, и чем дольше она продолжалась, тем беспокойнее было у нас на душе. Всех нас, и бойцов и командиров, волновало одно: почему молчит артиллерия противника. Мы ждали 5 часов утра, когда по нашим данным должно было начаться наступление фашистов. К этому времени наши войска уже успели подготовиться к более мощной контратаке, а противник молчал.

Перешедший на нашу сторону немецкий офицер рассказал, что 30 минут артиллерийского удара стали для немцев настоящим кошмаром. Обезумевшие от страха солдаты и офицеры спрашивали друг друга, кто же будет наступать, мы или русские. Батальон, в котором он служил, только во время артподготовки потерял 6 танков, 3 орудия, 5 минометов, не успев сделать ни одного выстрела, было убито 80 человек, в том числе его командир и еще 30 человек было ранено.

А. Холодильов.

(Из личных воспоминаний).

И долго будет помниться

Район Орловско-Курской дуги. Год 1943. Большинство моих однополчан тоже молоды. Не забудутся первые 40 километров, которые мы прошли пешим строем под частыми налетами вражеских самолетов. Нас бомбили, обстреливали из пулеметов, но обошлось без убитых и раненых.

Меня назначили командиром отделения в стрелковую роту. Не помню месяца и числа, когда впервые лицом к лицу довелось встретиться с лютым врагом. Как много к тому времени причинили боли советским людям проклятые фашисты. Кипела в груди ненависть, хотелось как можно быстрее отомстить за слезы наших матерей и невест, за кровь, пролитую нашими людьми.

Было раннее утро, и вдруг тишину разорвали залпы орудий, засвистели пули, грохотали снаряды и мины. По траншее передали: «Без приказа не стрелять». Уже были видны немецкие танки, за ними следовала пехота. Первыми открыли огонь наши артиллеристы. Удар был такой силы, что, остановив вражескую технику, наши войска пошли в контрнаступление.

Это был незабываемый час расплаты. Сотни вражеских машин, тысячи трупов про-

тивника остались на поле боя. В тот день была прорвана двухкилометровая оборона фашистов, и мы продвинулись километров на 20. В этом бою я был ранен в ногу и лечился в полевом медсанбате, затем вернулся в свою часть обратно на 2-й Белорусский фронт.

Помню, как в Белоруссии ходил за «языком». Это было уже в 1944 году, в районе группировки Бобруйск-Барановичи. Приказ командира взвода был выполнен, «языка» взяли, за что меня наградили медалью «За отвагу».

А дальше нещадно выгоняли прокля-

того врага с родной земли. Своими глазами видел измученных мирных людей, стариков, детей, женщин. Отступая, фашисты ровняли с землей наши города и села, уничтожали все живое. Мне самому не раз приходилось поднимать ребенка с груди убитой матери. Как только могла земля наша вынести столько горя!

На территории Польши уже в 1944 году я был снова ранен. Всего 60 километров не дошел до Берлина.

П. Котов. (№ 76. 1969).

Победители:

они сражались за Родину

ГРОБОВ Семен Григорьевич, 1914 г. Член КПСС, капитан, парторг роты. Дальневосточный фр. 1945 г. Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Японией», юбилейные.

ГРУНТФЕСТ Зинаида Сергеевна, 1918 г. Капитан медслужбы, врач-хирург. Западный, 1-й Белорусский фр. Награды: медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

ГРУНТФЕСТ Нисон Самуилович, 1916 г. Член КПСС, подполковник, ком. операционно-перевязочного взвода. Западный, Калининский, 1-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

ГУБИН Александр Леонидович, 1920 г. Член КПСС, лейтенант, ком. стр. взвода. Дальневосточный фр. 1945 г. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Японией», юбилейные.

ГУРИН Сергей Михайлович, 1922 г. Член КПСС, капитан, танковый техник. Западный, Южный, Степной, 1-й, 2-й Украинский фр. 1942-1945 гг. Награды: медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», юбилейные.

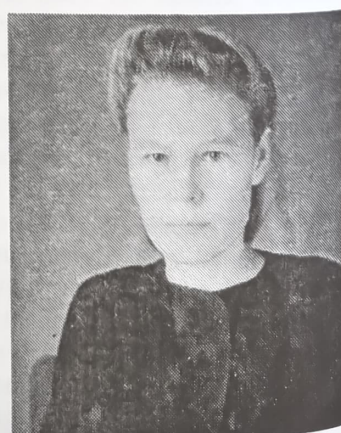
ЗАЙКОВА Александра Федоровна, 1923 г. Старшина медслужбы, медсестра. Центральный, 3-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

ЗАЙЧИКОВ Федор Васильевич, 1922 г. Член КПСС, капитан, ком. арт. дивизиона. Сталинградский, Юго-Западный, 1-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. 3 т. ранения, 4 л. ранения. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», «За трудовое отличие», «За доблестный труд», юбилейные.

ЗАОСТРОВНЫХ Анастасия Александровна, 1918 г. Ст. сержант медслужбы, медсестра хирург. госпиталя. Воронежский, Сталинградский, Прибалтийский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение, контузия. Награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ЗАХАРОВА Нина Васильевна, 1924 г. Мл. лейтенант медслужбы, лаборант эвакогоспиталя. 3-й Белорусский, Прибалтийский фр. 1943-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

В отрядах партизанских

глава 10

Трудно переоценить вклад партизанского движения в победу советского народа в Великой Отечественной войне. Оно развернулось широким фронтом на всей оккупированной территории. Брянские, смоленские, белорусские леса стали настоящим партизанским краем. Легендарной славой овеяны боевые походы по фашистским тылам партизанских отрядов под руководством С. Ковпака, Д. Медведева, К. Заслонова. Золотыми буквами в историю Отечественной войны вписано имя партизана-разведчика Николая Кузнецова. Рядом с ними бились с врагом и наши соотечественники.

*Шумел сурово Брянский лес.
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли,
Как шли на битву партизаны...*

*В лесах врагам спасенья нет,
Летят советские гранаты,
И командир кричит им вслед:
Громи!
Громи захватчиков, ребята!*

*Шумел сурово брянский лес.
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли,
Как шли с победой партизаны.*

Одиссея партизана

Хочу вас, дорогие читатели, познакомиться со своим земляком, работником Квашнинской фермы. Ему есть, о чем рассказать. Бывалый солдат, еще в финскую ходил в атаки.

В 1941 году Яков Николаевич Квашнин с первых дней военного пожара был на фронте. Ему теперь 59. Изрядно потрепала его война, но он бодр, жизнерадостен, наверное, оттого, что живет в его душе гордость защитника Родины.

Яков Николаевич — среднего роста, сухошав. Говорит неторопливо, но рассудительно, как человек, много повидавший и перенесший. Память свежа и цепко держит многие страшные, незабываемые эпизоды военных лет.

На фронт он уходил вместе с земляками из Квашнино, Галкино и других деревень нашего района. Боевое крещение под Смоленском получил. Здесь красные бойцы несколько вражеских дивизий сковали. А на войне всякое бывает: попали некоторые наши подразделения в окружение. Враг к Москве рвался, лютровал неистово. Но не так-то просто с сибиряками и уральцами управиться. Прорвали наши окружение. Соединились с войсками, державшими оборону под Ельней.

Тут в жестоких сражениях, где тысячи и тысячи фашистов нашли себе могилу, осенью 1941-го родилась гвардия. Стал гвардейцем и Яков Николаевич. Полк, в котором он служил, пять дней держал переправу, не пропустив врага на восток, хотя десятки танков пытались прорваться, а самолеты день и ночь бомбили район переправы. Тут нашел погибель большой десант гитлеровцев.

В одном из сражений под Смоленском, когда выходили из окружения, Якову Николаевичу не повезло: ранило земляка Федора Егоровича в ногу, выручать его кинулся. Но далеко ли уйдешь с раненым на плечах? Схватили Квашнина в лесу, связали, бросили в машину и в... Витебск. Там в лагерь, за проволоку упрятали.

В лагере действовала подпольная организация. Она готовила массовый побег тысячи военнопленных. В одну из ночей весь блок поднялся. На охрану кинулись, обезвредили ее. Бежали. Но не все. Охрана гарнизона быстро пришла в себя, вызвала танки, пулеметы. Жестоко косили людей. Хвост колонны отрезали и загнали обратно в ла-

герь. Сотни людей все же успели уйти. На завтра — допросы, жестокие побои. Досталось и Якову Николаевичу. Однако отлежался, отошел...

Попросился Яков Николаевич на работу вне лагеря. Взяли. Однажды, когда разразился сильный ливень, и весь горизонт затянуло густой, темной пеленой, с одним сибирским другом бежал. Бежали удачно. Но вскоре остался один. Болотами шел, лесами, пока добрался до Невинского района, что в Белоруссии. Один старик намекнул: «Иди лесом на восток. Там свои»

— Так я стал партизаном, — говорит Яков Николаевич, — шел уже 1943 год. Я воевал в 5-м отряде 15-й Калининской бригады. Командовал ею П. Халтурин. А нашим отрядом — нижнетагилец, не помню уже фамилию, Петром звали. Определил он меня в разведку. Дали рацию, переводчика. По заданию партизанского штаба ходил в разведку в Латвию, на связь с другими бригадами, за «языками».

Как-то разведывали мы систему охраны железнодорожного моста на шоссе Полоцк-Невель. Начальник станции Оберест, немецкий лейтенант, часто ходил в деревню Устебищо в один и тот же дом. При нем охрана. Наши не трогали его. Потом он стал ходить один. Дом стоял на окраине. Устроили засаду. Яков Николаевич, начальник разведзвода, расставил людей. Взяли лейтенанта без единого выстрела. Допросили. Много знал. Отправили его на Большую землю.

В другой раз почти месяц готовились к взрыву моста на железнодорожной линии Идрица — Великие Луки. По нему поезда с гитлеровскими войсками на восток шли. Скрытно подобрались под покровом ночной темноты. По обоим берегам реки расположились наши группы обеспечения, прикрытия. Но не успели подрывники заложить взрывчатку под мост, как их обнаружили.

Ракеты, ракеты... Светло как днем. Все партизаны вступили в бой. Обстреляли гарнизоны противника. Забросали гранатами доты. По бегущим фашистам били из автоматов и пулеметов. Уже больше ста гитлеровцев уничтожено. Но и у наших немалые потери. И все же задание выполнили. На 12 суток остановили движение. Пришлось немцам в обход идти. Тут их встречали партизаны, выходившие из засад.

В июле 1944 года партизанское соединение, в котором воевал Яков, соединилось с частями Советской армии. Квашнина наградили месячным отпуском домой. Много еще ратных подвигов совершил наш земляк. Воевал в Венгрии, Австрии, награжден орде-

ном Славы 3 степени, а позднее медалью «За отвагу».

М. Тереховец.

(№ 30. 1971. Печатается с сокращением).

Партизанские отряды занимали города

В 1941 году в Ярцевском районе мне было поручено организовать партизанский отряд. Нужно было не только объединить людей в боевую группу, но и вооружить. С этим нелегким делом помогли справиться местные жители.

Приведу такой пример. От станции Вадино до расположения нашего отряда было 25 километров. Жители соседних деревень и хуторов ежедневно доставляли нам по 300-400 мин и снарядов. Приносили их в корзинах, в узелках, мешочках. Активным организатором обеспечения отряда боеприпасами был бывший председатель колхоза Архип Михеевич Кондратов.

По соседству с нами были организованы отряды «За Родину», «Смерть фашизму» и имени Чапаева. Вначале эти отряды были небольшие. В нашем было, к примеру, только 70 человек. Естественно, мелкими группами мы и не могли вести крупные боевые операции. Тогда мы объединились. Соединение росло и крепло, и уже к декабрю 1941 года в тылу у врага действовал целый партизанский полк.

Люди, озлобленные фашистским режимом, сами просились в бой, проявляли инициативу и не давали захватчикам покоя ни днем, ни ночью. В начале мая 1942 года мы взорвали мост через Днепр на автомагистрали Минск — Москва и полностью парализовали движение вражеского автотранспорта. На этом важном направлении мы дважды останавливали движение врага более чем на сутки. Постоянно нарушали телефонную и телеграфную связь, пускали под откос эшелоны противника. Еще в начале своих действий мы освободили девять районов: Влади́нский, Ярцевский и другие.

И. Евдокимов. (№ 149. 1965).

Сильнее смерти

Это было в сентябре 1941 года под Ленинградом. Выполнив задание разведки, мы

вчетвером возвращались на базу партизанского отряда. До деревни Лосино добрались поздним вечером. На улицах ни души.

Ничего не вызывало опасения. На краю деревни стоял сарай. В него мы и пробрались. Решили отдохнуть, переждать дождь. Трудный переход, бессонные ночи дали себя знать. Товарищи зарылись в сено и моментально уснули.

Проснулся я от рева скота. Его гнали на пастбище. В сарае совсем темно. Снял сапоги, которые невыносимо жали. Слышу какие-то посторонние звуки. С легким скрипом приотворилась дверь. Вошли люди. По каскам определил — немцы. Лучи фонариков поскакали по сено, прошлись надо мной, над спящими товарищами. Немцы палками начали осторожно прощупывать сено. Оружие держали на изготовку.

Будить друзей не было смысла: одно неосторожное движение — и мы выдали бы себя преждевременно. Невозможно передать то, что пронеслось у меня в голове. Я нащупал кольцо гранаты, левой рукой достал маузер.

Немцы приближались. Впереди желтой тонкой тростью сено прощупывал офицер. С ним было пятеро автоматчиков.

В минуту опасности мозг работает особенно четко, мысленно выдвигает десятки решений, которые тут же отменяются и заменяются на новые. «Как выбраться из этого положения? — стучит и стучит в висках вопрос. Только не сдаваться. Снаружи сарая слышна немецкая речь.

Вот офицер поднялся к нам наверх. Вот он стоит передо мной. Белый луч устремлен туда, где его трость ворошит сено. Еще немного и трость обнаружит кого-нибудь из нас.

Взвожу маузер. Стреляю по офицеру. Он на секунду остановился и рухнул мне на ноги. Автоматчики, отступая к двери, застроили в нашу сторону. Приподнявшись, я бросил в них гранату.

Мои товарищи, еще не понимая в чем дело, подняли стрельбу. Коротко объяснил им сложившееся положение.

Каратели открыли огонь по сараю зажигательными пулями. Все заволкло едким дымом, потом справа от нас взметнулся красный язычок пламени, он быстро увеличивался. Стало жарко. В плотном дыму бушевало пламя. Это был конец.

Но воля к жизни и ненависть к врагу были сильнее смерти. Было у нас одно решение: биться с врагом. Кто знает, может, случится чудо — останемся живыми. А нет — примем смерть. Федя Истомин показывает движением руки, в которой зажата граната: надо взорваться вместе с немцами.

С того момента, как сарай загорелся, прошла минута. Нам она показалась вечностью. Мы прижались спинами к стене около выхода. Сумкин предлагает ударить по врагу гранатами и расчистить дорогу автоматным огнем.

— Приготовиться, — говорю я как старший, — за мной!

Немцы, видимо, ожидали, что мы выйдем с поднятыми руками и, собравшись в кучку, ждали развязки. В их сторону полетели гранаты. По отдельным фигурам открыли стрельбу. Воспользовавшись замешательством фашистов, мы бросились в прилегающие к сараю кусты, побежали в глубь леса. Вслед нам неслись автоматные очереди.

— Не могу больше! — сказал, задыхаясь, Иван Баранов.

Глаза его лихорадочно блеснули, все лицо изведено гримасой страдания. Он опустился на траву. Мы перевязали его раненую ногу. Мои ноги тоже были порядочно изуродованы. С момента прихода немцев в сарай прошло каких-нибудь 30 минут. Я так и не успел обуться. Федор Истомин пошел в разведку. Вернулся он через несколько часов и доложил, что немцы подобрали убитых и уехали.

Мы зашли в деревню. Жители Лосино слышали стрельбу, видели горящий сарай. Они считали, что мы сгорели. Встретили нас как воскресших, со слезами и объятиями.

Д. Худяков. (№ 72. 1967).

Народный мститель

В 1919 году 13-летний Ваня Евдокимов был ранен белыми. Ненависть к врагам революции, стремление улучшить жизнь трудового народа привели паренька из деревни Боровлянка Камышловского уезда в ряды комсомола, а в январе 1932 года — в партию.

29 мая 1941 года его призывают в армию. Через полмесяца в звании техника-интенданта 1-го ранга с группой офицеров он направляется с Урала на запад. 21 июня группа прибыла в Витебск, в Белоруссию. После вероломного нападения гитлеровской Германии дивизия, где служил Иван Евдокимов, попала в окружение.

И вот, уже находясь в составе 11-го кавалерийского корпуса, И.А. Евдокимов в числе других офицеров получает приказ бригадного комиссара Руденко об организации партизанских отрядов на Смоленщине — в Ярцевском, Духовщинском, Холм-Жирков-

ском, Андреевском, Батуринском и других районах.

Евдокимов создает отряд «За Родину» из числа 30-32 окруженцев и местных жителей и становится его командиром. В декабре 1941 года на базе мелких партизанских отрядов, каковым был и отряд Евдокимова, создается крупный отряд имени Щорса, и он становится командиром взвода разведки. В январе 1942 года отряд преобразуется в Особый партизанский полк имени Амеличева, в котором уже насчитывалось свыше 10 тысяч бойцов и командиров. Полк был прекрасно вооружен отечественным и трофейным оружием. Он контролировал 9 районов Смоленской области.

В августе 1942 года, когда полк шел на соединение с находившимся западнее партизанским отрядом, Иван Андреевич был ранен и контужен. Лечился в г. Череповец Вологодской области, а оттуда еще на костылях был отправлен в пулеметное училище в Архангельскую область, где находился весь 1943 год.

Немало боевых дел в биографии воина, но наиболее интересные из них связаны с партизанской жизнью.

Вот только один из эпизодов. Партизаны отряда им. Щорса в начале января получили задание уничтожить колонну автомашин врага, идущую по шоссе Минск — Москва. В колонне было 70 автомашин. Разведка доложила, что в машинах ящики с боеприпасами, в кабинах по два человека. Колонна остановилась на отдых в одном селе возле школы. Немцы находились в здании. Село — одна улица. По ней ходили два часовых. Они встречались у школы и снова расходились. Партизаны решили их снять бесшумно. Евдокимов с группой идет в один конец деревни, вторая группа под командой политуха — в другой. Часовых сняли без выстрела. Партизаны пробрались к школе, окружили ее, поставили к дверям двух автоматчиков и забросали школу гранатами. Уничтожили всех немцев. Взяли себе три автомашины, остальные сожгли. Долго над Смоленском гремели взрывы. Это рвались боеприпасы врага.

Н. Гладких. (№ 4. 1975).

Огнем испытаний

28 августа 1943 года в районе села Станки, Псковского района, свирепствовала экспедиция немецко-фашистских карателей.

Фашисты еще подтягивали подкрепления, артиллерию, боеприпасы.

Здесь скопилось много раненых партизан. На исходе боеприпасы. Командир соседнего батальона предал, переметнулся к фашистам и повел часть карателей в тыл к партизанам. Наступали фашисты и впереди. Батальон, в котором находился тогда Худяков, оказался в окружении. Дмитрий Васильевич бесстрашно командовал боем. Часть кольца окружения партизаны проломили. Раненых под огнем противника вывезли. Однако силы были не равны. Командир полка вызвал по рации авиацию, а сам с группой бойцов отбивался от наседавших немцев.

Костер уже разгорался, обозначая место посадки самолета и место боя, а в это время пуля ударила в правую руку. Худяков пошатнулся, но успел переложить автомат в левую и дать очередь по бежавшим к КП карателям. Тут будто чем-то тяжелым с большой силой выбило автомат. Разрывная пуля разворотила и левую руку. Командир уже смутно слышал голоса. Кто-то рядом что-то кричал. Это был голос Женечки Егоровой, как ласково называли в отряде 17-летнюю медсестру.

— Командира ранило! — кричала она и пробовала оттащить в безопасное место, да где ей справиться с этим рослым, высоким и широкоплечим уральцем! Тут подоспел командир отряда Семен Пупышев, заместитель командира полка по разведке Николай Тебеньков. Вместе они вынесли раненого.

...Село Шилово Новоржевского района. Сюда и привезли Дмитрия Васильевича, у которого началась гангрена. Партизанский хирург Василий Иванович Гилев в невероятно тяжелых условиях, без наркоза, обыкновенной столярной пилой отпилил Василию Дмитриевичу руку выше локтя.

Но он не сдался! Долгое время заведовал отделом пропаганды и агитации в Красном Селе под Ленинградом, затем в г. Дно Псковской области. В 1956 году вернулся Василий Дмитриевич в родной Камышлов.

С. Мальцман. (№ 71. 1980).

Сергея Борода

В воскресный день 22 июня 1941 года командир пулеметного отделения и помкомвзвода Роман Никитич Алексеев, получив увольнение, с утра первым делом опустил в почтовый ящик письмо-треугольник и начал осматривать город Витебск. В этих местах он очутился на военных сборах, и здесь еще ни-

кто не знал, что мирная жизнь советских людей нарушена.

Во время обеда, находясь в части, Алексеев услышал, сигнал тревоги: немецкие самолеты бомбили Витебск. Подразделения за городом создавали и занимали оборонительные рубежи. На пятый день войны враг приблизился к Витебску. Его уже ждали. Подразделение Алексеева находилось в засаде, рядом расположились другие. Вражеские самолеты с бомбовым грузом шли в сторону Смоленска. Их гул все нарастал. И вот они возникли над головой.

— Смотри, как низко, — шепнул помкомвзвода, отчетливо различая черные кресты на крыльях.

И хотя предупредили, чтобы без сигнала никто не стрелял, не выдержал Алексеев и в порыве ненависти дал очередь разрывными пулями.

— Кто стрелял?! — раздался грозный окрик.

Но тут внимание всех приковал задымившийся самолет.

— Сбили! — радостно пронеслось по рядам.

У Алексеева отлегло от сердца. Немецкий летчик был доставлен к командиру части. Вскоре полк получил задание занять новый оборонительный рубеж. Разгорелись упорные бои. Под натиском превосходящих сил противника полк опять отступил. В одном из боев Роман Никитич, раненный в ногу, преодолевая боль, отполз в кустарник. Потом сунулся, было, к дороге, а по ней уже вовсю шли колонны немцев. Алексеев остался в тылу врага.

...В июльский день пришло письмо в Ожгиху. Ефросинья Васильевна Алексеева, окруженная четырьмя детьми, читала последнюю весточку от мужа. На штампе разобрала: «Витебск, 22 июня 1941 года». По радиосводкам она уже знала, что Витебск советскими войсками оставлен, и залилась слезами. Миновал год, второй, третий, а от Романа больше никаких вестей.

Раны сковывали движения, но, сжав в руке гранату, Роман Никитич думал, что живым в руки немцев все равно не дастся, в плен дороги нет. Он полз, а в глухих местах шел, опираясь на палку, медленно шел, сам не зная куда. Трудная началась жизнь: болота, леса, хутора. Кое-как подлечился.

К лету 1942 года партизанское движение в белорусских лесах принимает организованный характер. В партизанскую бригаду, которой командовал Катаев, зачислили и камышловца Алексеева, но накрепко пристало к Роману Никитичу другое имя — Сергей Бо-

рода. И было за что: за его большую бороду. Даже командир отряда его так называл, а порой так писалось и в приказах. Отправлялся Серега Борода с партизанами на задания. На многие десятки километров уходил в ночь. Любили его партизаны, нередко говорили: «Хороший командир, глаз и ухо остро держит. Куда уведет, туда и приведет». Не было случая, чтобы группа под командованием Сереги Бороды вернулась, не выполнив задания. Один раз он доложил:

— Немцы на восток эшелонами солому везут.

Командир знал эту маскировку и направил диверсионные группы для подрыва соломённых вагонов, в которых на самом деле транспортировались танки. Много ответственных заданий выполнял взвод Сереги Бороды. Вот он получил задание: зажечь на поляне четыре костра и в два часа ночи погрузить боеприпасы и медикаменты, которые будут сброшены парашютами с самолетов. Ответственное задание было выполнено отлично. Принимала его бригада участие и в рельсовой войне. Доводилось взводу Алексеева ходить и на заготовку хлеба и по вылавливанию и уничтожению полицаяв. На одной из партизанских дорог Роман Никитич встретился со своим двоюродным братом Михаилом Ивановичем Ялиным из деревни Голышкиной. Братья сразу узнали друг друга, но у обоих возникло недоверие. Выручил пароль. Оба оказались партизанами.

Навсегда в памяти Алексеева останется декабрь 1943 года, когда войска Западного фронта на реке Проня соединились с партизанской бригадой. С тяжелыми боями народный мститель в войсках регулярной армии продвигался на запад. Не раз ходил в разведку, прокладывал дороги через минные поля, дважды его ранило, но он вновь возвращался в строй. Закончил войну Роман Никитич на прусской земле.

А. Старков. (№ 72. 1968).

Е а счастье наших людей

Война застала Ивана Григорьевича Якимова в Гродно. В этом Белорусском городе младший лейтенант И.Г. Якимов обучал призывников. Вооружены были воины вместе со своим командиром трехлинейками. А в небе кружили немецкие стервятники. Каждый метр земли фашисты поливали свинцом. Якимова отнесло взрывной волной.

Когда очнулся, увидел над головой мессершмитта. Иван врос в землю и вдруг рядом с собой увидел фрица. Началась рукопашная. Советский солдат выиграл ее. Но силы оставили его, сказала только что полученная контузия. Якимов впал в беспамятство, а когда пришел в себя, услышал над собой немецкую речь. Вместе с горсткой товарищей младший лейтенант попал в концлагерь. Откуда бежал вскоре с друзьями. Без оружия и пищи пришлось скрываться в Пинских болотах. Лес, мины, вода по горло. И так 12 суток. На 13-е сутки партизаны Ковпака освободили героев.

Началась новая жизнь. Потекли партизанские будни. В основном здешние партизаны вели рельсовую войну. На счету Якимова немало вражеских эшелонов, пущенных под откос. Но вот развернулись освободительные бои за Белоруссию. В 1944-м году Ивану Григорьевичу, наконец-то, удалось переправить первую весточку домой. «Я жив. Победа будет за нами», — коротко писал он.

Освобождая Кенигсберг, Якимов получил тяжелое ранение. Как только врачи поставили его на ноги, фронтовик вернулся в родное подразделение, которое затем перебросили на дальневосточное направление. Когда и над милитаристской Японией одержал наш народ победу, Иван Григорьевич пришел в свою деревню Бутырки.

Родина наградила его орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени.

Ю. Якимов. (№ 51. 1975).

Победители:

они сражались за Родину

ЗАХАРОВ Захар Александрович, 1908 г. Мл. лейтенант, ком. минометного взвода. Центральный фр. 1941-1943 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

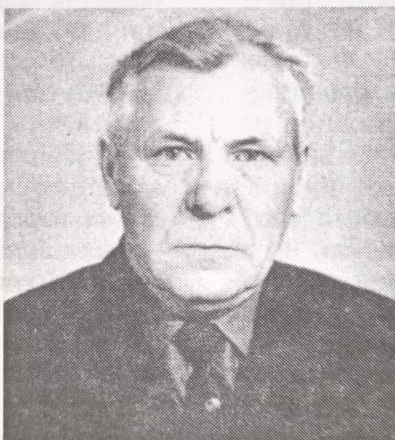
ЗАХВАТОШИНА Анастасия Петровна, 1915 г. Рядовая, кух. рабочая военного госпиталя. 1942-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ЗВЕРЕВ Григорий Захарович, 1922 г. Ст. сержант, ком. орудия. Сталинградский, 3-й Украинский фр. 1942-1945 гг. 2 л. ранения. Награды: 2 ордена Красной Звезды, орден Славы III ст., медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ЗЕЛЕНИНА Наталья Даниловна, 1922 г. Ефрейтор, ком. отделения ПВО. Волховский, Ленинградский, 3-й Прибалтийский, 2-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ЗЕЛЕНЦОВ Михаил Михайлович, 1921 г. Рядовой, стрелок. Южный фр. 1941-1942 гг. Т. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

ЗЕМОВ Илья Демантьевич, 1919 г. Член КПСС, уполномоченный СМЕРШ. Дальневосточный фр. 1945 г. Награды: медали «За победу над Японией», юбилейные.

ЗЛОБИН Иван Иванович, 1925 г. Рядовой, шофер. 2-й Украинский фр. 1943-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ЗОНОВА Вера Григорьевна, 1923 г. Ст. сержант, медсестра. Центральный, 2-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

КАВЕРЗНЕВ Николай Андреевич, 1922 г. Член КПСС, майор, ком. пулем. взвода. Забайкальский фр. 1945 г. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Японией», «За победу над Германией», юбилейные.

В Камышлове никогда не было аэродрома, да и от моря наш уральский городок далек, однако в годы войны многим из наших соотечественников пришлось освоить и летное, и морское дело. Они были летчиками-истребителями, морскими пехотинцами, разведчиками, штурманами и командирами кораблей. Много довелось освоить им военных профессий, но одно было неизменно: куда бы ни забросила их судьба, всюду они служили честно, выполняли свой воинский долг до конца.

*Здесь птицы не поют,
Деревья не растут.
Лишь только мы плечом к плечу
Врастаем в землю тут.*

*Горит и кружится планета.
Над нашей родиной дым —
Так, значит, нам нужна одна Победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим.*

*Едва огонь угас,
Звучит другой приказ.
И почтальон сойдет с ума,
Разыскивая нас.*

*Взлетает красная ракета,
Бьет пулемет, неутомим,
Так, значит, нам нужна одна Победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим.*

*От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот —
Такие, брат, дела.*

*Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим.
А нынче нам нужна одна Победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим.*

Памятные годы войны

В 1936 году я поступил в летную школу. Война меня застала в Ростове. На самолете-штурмовике сделал более 140 боевых вылетов. Дважды ранен. Награжден орденом Красной Звезды, медалями за взятие Вены, Будапешта, Софии, за освобождение Белграда.

После войны окончил учительский институт, исторический факультет университета. Работал в школах Пышминского и Камышловского районов, с 1966 года — в Галкинской школе директором. Сейчас — учитель истории. Бессменный пропагандист, лектор-международник, депутат сельского Совета.

Даже самую богатую событиями жизнь можно изложить коротко.

О войне вот так, скороговоркой, не скажешь. Чем дальше она уходит от нас в прошлое, тем чаще мы, фронтовики, вспоминаем о ней, тем подробнее пересказываем юному поколению о величии духа нашего народа, выстоявшего в этой страшной войне. Я тоже много общаюсь с молодежью как учитель, по общественным делам. Встречаюсь, делюсь воспоминаниями.

Шел 1944 год. Наши войска уже погнали фашистов с советской земли и вели освободительные операции на западе. Я, летчик-штурмовик, выполняя задание своего полка, приземлился на болгарской земле. Теплой, сердечной была встреча с местным населением. И сейчас вижу перед собой приветливое лицо болгарского крестьянина:

— Братушка, откушай наших фруктов!

В том же 1944 году, перелетая через Дунай, я был сбит немецкими мессершмиттами. Такой широкой показалась мне река, когда я решил, во что бы то ни стало, сесть на своем берегу. Дотянул! Не подвел мой «Ил-2», хотя и пришлось после того перелета полежать в госпитале. А после приземления в расположение бригады югославских партизан, в горах, моя боевая машина получила прозвище «Партизанка».

Тяжелыми и памятными останутся для нас, фронтовиков, дороги войны. Мы ведем переписку с однополчанами, собираемся на встречи. О нашем авиаполку писала «Комсомольская правда». Его именем названа одна из московских школ, а на ее территории стоит памятник, сооруженный на средства фронтовиков нашего полка.

В. Зайцев. (№ 161. 1980).

В боях за Отчизну

В 1940 году, когда в Европе уже полыхало пламя второй мировой войны, мы — комсомольцы, выпускники школы № 58 — пошли в военкомат и попросили, чтобы нас направили в военное училище. Секретарь комитета комсомола Анатолий Поторочин поступил в гидроавиационное училище, я — в Иркутское авиационное.

Многие наши ребята в первые же дни войны встретились с врагом. В тяжелых, кровопролитных боях около Смоленска в 1941 году погиб любимец класса Володя Батухтин. Получили ранения комсомольцы Василий Бубенчиков и Василий Семянников. В боях под Сталинградом погиб Михаил Карелин. По 25 лет отслужили в Советской Армии бывшие участники войны подполковники запаса Николай Галишев и майор Николай Анучин. Я после окончания Иркутского военного авиационного училища принимал участие в войне с августа 1941 года в дивизии, в которой впоследствии был сформирован полк «Нормандия-Неман».

Учащиеся выпуска 1941 года почти все добровольцами ушли на фронт. Школа помнит имена восьмиклассников: Володи Кушнерука и Володи (возможно Николая) Уйбо, которые, получив комсомольские билеты, ушли на фронт добровольцами. Они погибли смертью храбрых. Один — в боях под Сталинградом, другой — под Нарвой.

Учащиеся 1942-1945 годов по 3-4 месяца работали в колхозах и совхозах. Все заработанные деньги отчислялись в фонд обороны.

В. Парфенов. (№ 161. 1980).

Школа мужества и отваги

Военно-Морской Флот в жестокой битве с гитлеровскими захватчиками вместе с доблестными войсками Советской Армии до конца выполнил свой долг.

Более 400 тысяч военных моряков в составе соединений морской пехоты сражались непосредственно на сухопутных фронтах. За годы войны было уничтожено 1200 боевых кораблей и более 1300 транспортных судов противника, высажено более 100 де-

сантов, в которых было задействовано 250 тысяч человек. Моряки участвовали в обороне городов-героев Ленинграда, Севастополя, Одессы, насмерть стояли у стен Москвы, защищали волжскую твердыню — Сталинград, Кавказские перевалы, бились на Малой земле.

В жарких схватках с врагом с честью выполнили свой долг моряки Северного Черноморского и Краснознаменного Балтийского флотов. Также мужественно действовали против врага корабли Волжской, Пинской, Чудской, Азовской, Ладожской, Онежской, Беломорской, Каспийской флотилий.

Моряки Тихоокеанского флота в течение всей войны служили надежной преградой против агрессивных планов японской военщины. Они готовили резервы для всех действующих флотов и фронтов. В период войны с Японией в 1945 году тихоокеанцы и амурцы с честью выполнили свои задачи по разгрому Квантунской армии, освободив от японских милитаристов исконно русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова, способствовали освобождению народов Китая и Кореи.

Я по собственному опыту знаю, сколь сложна и ответственна служба на корабле. Она имеет свою специфику: ведь жизнь всей команды, всего корабля, выполнение боевой задачи зависят от точного и безупречного соблюдения своих обязанностей каждым моряком на своем посту.

Сурова морская служба, но и почетна.

Я. Лемешев. (№ 116. 1981).

Линахамари, Линахамари — адрес короткий у моряка

Расположенный на западном берегу губы реки Печенги порт Линахамари, который предстояло освободить от врага, гитлеровцы использовали как перевалочную базу для снабжения своих войск продовольствием и боеприпасами.

Удерживать Печенгу немецко-фашистское командование стремилось всеми силами, так как только отсюда оно могло эвакуировать свои разгромленные соединения в Северную Норвегию. Исходя из создавшейся обстановки, командование флотом решило

захватить порт Линахамари с помощью десанта морской пехоты, и после прибытия подкрепления начало наступление на Печенгу с севера. Десант предусматривалось доставить на сторожевых и торпедных катерах и высадить непосредственно в порт в ночь на 13 октября 1944 года.

Посадка на катера началась вечером 12 октября, и после ее окончания группы катеров последовательно с некоторыми интервалами вышли в море. При подходе в залив противник обнаружил первую группу катеров под командованием Героя Советского Союза капитан-лейтенанта А.О. Шабалина и подверг ее интенсивному артиллерийскому обстрелу. Но советские моряки, увеличив скорость, смело пошли на прорыв. Последующие действия всех трех групп проходили под сильным огнем противника. Каждая группа прорывалась в порт самостоятельно, маневрируя курсами, скоростью, используя мертвые пространства у западного берега залива. Высадки десанта происходили в основном в назначенных пунктах. Сначала на берег устремились матросы-добровольцы. Смело вступив в бой, они оттеснили немцев от причалов и подготовили условия для высадки основных сил десанта.

Не ожидая рассвета, части десанта повели стремительное наступление на 210-миллиметровую, 155-миллиметровую тяжелую и 98-миллиметровую зенитно-противотанковую батареи противника к юго-западу.

Противник, перегруппировав свои силы в районе Линахамари, подбросил подкрепление с других участков фронта и перешел в контрнаступление. Завязался ожесточенный бой. На помощь десанту пришла артиллерия. К исходу дня авиация нанесла удары по гитлеровцам, и десантники вновь пошли в наступление. К вечеру 13 октября 1944 года десант полностью выполнил поставленную задачу, овладев портом Линахамари и удержав его до подхода основных сил.

При высадке десанта в порт инициативу, мужество и умение повести за собой людей показал старший сержант И.П. Каторжный. При подходе к берегу командир взвода был ранен и не мог руководить высадкой, его заменил старший сержант. Взвод под командованием И.П. Каторжного захватил три причала, уничтожил расчеты трех орудий и овладел гостиницей, в которой располагался немецкий командный пункт. Затем старший сержант и боец Королев водрузили над гостиницей красный флаг — символ победы. За проявленный героизм и мужество старшему сержанту

жанту И.П. Каторжному было присвоено звание Героя Советского Союза.

Большую помощь десантникам североморцам оказывала авиация флота. Примером мужества и стойкости для всего личного состава служили командир корабля старший лейтенант Л.А. Рыбаков, который не покинул своего поста, несмотря на тяжелое ранение.

Когда вражеским снарядом сбило флаг корабля, раненый рулевой матрос Семенов поднял его над головой. Герой получил вторую рану. Тогда ему на помощь пришел радист Блинов. До последней минуты на гибнущем корабле развевался военно-морской флаг Родины.

С таким огромным напряжением физических и моральных сил могли выстоять только советские люди, беспредельно преданные своей коммунистической партии и социалистической родине.

За боевые заслуги, проявленные при взятии порта Линахамари, я был награжден орденом Красной Звезды.

Н. Кудрявцев. (Из личных воспоминаний).

Один за всех и все за одного

Мне как бывшему моряку хочется поделиться своими воспоминаниями.

...Шел 1945 год. Все уже чувствовали, что скоро конец войне. Но когда? Как скоро? И каждый стремился на фронт — бить ненавистного врага. Думали об этом и мы, семнадцатилетние мальчишки.

Я и мои друзья по 12 часов работали на изоляторном заводе, но не от тяжелой работы стремились мы на фронт. Мы хотели бить врага.

В конце апреля 1945 года меня призвали на воинскую службу. И вот я — моряк. Зачислен в отряд подводного плавания. Когда я попал на флот, война уже кончилась, но Балтика по-прежнему оставалась зоной повышенной опасности: столько смертоносного груза — мин — оставили после себя фашисты.

Шесть лет. За эти годы я многое увидел, многое понял. Но главное, что запало в душу, осело в ней навсегда, так это желание, стремление жить честно, жить по особому счету: когда ты сам, твой друг, весь экипаж — одно целое, когда не даешь себе поблажек.

В. Мартюшев. (№ 116. 1981).

Ночь в Мотовском заливе

Это было в начале июня 1943 года на полуострове Средний, что расположен между полуостровами Кольский и Рыбачий. На западном его берегу в 3-4-х километрах от крохотного рыбацкого поселка Пуманки, в устье речушки такого же названия раскинулась небольшая взлетно-посадочная полоса нашей истребительной эскадрильи 78-го авиационного полка военно-воздушных сил Северного флота.

А в 40 километрах южнее находилась единственная, хорошо устроенная немецкая база Петсама. С нее фашистские отборные части отправлялись с первого дня войны на завоевание нашей земли, на захват незамерзающего Кольского залива, города русской надежды — Мурманска. Здесь, на Крайнем Северо-Западном фронте, в течение долгих лет стояли советские люди, чтобы отстоять «ворота», через которые шла к нам помощь от союзников.

Подготовка эскадрильи к операции на полуострове Средний началась со времени получения новых самолетов истребителей американского производства «Кетихавск». Находясь на малом аэродроме вблизи пос. Ваенга (ныне — г. Североморск), нам было приказано быстро освоить техническую часть и летные качества новых машин.

Всю ночь на Мотовском заливе, что между Рыбачьим и Кольским полуостровами, было неспокойно. Суденышко, в котором шла наша команда авиаторов в количестве 20-25 человек, бросало с борта на борт. Мы шли, прижимаясь к южному берегу полуострова Рыбачьего, на запад, к незнакомой нам бухточке, от которой лежал путь к западному берегу полуострова Средний. О сне и еде никто не думал. Чуть-чуть за кормой побелел рассвет — мы благополучно пришвартовались к немудреному пирсу, выгрузку боеприпасов, техснаряжения и продовольствия провели к вечеру. «Гольфстрим» принес вместе с теплыми водами к берегам Рыбачьего ненастную погоду. Шел мелкий моросящий дождь. При погрузке багажа на машины наши шинели намокли, холодные капли обжигали плечи и спину, перемешанный с водой и снегом песок рвал ботинки с ног. А впереди — 20 километров бездорожья.

Под прикрытием дождя и ночи на шести автомашинах наш отряд двинулся дальше.

Всю ночь, то снимая, то снова забрасывая на машину тяжелый груз, на руках вытаскивали застрявшие в грязи трехтонки и продвигались вперед и вперед...

Только утром мы подошли к узкой полоске земли, прилипшей к заливу. Почти у каждого на устах был один и тот же вопрос: где здесь аэродром? Сомнения рассеялись, и ответ был один — узкая полоска земли вдоль залива и есть наш аэродром. Рядом с ним нашлась и землянка, баня (если так можно назвать) без полка и пола.

На основание и перестройку времени осталось очень мало. Укрыть самолеты, построить для них капониры, обложенные камнем, выкопать щели — над этим трудились все.

Трагичным оказалось утро майского дня, когда мы, техсостав, находясь возле своих капониров, поджидали возвращения своих самолетов... С захода на посадку с моря (навстречу солнцу) стали появляться черные точки «Кетихавск»...

Вдруг гул самолетов раздался с противоположной стороны. Крадучись, со стороны солнца из-за сопков вывалились «Юнкерсы» в сопровождении «Мессершмиттов». Вой, пронзительный свист бомб разнесся в воздухе, и вместе со взрывами ударил по взлетному полю, по капонирам. Немногим удалось заскочить в оборудованные щели. Мокрым песком, обломками нехитрых сооружений и осколками прижало всех нас плотно к земле. В ушах звенело, мурашки бежали по телу, во рту была горечь, запах тола туманил мозги.

Прошло какое-то мгновение, пыль мед-

ленно оседала, рассеивался коричневый дым. «Юнкерсы» уходили в море, а «Мессеры» сверху врезались в кильватерный строй идущих на посадку самолетов. Глаза закрывала пелена, сочились слезы, на зубах скрежетал песок. Боль за ребят, что не могли совершить какой-либо маневр и уйти из-под расстрела, ударила по нервам.

Немногим удалось совершить тогда благополучную посадку. Четыре самолета, не дотянув до аэродрома, упали в море. В этих адских условиях все самолеты, что приземлились, были спасены. Все летчики, в том числе и мой друг Пилипенко, были живы. На фюзеляжах и плоскостях «Кетихавск» виднелись рваные раны, нанесенные пулями врага. Спаслись и те ребята, что выбросились в морскую пучину. Их удержали на воде до подхода нашего катера пробковые пояса.

Хочется закончить небольшое воспоминание словами песни североморцев, написанной на полуострове «Рыбачий» в 1942 году Николаем Бухиным:

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет.
Мы вышли в открытое море
В суровый и дальний поход.

А волны и стонут, и плачут,
И бьются о борт корабля,
Расстаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля...

М. Сбоев. (Из личных воспоминаний).

Победители: они сражались за Родину

КАЗАНЦЕВ Николай Федорович, 1913 г. Член КПСС, лит. сотрудник дивизионной газеты. Волховский, Сталинградский, 4-й Украинский, 3-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

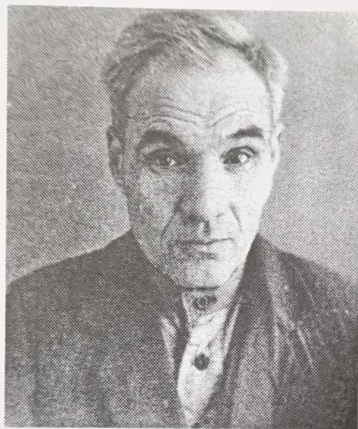
КЛЕМЕНТЬЕВ Иван Лукич, 1914 г. Майор, нач. фин. части полка. 1-й Дальневосточный фр. Награды: орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Японией», юбилейные.

КОИНОВ Алексей Андреевич, 1914 г. Член КПСС, майор, нач. штаба минометного полка Финского, Карельского, 1-го Украинского, 2-го Белорусского фр. 1942-1945 гг. Награды: орден Александра Невского, 2 ордена Красной Звезды, медали «За оборону Заполярья», «За взятие Кенигсберга», польская «За Одер и Ниссу», «За победу над Германией», юбилейные.

КОЛОСНИЦЫН Петр Трифанович, 1915 г. Член КПСС, капитан, пом. ком. танковой роты по т/ч. 2-й, 3-й Украинский фр. 1943-1945 гг. Награды: два ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Белграда», «За победу над Германией», юбилейные.

КОЧНЕВ Филипп Алексеевич, 1898 г. Член КПСС, капитан, ком. стр. роты. 2-й Украинский фр. 1941 г. Контузия, т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

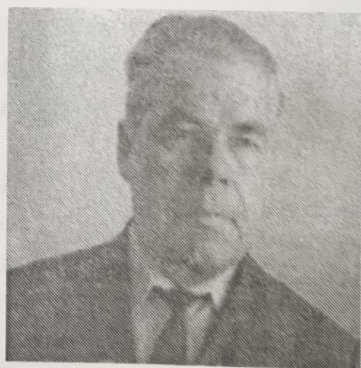
ЛУТВИН Никита Матвеевич, 1907 г. Старшина, ком. отд. лыжников. Центральный, 4-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Контузия. Награды: медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За доблестный труд», юбилейные.

МАЛКИНА Елизавета Семеновна, 1919 г. Рядовая, радист. Брянский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

МАХИН Григорий Демет'евич, 1914 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. минометного взвода. Северо-Западный, Ленинградский фр. 1941-1942 гг. Т. ранение, л. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

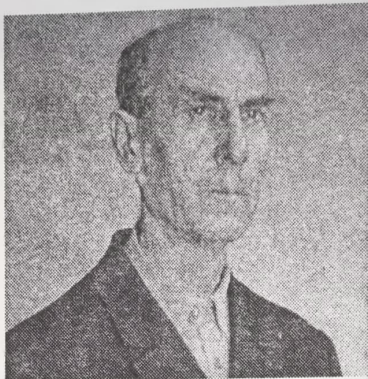
МЕДВЕДЕВ Степан Никитич, 1918 г. Ст. сержант, ком. орудия. Центральный, 1-й Украинский, 1-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Контузия. Награды: орден Красной Звезды, орден Славы III ст., медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные, «Ветеран труда».

Победители:

они сражались за Родину

МЕНЬШЕНИН Василий Иванович, 1920 г. Член КПСС, мл. лейтенант, комсорт полка. 3-й Украинский, Забайкальский фр. 1942-1945 гг. 2 л. ранения, 1 т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные.

МЕРКУЛОВ Павел Владимирович, 1917 г. Гл. старшина, моторист. Черноморский флот, 13-я партизанская бригада Мазурова, 1-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. 1 т. ранение, 1 л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За оборону Севастополя», «За победу над Германией», юбилейные.

МЕЩЕР Нина Николаевна, 1925 г. Ефрейтор, медсестра. 1-й Украинский фр. 1942-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

МЕЩЕРЯКОВ Александр Селиверстович, 1907 г. Член КПСС, старшина, ком. взвода. Центральный фр. 1941-1943 гг. 2 т. ранения, 1 л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

МЕЩЕРЯКОВ Константин Семенович, 1912 г. Капитан, ком. роты ж/д связи. Юго-Западный, Западный, 2-й Прибалтийский, 3-й Белорусский, Дальневосточный фр. 1941-1945 гг. Награды: две медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

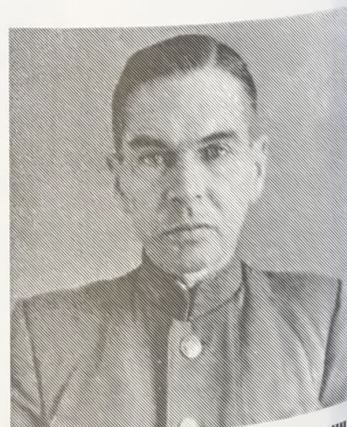
МИХАЙЛОВ Дмитрий Алексеевич, 1911 г. Член КПСС, капитан и/с, нач. арт. снабжения минометного полка. Калининский, 2-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Отечественной войны III ст., орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

МИШКИНЕЦ Иван Владимирович, 1920 г. Член КПСС, капитан, ком. танкового взвода. Юго-Западный, Воронежский, Степной, 2-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: два ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией», юбилейные.

МОХИРЕВ Федор Петрович, 1907 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. стр. роты. Калининский, 1-й, 4-й Украинский фр. 1941-1944 гг. Л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

МОЧАЛОВ Константин Федорович, 1898 г. Член КПСС, капитан, нач. 6-го отдела штаба дивизии. Карельский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья», «За победу над Германией», юбилейные.

А Родина у всех у нас одна

12

глава

Время идет. Многое изменилось. Даже страны той, за которую сражались они, не стало. Сейчас кое-кто пытается переосмыслить минувшие события. Представить некогда могучую державу – Союз Советских Социалистических Республик – империей, в которой не было братского союза республик свободных, а был некий режим, где все держалось на страхе, даже массовый героизм. Мы не ставим задачи оспаривать мнение политиков и историков, но бесхитростные рассказы, помещенные в этой главе, как нельзя лучше свидетельствуют о том, что для солдата любой национальности страна Советов была единственной Родиной, которую он беззаветно любил...

*С чего начинается Родина?
С картинки в твоем букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.*

*А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.*

*С чего начинается Родина?
С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской буденовки,
Что где-то в шкафу мы нашли.*

*А может, она начинается
Со стука вагонных колес
И с клятвы, которую в юности
Ты ей в своем сердце принес.
С чего начинается Родина?*

сть в Молдавии Семеновка

На берегу реки Прут в Далекой Молдавии в Котовском районе есть возрожденное из руин и пепла село Семеновка. Названо оно так в 1948 году в честь нашего земляка-уральца, жителя деревни Кокшарово, сына потомственного крестьянина Ивана Михайловича Семенова.

Кокшаровский парень, тракторист Иван Семенов, как и миллионы других советских людей, вынужден был взяться за оружие.

Заканчивался грозный 1943 год. В Великой Отечественной войне уже наметился перелом, но конца ей пока не было видно. Кровавопролитные бои шли на всем советско-германском фронте, растянувшемся от Белого моря до Черного. Везде лилась кровь, гибли солдаты, но живые еще упрямее шли вперед, изгоняя фашистов с родной земли.

Иван Михайлович Семенов к тому времени уже повидал почти все, что уготовано солдату на войне. Не раз хаживал в лихие атаки, когда свинцовая стена смерти преграждала путь вперед, и не верилось, что из этого ада можно выйти живым. Изведал радость побед и горечь отступления. Много раз смотрел смерти в глаза, но она отступала, сторонилась, а он шел вперед. Потерял немало верных товарищей, но сам выдюжил, окреп.

Настало лето 1944 года, война неумолимо катилась к границам фашистской Германии и гитлеровцы, чувствуя близкий конец, отбивались везде с яростью обреченных.

В августе 1944 года завершалось освобождение территории Советской Молдавии. Плацдарм возле сел Минжир Режена-Мария (ныне Семеновка), Кокочены, Сарата-Резешты стойко удерживал 26-й гвардейский стрелковый корпус. В одной из частей этого корпуса воевал со своим отделением и сержант Иван Семенов.

Возле села Минжир продолжались ожесточенные бои. Деревни горели. Схватки шли круглые сутки. Отдыхали урывками. Все понимали, что врага нельзя выпускать из окружения. Группа бойцов к полудню вошла в село Режена-Мария, и сержант Семенов со своим отделением получил задачу — разведать высоты, окружающие деревню с юго-востока. Захватив пулеметные диски и ручные гранаты, воины ложиной стали выдвигаться к правой высоте.

Начали окапываться, но до конца это

сделать не удалось. Гитлеровцы двигались прямо на них.

— Без команды не стрелять! Подпустить ближе, — распорядился Семенов.

Вот они, фашисты. Сколько раз за годы войны видел их Иван, но спокойно смотреть на врагов никак не научился. Лавина огня обрушилась на приближающихся врагов. Немцы дрогнули и побежали назад. Фашисты через несколько минут пришли в себя, и начали осаду высоты. Теперь они уже не шли в рост, а ползли, прячась за бугры и камни. Отражена первая... вторая... третья... пятая атака. Здорово поубавилось боеприпасов у защитников высоты, но об отходе не было и речи. Семенов переползал от одного бойца к другому, смотрел, сколько осталось патронов и гранат, приказывал стрелять экономнее, наверняка. Прошло около двух часов. Более ста минут непрерывных атак. Сотни фашистов все шли и шли против горстки наших бойцов, многие из которых были уже по одному разу ранены. Остались втроем.

Об этом рассказал мне Савва Фомович Готишану. Он тогда был в деревне, видел, как Семенов с товарищами ушел на высоту и все время следил за тем, как шел этот неравный бой. К концу второго часа боя он услышал стрельбу трех автоматов, поэтому и определил, что в живых осталось трое. Но вот уже ведет огонь один автомат. С окраины села видны взрывы гранат. Опять огонь. Тишина. Потом опять стреляет автомат. Снова рвутся гранаты, и затем все надолго затихает.

Ближе к вечеру Михаил Кэпещинэ и Савва Готишану, видя, что фашистов нет, решили сделать вылазку на высоту. С ними вызвались идти еще трое сельчан. Первым нашли Ивана Семенова. Он лежал, уткнувшись в траву лицом. Герой был поражен пулей в самое сердце.

Метрах в сорока-пятидесяти наткнулись на остальных храбрецов. Их было шестеро. Возле них лежали автоматы, но без единого патрона. Не осталось и гранат.

Почти пять часов держали семеновцы врага на этой безымянной высоте, не дали ему вырваться из окружения. И когда жители принесли в деревню тело Ивана Семенова, то в село уже входили советские войска.

Прогремели залпы траурного салюта, и над могилой сержанта Ивана Михайловича Семенова вырос холм молдавской земли, за которую он отдал свою молодую жизнь.

Через несколько дней, когда наши войска уже вышли на границу с Румынией и уверенно гнали фашистов дальше на запад, на далекий Урал в деревню Кокшарово, Свердловской области пришло письмо отцу героя

— Михаилу Даниловичу Семенову. В нем общалось:

«Уважаемый Михаил Данилович!

Ваш сын, Семенов Иван Михайлович, в борьбе за освобождение нашей необъятной Советской Социалистической Родины от фашистских извергов погиб на поле боя смертью храбрых.

Советская Родина высоко оценила боевые подвиги любимого нами товарища Семенова Ивана Михайловича и наградила его орденом Отечественной войны 2-й степени.

Посылаем Вам эту правительственную награду за героическую борьбу Вашего сына Семенова Ивана Михайловича, храните ее как память о погибшем, любимом Вами сыне, участнике Великой Отечественной войны, защитнике Советской Родины.

Командир части».

Начался 1948 год. Советский народ заживал раны, нанесенные стране тяжелой войной с фашистами. Не стало уже землянок, где в годы оккупации жили молдавские крестьяне и в разрушенном до основания селе Режена-Мария. Хозяйство начало вставать на ноги. Как-то на сельском сходе слово попросил старейший колхозник Михаил Георгиевич Кэпещинэ. Речь его была краткой, но дошла до сердца каждого односельчанина. Он предложил в память о сержанте Иване Михайловиче Семенове и в знак благодарности великому русскому народу за освобождение Молдавии от фашистского ига назвать родное село Семеновкой. Тут же было составлено ходатайство в Президиум Верховного Совета Молдавской ССР.

В середине 1948 года, когда молдавская земля была вся в цвету, пришло постановление: отныне село Режена-Мария именовать Семеновкой в память о подвиге, совершенном сержантом И.М. Семеновым в боях за Советскую Родину.

Так молдавское село стало носить имя солдата-камышловца.

А. Пшеницын. (№ 180. 1972).

Осенью должны были демобилизироваться

Службу в Красной Армии я начал рано, в 1932 году я был воспитанником в 194-м стрелковом полку (Чупин Никанор Иванович

был старшиной), где окончил семь классов ФЗС и поступил в ФЗУ. В 1939 году был призван на действительную службу в железнодорожные войска на Дальний Восток.

Служить в дальневосточных войсках в то время было особенно почетно, и каждый призывник старался попасть на Дальний Восток.

Осенью 1941 года мы должны были демобилизоваться по домам и уже считали, сколько месяцев осталось. Но началась война, и нашу часть на второй же день погрузили в эшелоны и в июле мы уже были в Москве. Там на окружной станции наше вооружение — танки-огнеметы (так как мы готовились к войне с японскими самураями, в сопках, мы и были вооружены легкими танками), остались на платформах, а нас переправили в артиллерийские казармы города Подольска, перевооружили в пехоту, дали СВТ, немного подготовки, и в августе мы были в Бетлицах. Ельнинскому направлению тогда было уделено большое внимание, отсюда немцы рвались к Москве. Здесь получил первое боевое крещение при форсировании реки Десны. Два раза форсировали, но безуспешно. Несмотря на упорные продолжительные бои, пришлось отступить. А особенно неорганизованным частям и очень далеко до Лапасни (город Чехов), где они были переформированы и направлены в расположение Калининского фронта. В декабре 1941 года мы уже принимали участие в боях под Москвой. 2-3 января освобождали город Малоярославец. Здесь я был ранен в левую ногу осколком снаряда, но с поля боя не ушел, и только после того, как был контужен, отправлен в госпиталь. На лечение попал в г. Челябинск и по выздоровлении был приписан к Уральскому военному округу, где и продолжал служить.

В. Овчинников.

(Из личных воспоминаний).

Дороги военные

Стучат колеса: тук-тук-так, тук-тук-так. Стучат день, стучат два, а я все еду и еду, наконец, пересекаем Северный полярный круг. Не доезжая до Мурманска, поезд останавливается на станции Кандалакша. Схожу, поезд уходит дальше. Смотрю, не один. Таких, как я, молодых парней с заплечными мешками, человек 8-10. Знакомимся. Оказывается, все они тоже закончили вузы и приехали искать свою часть. И вот мы на территории 104-й стрелковой дивизии.

И началось. Ежедневно после завтрака берем лопаты, ломы, кирки и ну рыть траншеи, в которых должны быть проложены трубы. Это было бы, может, и не трудно, если бы земля нам подчинялась, но она была стылой как камень. На руках появились мозоли, потом волдыри, волдыри стали лопаться, вот тут мы и вспомнили «мать родную».

Да, это был второй вуз, но посложнее того, что я окончил. Физически слабым было, ой, как трудно. Даже представить себе невозможно. Как все это перенесли.

Но время шло. Вот уже и начались тренировки к первомайскому параду. В жизни много было первомаев, но этот запомнился навсегда. Может, еще и потому, что он был последним предвоенным праздником.

Это было воскресенье. День отдыха советских людей, день отдыха и для нас, солдат. Стояла прекрасная погода. Во многих районах Советского Союза я побывал после войны и, где бы ни спрашивал людей, все говорили, что 22 июня 1941 года был солнечным, безоблачным днем. Таким он запомнился людям на Урале, в Москве, Ленинграде, Прибалтике, на Кавказе, в Средней Азии и у нас в Заполярье.

Накануне наша рота стояла в наряде, я был часовым у железнодорожного склада в городе. И вот мы втроем, Павел, Володя и я, собрав свои сбережения, купили в магазине «чекушку» (250 граммов спирта). Как мы ее прятали и хранили до выходного! И вот он настал. После завтрака начался праздник на стадионе, гоняли мяч, проводились соревнования по бегу, прыжкам, упражнениям на брусьях, турнике. Мы быстренько освободились, забежали в столовую, выпросили у дежурных лука, хлеба, котелок каши, забрали свою «чекушку» и ушли к речушке. Нашли там местечко, «причастились», подзакусили, и началась у нас душевная беседа. Вспомнили своих жен, родных, студенческие времена — и так нам было хорошо! Но время бежало неумолимо, пришла пора возвращаться в лагерь. В казарму не пошли, а сели напротив и блаженно продолжали мечтать.

Но что это? Дежурные с повязками почему-то вдруг забежали бегом. Смотрим, связной нашего командира взвода побежал к нему на квартиру. Ну, думали, опять придумали какой-нибудь марш-бросок перед обедом. Посоветовались между собой, пошли в казарму, чтобы не опоздать на построение и не схлопотать наряды вне очереди. Поднимаемся на второй этаж. Красноармейцы стоят кучками, в казарме тишина. Дневальный говорит:

— Загляните в Ленинскую комнату. Там наш ротный плачет.

Я нагнулся к замочной скважине. Действительно, наш командир роты, волевой и энергичный орденосиц, участник финской войны, наш любимец старший лейтенант сидит на стуле и плачет. Слезы буквально текут у него по щекам. Видимо он уже знал о вероломном нападении фашистов на Советский Союз.

Вскоре возник стихийный митинг. Открыл его батальонный комиссар, сообщил о начале войны, о том, что фашисты бомбили Киев, Минск, Одессу, Брест и другие города, что наши ведут ожесточенные бои с превосходящими частями противника. Так было и на нашем Канделахском направлении, в 60 километрах от города, где против одной дивизии было брошено две дивизии финнов и одна немецкая. Митинг прошел бурно. Все мы были возмущены нападением фашистов, были уверены в их крахе, но и задумывались, ведь война — это смерть тысяч, десятков и сотен тысяч добрых людей, любимых друзей, хороших товарищей.

Не такой представлялась нам война. Не под музыку победных маршей начали мы свои первые бои. Нам указали, где рыть себе окопы: стрелковую ячейку на двух бойцов. Инструмент — штыковая лопата, кирка, а главное орудие — саперная лопатка. Но как рыть окоп, если находишься на каменистом склоне горы? Вот где пригодилась нам солдатская тренировка, все физические нагрузки, кроссы, лазанья по шестам и канатам.

Первый артиллерийский обстрел. Где-то вдалеке сверкнет огонек, послышится звук — жди гостинец. Он летит, и ты чувствуешь его приближение по нарастающему гулу. Если звук резкий — значит, летит в твой район. Забираешься поглубже, ближе прижимаешься к матушке-земле. Нас поражал своим хладнокровием командир батальона. Он не кланялся, как мы, снарядам, а стоял на наблюдательном пункте и был для нас маяком и примером героизма. Как будто говорил нам: «Что же вы, орлы, испугались. Ведь не каждый снаряд убивает. Не бойтесь, я с вами».

Итак, впереди наших больше нет. Мы — передний край. Нас предупредили: не спать, а слушать, слушать. В случае подачи сигнала — всем вперед, врукопашную на врага, который может высадиться на наш берег из лодок. Вот 6 часов утра, 8, 10, 11, туман все еще держится. Противник затих. В чем дело? Почему медлит? Мы были уверены, что отразим атаку врага и не пустим его на этот берег. Но, увы, враг схитрил. Немцы и финны обошли нас и вышли в тыл, то есть заняли единственную

дорогу, по которой мы двигались когда-то на Кандалакшу. Мы — в окружении.

В первые дни войны слово окружение наводило панику и страх. Оно означало плен или смерть. Много позднее к нему привыкли, научились ликвидировать это окружение. Вот и мы, оказавшись в окружении, пошли по болотам. Двигались по пояс в воде, но потеря наша рота не имела, за что наш командир и политрук были награждены. Мы вынесли на себе часть раненых, все оружие и боеприпасы.

Настал июль. Рота была направлена на предполагаемый опасный участок, где противник мог форсировать реку. Мы заняли оборону на высоком песчаном берегу. Туман рассеялся часам к 12. Около полудня видим на той стороне, метров за 800 от нашего берега появились три человека в черных комбинезонах с автоматами на груди — разведчики. Значит, думаем, скоро пойдут и основные части, начнут форсирование. Будет бой. Когда часть из них вошла в реку почти до середины, кто-то из наших бойцов не выдержал: сдали нервы, и без всякой команды выстрелил. Стали стрелять и остальные. После первых же выстрелов оттуда на русском языке закричали:

— Эй, в кого стреляете! Свои это...

Выходило, что наши наблюдатели не смогли определить, что это за люди. А это выходило из окружения наши пограничники, хотя бои на границе кончились месяц назад. Люди с таким трудом пробирались и вдруг угодили под пули своих же. Я лично видел, как несколько человек ушло под воду. Кто виноват в их гибели? Наблюдатели-разведчики, или тот, кто выстрелил первым? Об этом трудно было нам, рядовым бойцам, судить. Но так было. Свои били своих. На войне всякое бывало.

Осень и зиму мы стояли в обороне. Противник тоже не проявлял активности. В скором времени в моей фронтовой жизни произошли большие изменения. Меня перевели в химическую роту. У командования Советского Союза, видимо, были данные, что фашисты готовятся применить химическое оружие против советских войск. Поэтому по всем фронтам были созданы химические подразделения. Их главной задачей была тщательная разведка противника. Бойцов из нашего подразделения постоянно брали в общевойсковую разведку. В таких разведках приходилось бывать и мне.

Расскажу об одной из них.

Дело было весной. Снег кое-где подтаял. Но мы шли на лыжах. Двинулись 80 человек в глубокий тыл противника с задачей об-

следовать высоте километров за 30-35 от переднего края. Вооружение было у кого какое, но больше автоматическое. За трое-четыре суток похода никто из нас не обморожен, не заболел. Сопка была нами обследована, противник не обнаружен и мы, выполнив задание, повернули домой. Не дойдя до передовой километров 10-12, вдруг услышали автоматную очередь впереди себя. Сразу заняли круговую оборону, приготовились к стрельбе. Лежим в глубоком снегу, ждем, что будет дальше, откуда начнется бой. Время идет, а бой не начинается. С час лежали, а затем команда: «Шагом марш!», оказывается, дозорные, что шли впереди, подстрелили косулю.

А затем на нашем участке фронта произошел невероятный случай: противник ночью вырезал боевое охранение из 36 человек. Видимо подкрались к часовым, сняли их, а потом в землянках перерезали остальных и захватили этот клочок земли. Когда об этом узнало командование, решили возвратить эту землю обратно. Начался затяжной бой. Появились убитые и раненые. Сколько жизней нам стоил этот клочок земли!

Уже две недели шли бои, но результата никакого. Противник понастроил огневые точки, огрызался пулеметами, минометами и никак не могли его выбить. Вызвали нас в штаб, объявили: наше отделение из 12 человек должно получить со склада по 8 дымовых шашек на каждого бойца, продвинуться вперед накапливающихся войск, на рубеж атаки, и зажечь шашки, то есть ослепить противника. Открытое место. Противнику видно все. А нам, чтобы достичь рубежа атаки надо добраться целыми и боеспособными. Двигались по неглубокой траншее, прячась за «поленницу» из убитых красноармейцев метров 150-200. Это осталось у меня в памяти навсегда. Затем перешли мелкую речку, а там чистое поле. Это было мертвое поле.

С обеда до вечера лежали, почти не шевелясь. К вечеру стало холодать. Ведь был октябрь. Стало темнеть. Противник стал пускать осветительные ракеты, весить «фонари». Как такой «фонарь» погаснет, начинаем перелезть. Как только снова ракета, кто не успел упасть, на того сразу целый рой пуль и мин. Загорается ракета — падаю, погаснет — снова бегу. И вдруг, о, ужас! Я лежу в куче убитых наших. Свет погас, я скорее переполюз и свалился с берега. Каким чудом я спасся в этой «мясорубке», не знаю. Из 12 человек, вернулось нас только четверо.

*В. Кухтович. (№№ 33-43. 1995.
Печатается в сокращении).*

еления командиров – веления Родины

Хочу рассказать о боях в апреле 1943 года. Начались они 17 числа. Бои длились пять дней и пять ночей с небывалой ожесточенностью.

Против наших частей противник бросил свыше 20 тысяч активных штыков, шесть артполков, 12 артиллерийских дивизионов, 30 танков и 400 самолетов.

А у нас на Малой земле были 255-я Краснознаменная бригада морской пехоты, 165-я и 8 гвардейская, 51-я и 107-я стрелковые бригады, 176-я дивизия. Причем эти соединения очень малочисленные.

Запасы боеприпасов на Мисхако были крайне ограничены из-за трудностей доставки. Это я хорошо знаю, так как отвечал в легком артиллерийском полку Черноморской группы войск за снабжение.

Приказы командира для нас были всегда законом. Мы воспринимали их как приказы Родины. Вот и мне было приказано обеспечить подразделение боеприпасами и продовольствием, хотя как лейтенант-техник я должен был заниматься непосредственно вооружением. На корабле «Тракторист» в Геленджике мы погрузились и двинулись в район десанта Кунникова. Было это ночью. Авиация и артиллерия противника все время нас обстреливала. Пришвартоваться к берегу невозможно было. Выгружали весь припас в лодки, на другие переправочные средства и, ставя дымовые завесы, отстреливаясь, доставляли все на Малую землю. Не всегда это, однако, удавалось. Были случаи, когда мы с грузом и возвращались. Приходилось повторять морские переходы к Малой земле уже под авиационным прикрытием.

У наших войск не было условий для скрытого маневра. Весь клочок обороняемой земли составлял 5-6 километров, а по площади 30-35 квадратных километров. Правый фланг по местности открытый. У нас был единственный путь подвоза и эвакуации раненых — морской, но и его противник заминировал. С 17 по 23 апреля фашисты потопили три наших судна с продовольствием и боеприпасами, два транспорта вывели из строя артиллерийскими снарядами. Однако, в конце концов, все плюсы фашистского командования мы сумели свести к нулю. Сдерживая

бешеные атаки фашистов, наносили врагу большие потери в живой силе и технике. Расчет гитлеровского командования на его превосходство в численности и технике, на внезапность удара по узкому участку с тем, чтобы прорвать нашу оборону, окончательно провалился.

Образцом мужества и героизма, большой выносливостью были коммунисты и комсомольцы. Вот несколько примеров. На позиции батальона капитана Грязнова гитлеровцы четыре раза бросались в атаку, но еще на подступах к позициям батальона моряков вырастали горы вражеских трупов. 150 гитлеровцев оставили здесь свои головы.

На участок, обороняемый взводом лейтенанта Ларикова, ринулся целый батальон пехоты, 11 танков, однако еще до подхода к подступам взвода их заставили отойти. Каждая пара бойцов сожгла по танку. Помкомвзвода Драчев в одном из боев заменил бывшего командира. Бой уже длился 5 часов. За это время взвод успел отбить 4 атаки. В пятую контратаку Драчев поднял всех бойцов. Он и сам бесстрашно дрался с врагом. Штыком и прикладом уничтожил 15 гитлеровцев. Немцы в панике отступили.

С 17 по 24 апреля пулеметчик Озернов своим станкачом истребил до 90 фашистов и уничтожил 2 ручных пулемета. Героически сражались и наши женщины. В том числе и мать нашей Ожгихинской учительницы Соколовой. Они стойко переносили все тяготы фронтовой жизни, все делали для того, чтобы быстрее вернуть раненых бойцов в строй. Не раз им приходилось браться за автоматы, чтобы защитить пункты укрытия раненых.

255 дней и ночей защищали Малую землю. Нашим знаменем была строгая дисциплина и верность командирам, олицетворяющим Советскую власть на поле боя, верность военной присяге.

Г. Петухов. (№ 50. 1980).

Севастополе помнят уральца

Сегодня я взялся за перо. Никогда раньше не писал заметок. А вот сейчас не смог удержаться. Из музея героической обороны Севастополя я получил поздравление с 50-летием Великого Октября. Сколько воспоминаний оно вызвало. Так взволновало, что просто слов не нахожу.

Говорят, что о себе писать нескромно. Что один человек?! Но вместе мы, фронтови-

ки, были большой силой. В гигантской битве Великой Отечественной войны есть, пусть хоть и маленькая, крупица и моего ратного труда. В море крови, пролитой в боях нашими людьми, есть и моя кровь. Ведь у меня 5 ранений. Из них два тяжелых.

Я, простой 18-летний парнишка, ушел на фронт. Дорогами войны в дыму, в огне, в грохоте и крови прошел от Донбасса, через гнилой Сиваш, через Сапун-гору к Севастополю. Все знают, что пришлось пережить городу-герою, его защитникам и освободителям.

Сиваш, Севастопольские курганы, плавни, камни-валуны, пещеры и катакомбы! Сколько дней без пищи, на одной воде, а то и без нее сражались мы с полчищами гитлеровцев, сколько атак танков и пехоты противника пришлось отбивать. Бывали дни, когда по 11-20 атак отражали в этих местах. Мы, защитники Севастополя, никогда этого не забудем. Сколько молодых бойцов и командиров схоронили мы под прибрежными скалами. Разве такое выбросишь из памяти, из сердца.

Первые бои на Донбассе. За Горловку, Донецк и Мелитополь. Но для меня, разведчика, особенно памятным был октябрь, когда дивизия ускоренным маршем подтянулась к Ново-Николаевке...

Да, это был Сиваш. 30 число. Ветер дул в сторону Азовского моря, обнажая грязное, илистое дно залива. Ночь с 1 на 2 ноября. Ветер изменился. Это облегчало продвижение.

— Эх, братцы, что молчим, покурим, может, в последний раз, — дивизионная разведка, лихой народ, но и их пугал Сиваш. Он казался страшным, притаившимся перед последним прыжком зверем. Что нас ждало? Мины? Смерть в воде или вражеские пулеметы на том Крымском берегу?

— Отставить, братва! — оборвал комвзвода, разрешив, однако, покурить в рукав.

Вода по колено. Метр. До шеи. Выше...

Пять утра... Берег!

Тихо. Выжали одежду, помкомвзвода раздал по 150 грамм. Камышевка. В небе знакомый рокот — наши «Илы» шли на занятый фашистами, пока занятый, Перекоп. А в деревне нас не ждали. Даже местные не предполагали, что осенью части Красной Армии перейдут через Сиваш.

Год 1944. Позади Джанкой. Впереди Сапун-гора. Главный подступ к Севастополю. Но сначала были Черная речка и Сахарная головка, где во втором эшелоне дивизия приняла пополнение. Новые бойцы, новые командиры, новая учеба. Учились штурму укрепленных позиций в условиях горной местности.

7 мая. Мы, группа разведчиков, уходим

к самой Сапун-горе, чтобы в шесть утра ракетами возвестить о начале артподготовки и штурма. За освобождение Севастополя я был награжден орденом Славы 3-й степени.

После освобождения Крыма наша разведывательная рота прошла с боями по земле многострадальной братской Белоруссии, Польши, освобождала Литву и Латвию. Нас вела вперед ненависть к поработителям и великая любовь к Отчизне. Двумя орденами и двумя боевыми медалями и нагрудным знаком «Отличный разведчик» наградили меня. Тружусь я в пункте подмены локомотивов. Сердце радуется, когда смотришь, каким прекрасным стало наше Отечество.

И. Овчинников. (№ 183. 1967).

Родина щедро одарила меня

22 июня 1941 года я как раз закончил Камышловское педагогическое училище. Был последний день. Готовили выпускной вечер. И вдруг — война. Я был обучен оказывать первую медицинскую помощь раненым и потому видел войну особенно кровавой. Прошел путь от Ростова в частях Южного фронта при отступлении Красной Армии до Орджоникидзе. Понимаете, как тяжело теперь вспоминать это время! Непосредственно участвовал в боях в августе 1942, затем наступление. С 417-й Сивашской Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени СД дошел через Днепр до Прибалтики.

Каховка... Она лежала в этой войне на важном стратегическом пути: разбив немецкие войска на этом участке фронта, Красная Армия открывала себе дорогу в Крым, здесь же шло и форсирование Днепра.

Участие в переправе принимали не только солдаты, но и жители города в полном смысле от мала до велика. И если не поспевали к переправе табельные средства, необходимые для форсирования реки, то их заменяли лодки, бревна, тайно сохраненные от немцев (те при отступлении уничтожали все полностью), снятые с петель двери, ворота, наспех сделанные из бревен, бочек плоты. Яркой характеристикой подвига каховчан служат действия отца и сына Новицких, перевозивших на правый берег Днепра бойцов и вооружение. Девять раз переправляли они подразделение, захватившим плацдарм на правом берегу. Во время очередного рейса вражеский снаряд разорвался рядом с плотом.

И взметнувшийся столб воды на глазах у матери, помогавшей нашим бойцам, накрыл сына. Сам Василий Карпович за свой подвиг позднее был награжден орденом Красного Знамени. Примечателен и такой факт: в день освобождения Каховки, 2 мая 1943 года, старейший житель города Н.К. Морозов вручил командиру одного из стрелковых полков хлеб-соль со словами: «Возьми, сынок, пусть видят там, за Днепром, что жива Советская власть, жива легендарная Каховка!»

Сегодня в Каховке, где улица Орджоникидзе упирается в Днепр, стоит монумент «Скорбящая мать». У вечного огня стоитobelisk, воздвигнутый в память о 3285 бойцах Красной Армии, погибших при освобождении Каховки и форсировании Днепра.

Вспоминается бой под Никоподем. 20 декабря фашисты неожиданно для нас открыли контратакующий огонь. 70 человек, что остались от батальона майора Никифорова, героически погибшего здесь же через два дня, оборонялись на одном из центральных участков. На вооружении тогда у пулеметчиков были «максимы». Охлаждались «максимы» водой. Так вот. Шел горячий бой. Пулеметы давно уже перегрелись. Один из бойцов, желая, видимо, остудить пулемет, открыл крышку, вырвавшаяся оттуда струя пара обожгла лицо, глаза находившемуся рядом капитану Счастливому. В горячке боя, мгновенно потеряв способность ориентироваться, с обожженными глазами, Счастливый решил покончить с собой, лишь бы не попасть в лапы фашистов. Он выхватил пистолет, но в этот момент я случайно оказался рядом. Я вышиб у него из рук пистолет, стараясь говорить очень тихо, укрывая его в траншее от летящих градом вражеских пуль, успокоил, оказал первую медицинскую помощь и направил его в тыл. Считаю, что свой долг — воинский и профессиональный — я тогда выполнил до конца. Ведь самое главное, я сохранил ему жизнь.

... А капитан Счастливый и вправду оказался счастливый. Уже в Никополе он был снова ранен, и снова жизнь ему спасла медицинская сестра. Мы с ним встречались в Каховке на одной из встреч с однополчанами. Это была волнующая встреча!

Вспоминается мне и Севастополь. Знаменитая Сапун-гора. Ежегодно в День победы тут собираются жители города-героя, фронтовики, в 1944-м штурмовавшие Севастополь. Людно было и нынче на Сапун-горе. Люди шли поклонить колена у обелиска погибшим воинам. Фронтовики смахивали скорую слезу, вспоминали...

Там, где сейчас раскинулись виноградники, зеленеют озимые, в военные годы чернели воронки от бомб и снарядов. Дымящиеся развалины и... красавец-город у моря. Трудно соединить то и другое. Но так было. Родина позвала тогда мое поколение погасить страшное пожарище.

В окопе, вырытом поперек насыпи железной дороги, где она делает поворот, находился пункт командира батальона Морозова. Крепкие в нем были парни-моряки. У самого подножья Сапун-горы вел бойцов в атаку командир роты лейтенант Заболотский. Умело организуя бой, он в числе первых вошел с ротой в южную бухту. Как и лейтенант Ларин, что со взводом восемнадцатилетних автоматчиков лихо выбивал фашистов из укреплений. Заболотский получил звание Героя Советского Союза.

А вот та заветная площадка, откуда мы с комсоргом Омельченко развернули отбитую немецкую пушку и из нее выпустили в сторону врага добрый десяток снарядов.

Есть еще одно место. Тут 7 мая 1944 года в вечерних сумерках закрепились поредевшие ряды батальона. К ним пришла кухня и повозка с боеприпасами. Здесь попытались просочиться автоматчики противника, чтобы отрезать нас от своих. Находчивый комбат Морозов организовал связных, санитаров, поваров, телефонисток — заставил отступить фашистов.

Родные однополчане, моряки, пехотинцы! Где бы вы ни находились, знаю, как и мне, не забыть вам Севастополь. Много наград на ваших старых гимнастерках и бушлатах. А в дни праздников Советской Армии и Военно-Морского флота к ним прибавляется еще одна — радостная улыбка детей. Щедро одарила меня Родина, дав возможность еще раз прикоснуться к священной земле Севастополя.

М. Контеев. (№ 117. 1979).

Встретим Победу вместе!

Полковник в отставке Петр Александрович Лебедев семь лет назад приехал к нам, ракетчикам, прямо в поле, где проходил смотр готовности техники и вооружения к тактическим учениям с пусками боевых ракет на одном из полигонов нашего военного округа. Ветеран Великой Отечественной войны тогда дал нам напутствие. Ракеты точно поразили цель, мы получили высокую оценку от командующего войсками округа.

Мы оправдали наказ ветерана. В апреле 1997 года мы познакомились, и по сей день продолжается наша дружба, которой мы оба дорожим.

К сожалению, годы дают о себе знать — Петр Александрович по состоянию здоровья не может приехать, как это было ранее, на встречу к военнослужащим в Еланский гарнизон. Ежемесячно я стараюсь навестить ветерана.

Эти встречи всегда приятны.

Боевой путь этого человека отмечен многими государственными наградами.

— Мои сверстники, 1924-1925 годов рождения, — говорит он, — добровольно шли в армию, на фронт...

В 1942 году молодой Лебедев начал обучение в военно-пехотном училище в Перми. Жили в бараке из горбыля, спали на нарах, матрасы набивали соломой. Умывались на колонке зимой и летом. 120-130 человек обогревала одна печка.

— За год нас обучили тому, что требуется в бою, — вспоминает Петр Александрович, — и в 1943 году поезд повез нас на фронт. Мы, младшие лейтенанты, ехали с песнями, радостные. Боевой дух был высоким. Попал на 1-й Украинский, дошел до Чехословакии. С 14-15 января 1945 года участвовал в последнем бою, где был ранен (всего за войну три раза выходил из строя). Ранения в голову, в руку до сих пор напоминают о себе. Ноют раны, когда погода меняется.

Не стареет душой ветеран. Сколько бы раз я с ним не встречался, всякий раз убеждаюсь, что Петр Александрович всегда оптимист, никогда не унывает.

Даже тогда, когда он себя неважно чувствует, он пытается не подавать вида, улыбается, даже шутит.

Его всегда интересно слушать. Ему есть что рассказать.

Много сил и энергии Лебедев старается отдать молодым людям, стремится установить добрую связь между поколениями, воспитать любовь к родине у молодых людей, чувство патриотизма, быть небесполезным обществу.

Верю, что 23 февраля Петр Александрович наденет свой парадный китель, увесистый от орденов и медалей. А его боевая подруга Мария Григорьевна испечет к празднику сладкие пироги.

— Телефон в этот день не будет умолкать, ведь Лебедева в Камышловке знают, уважают и любят многие жители города, — отмечает М.И. Полуяктова, председатель совета ветеранов. — В этом году ветеран Лебедев отметил свое восьмидесятилетие.

Как-то раз Петр Александрович мне от-

кровенно сознался о своей мечте. А мечтает он дожить до 60-летия Победы в Великой Отечественной войне:

— Вот встретим юбилей, а потом и умереть не жалко!

Хочу через нашу «Областную газету» поздравить Петра Александровича с Днем защитников Отечества и пожелать ветерану, чтобы сбылась его заветная мечта. Верю: встретим Победу вместе!

М. Сергеев.

(«Областная газета»,
20 февраля 2004 г.).

УЧИТЬСЯ — ВСЕГДА ПРИГОДИТСЯ

Сейчас мне 73 года. А в Великую Отечественную было за 40. Возраст для солдата не молодой. Пришлось в свое время участвовать в гражданской войне. Вроде стреляным бойцом был, а вот надо было в 1943 году учиться воевать заново. В перерывах между боями, в минуты затишья командиры проводили занятия, собрания, где разбирали недостатки в действиях на огневой позиции.

И я чувствовал: учеба нужна, особенно для тех, кто прибыл с пополнением. Да и для других тоже. Бывало ведь, что некоторые солдаты не выдерживали танковых атак противника и гибли под гусеницами. Тут нервы крепкие надо иметь. Вот и учили нас этому. Выкопал окоп полного профиля, а потом наши же танки начнут его «утюжить». Привыкай боец к такой обстановке. Своего танка не боишься — и перед вражеским не дрогнешь.

Кое-кто ворчал: зачем эта учеба? Завтра, может, снарядом прихлопнет, и ничего не нужно будет. Таким «храбрецам» доставалось от своего же брата-солдата. Умение воевать особенно пригодились в решающие дни Орловско-Курской битвы. Не буду хвалиться, но скажу, что здесь мне присвоили звание «Отечественный связист».

После освобождения орла дошел я со своей частью до станции Сарна, что под Гомелем. Там меня ранило. Долго лечился в госпиталиях.

Я что хочу сказать своим рассказом об учебе? Учиться — всегда пригодится, учиться никогда не поздно — не зря в народе бытуют эти поговорки. Ведь на каждом этапе истории — свои задачи, и решать их надо умеючи.

Вы помните, товарищи, мои боевые сверстники, камышловцы, декабрь 1941 года?

Холодная, морозная ночь. Поскрипывая, медленно останавливается поезд. И в тишине ночной послышалась команда: «Выходи строиться!»

Невдалеке от путей виднелись обгорелые остовы дома. Это все, что осталось от станции. Дальше путь разрушен. Весь боеприпас и оружие мы выгрузили на свои спины. Начался тяжелый поход. На рассвете достигли Волжского водохранилища. Короткий привал, и снова в путь. К следующему рассвету вышли на исходный рубеж, откуда было намечено наступать на деревню Большое Хвошево, где засели немцы. Я был самым старшим из солдат и самым бывалым. Но многим камышловцам еще предстояло испытать первое боевое крещение.

Наш пулеметный расчет придали вместе со всей ротой первому эшелону. Двигались левым флангом по чистому полю, вспаханному под зябь. Ноги вязли, пулемет опрокидывался. Противник обстреливал нас из минометов, а потом открыл ружейно-пулеметный огонь. Правый фланг нес большие потери. Два танка, поставленные у северной окраины села, не давали продвигаться. Пришлось команде подрывников по-пластунски подбаться к танкам и забросать их гранатами. Огонь ослабел. А тем временем на левом фланге ударил пулемет. Гитлеровцы установили его на колокольне церкви вровень с высотой, но которой мы находились. До колокольни не более трехсот метров. Цель хорошо просматривалась. Изготовился я для ведения огня с упора, лежа. Скоро вражеский пулемет замолчал.

Тотчас же по косоугору прокатилось мощное «Ура!». Наши стрелки побежали вперед. Этот бой за село Большое Хвошево мне, как и многим участвовавшим в нем камышловцам, вспоминается как день нашего боевого крещения, где на практике мы проверили полученные во время учебы знания.

Вспоминается мне и еще один случай. Было это опять же в декабре 1941 года. К утру 4 числа пришли мы к каналу «Москва». Здесь были размещены по квартирам в одном из поселков. Нашему отделению, точнее пулеметному расчету, досталась квартира, еще не покинутая хозяевами. Было в ней очень тепло, пахло свежее испеченным хлебом. Хозяин дома, заметив наши взгляды на булki, сказал, что сейчас распорядится наварить картошки, да побольше. Пока варился обед, мы познакомились с хозяином поближе. Он оказался участником первой мировой войны, георгиевским кавалером трех степеней и членом партии с 1918 года. Рассказывая о себе, он сказал, что в ту войну немцев бивали и

сейчас дадим от Москвы немцам крутой поворот. Сам он был зачислен в полки ополчения. Вскоре сварилась картошка «в мундире», и когда чугунок с нею был поставлен на стол, хозяйка принесла ведро соленых огурцов. Тогда мы так вкусно и плотно наелись, что до сих пор вспоминается. Наблюдая за нами, хозяин обратил внимание на наши каски. Взяв одну из них и постучав по ней пальцем, он сказал:

— Звон-то хорош, да пользы от них будет мало, потому что покрашены они в темно-зеленый цвет и будут на снегу демаскировать вас.

Он посоветовал нам выбелить каски. Далее продемонстрировал: положил на снег выбеленную каску и рядом две темно-зеленых, и мы не могли определить издали, с какой стороны стоит белая каска, так она слилась со снегом. Предложение было принято. Заодно с касками мы побелили и корпус нашего пулемета «максим». А еще хозяин посоветовал нам на исходном рубеже, перед тем, как идти в атаку, повалиться в снег для маскировки. Впоследствии эти уроки бывшего солдата многим из нас спасли жизнь.

В конце апреля 1943 года нашу «бродячую» дивизию (так ее в то время называли немцы) перевели с фронта из-под Старой Руссы в город Ефремов, а затем включили в состав 48-й армии в районе Малоархангельска. Это было уже началом подготовки наших войск к ожесточенным боям на Орловско-Курской дуге. Но и гитлеровцы тоже готовились. В районе городов Орел и Белгород начали создавать крупные военные группировки, основная цель которых — отрезать наши войска, находившиеся на Курском выступе, и окружить их.

Подготовка началась со строительства оборонительных рубежей. В это время я и мои товарищи рыли окопы, укрепляли их, тщательно готовили оружие. Нелегко все это давалось. Особенно тяжело было бойцам в пожилом возрасте, испытывавшим тяготы еще гражданской войны, да и тем, кто уже имел ранения.

Несмотря на тяготы и лишения, советские войска выдержали все испытания. Мы не только остановили врага, но и успешно стали продвигаться вперед. Наша дивизия после освобождения Орла освободила города Карачев, Новль, Трубочевск, Новозыбков, Коростень и к 1944 году достигла узловой станции Сарны, где я получил тяжелую контузию и был отправлен в тыл.

Я. Панов.

(№№ 76, 1969, 73 и 106. 1973.

Печатается в сокращении).

Три ордена Константина Спиридонова

— Пусть презрение и народная кара постигнут меня, если я отступлю в бою и нарушу воинскую присягу, — повторял за командиром семнадцатилетний доброволец Красной Армии Константин Спиридонов.

И голос его сливался тогда с голосами других воинов, его сверстников и пожилых людей, шедших на войну в 1942 году.

А лето было жаркое. Июль благоухал разноцветьем трав в поле. Только не привлекала юношу эта красота. Он как бы мимоходом прощался с прелестью родных галкинских полей. Кто его знает, может быть, навсегда. Но Константин Спиридонов был настроен оптимистично, он и не думал о смерти.

Даже когда его ранило под Сталинградом, и его направляли в госпиталь, молодой артиллерист сказал: «Ерунда! Залатают дырки врачи скоро... все равно приеду добивать гадов-фашистов... сполна расплачусь».

И в июле 1943 года Константин Спиридонов снова на фронте под Ельцом. Артиллерист-наводчик 122-миллиметровой пушки в составе 125-го артиллерийского полка пошел в наступление на врага. Расплатился с врагами за свои раны, за поруганную русскую землю, за смерть товарищей.

Позднее, когда он участвовал в прорыве вражеской обороны у деревни Галенки, под Мало-Архангельском, в районе Курска, его, к тому времени уже старшину батареи, Константина Павловича Спиридонова позвали в штаб полка:

— Вы, старшина Спиридонов, награждаетесь орденом Боевого Красного Знамени, — сказал командир полка, — храбро воевали.

— Что вы, товарищ полковник! — смущенно ответил старшина, — храбро воевали все, не я один.

— И другим награды есть, — опять сказал полковник, — вы видели, сколько вражеских танков подбито под Галенками? Эта ваша работа, чистая, точная. Спасибо вам, старшина.

Возвратился к себе в батарею Спиридонов с орденом на груди. Артиллеристы стали его поздравлять с наградой, подхватили на руки, начали качать. Поздравляли еще и с новой пушкой, которую дали расчету в отсутствие старшины.

Так была отмечена первая годовщина

отважного сражения против гитлеровских захватчиков под Орлом. Тогда Константин Павлович и в Коммунистическую партию вступил.

Вторую награду — орден Красной Звезды — старшина получил за освобождение польского города Познань. А уж третьим орденом Боевого Красного Знамени фронтовика наградили за штурм Берлина. Крепко бил фашистов, не одну сотню снарядов выпустила его батарея и та самая пушка, что была получена за прорыв под Курском, по логову врага — рейхстагу.

— На стенах его и расписывался не карандашом или углем, а боевыми броневыми снарядами, — смеется ветеран войны Спиридонов.

На груди бывшего старшины много еще и боевых медалей. А в шкатулке хранятся грамоты Верховного Главнокомандования и документы, подтверждающие награждение орденами и медалями.

Теперь у Константина Павловича другой фронт — трудовой.

— Меня иногда спрашивают о наградах. Дело не в наградах, а в том, что мы, советские воины, отстаивали независимость и не только своей Родины, а и освободили еще 120 миллионов население Европы от фашистского ига, от коричневой чумы.

В. Каргаполов. (№ 104. 1972).

Он сражался за Керчь

Осенью 1943 года упорные бои развернулись за город Керчь — теперь город-герой. В сильный шторм, преодолев 30-километровую минированную полосу моря под непрерывным артиллерийским огнем, бойцы успешно высадились на Крымском берегу в районе поселка Эльтиген близ Керчи.

В этих боях участвовало много и уральцев. Один из них Василий Шевелёв, двадцатилетний призывник из деревни Чикуновой Камышловского района. У меня есть письмо от бывшего радиста Павла Васильевича Говорова, который высаживался с первым десантом в поселке Эльтиген вместе с Василием Шевелевым.

«Десант с моря в поселок был осуществлен 1 ноября 1943 года. Он отвлек на себя значительные силы противника, — вспоминает П.В. Говоров, — И мы с Васей Шевелёвым участвовали в захвате знаменитой в Керчи горы Митридат».

И далее в письме радист Говоров пишет: «В январе 1941 года мы ехали от Свердловска до Новороссийска вместе с Василием Шевелевым на службу в ряды Красной Армии, вместе с ним проходили курс молодого бойца, вместе с ним обучались военной специальности радиотелеграфиста. А потом уже в начале ноября 1943 года нас отправили в Эльтигенский десант. Я со своим постом высаживался на одном катере, а Вася — на другом. При высадке наш пост корректировщиков сохранился полностью и выполнил всю возложенную на нас задачу. А личный состав поста корректировщиков, в котором был Василий Шевелев, погиб. Остался в живых только он. Через 7-8 дней на него набрели наши разведчики и привели к нам...»

Радисты держали связь с Большой землей — это в самых трудных условиях, когда у небольших отрядов не хватало оружия, терялась связь между командными пунктами, а радисты помогали налаживать жизненно необходимую для десантников связь с командованием.

«У меня в это время, — говорится далее в письме, — вышла из строя радиостанция, и Вася сказал, что его исправна. Тогда он со старшиной нашего поста Ткаченко и вторым радистом Сухомлиновым отправились за его радиостанцией. На обратном пути, под неослабным вражеским обстрелом, не доходя метров пятидесяти до нашего расположения, они попали под беглый артобстрел. И тут Васю смертельно ранило, а радиостанцию доставили мне, и я с ней проработал до конца действия десанта, то есть до 5 декабря 1943 года, поддерживая непрерывную связь с артиллерией северной группы Черноморского флота...»

Вот так они, молодые воины сороковых годов, бились с врагом. Так и Василий Шевелёв, бывший чикуновский колхозник, себя в бою не пожалел, а Родину сберег.

«Васю Шевелева мы схоронили в поселке Эльтиген, южнее школы, на кургане, возле моря. Это метрах в 350-400 от монумента в Эльтигене...»

О самом Павле Говорове я узнал в Керченском музее. Там его личное дело. За боевые заслуги перед родиной П.В. Говоров был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды и многими боевыми медалями.

В том деле кратко упоминается и имя камышловца Василия Шевелёва. Я разыскал Васильевича. Он по моей просьбе прислал письмо, в котором рассказал о В. Шевелёве.

«У него, как я помню, — сказано в кон-

це письма, — были мать и сестра, которые проживали там же» (то есть в Чикуновой).

Товарищ Василия, П.В. Говоров, живет на станции Тамань Темрюкского района Краснодарского края, там, откуда с первым десантом отправился на Керчь. Местечко Тамань — и есть начало его боевой юности. Это и начало боевой службы нашего земляка Василия Шевелёва.

В. Каргаполов. (№ 192. 1980).

ИХ ПОДВИГИ НИКОГДА НЕ ПОМЕРКНУТ

Прошло 20 лет с тех пор, когда Гитлеровская Германия по-разбойничьи напала на Советский Союз. Но живы и никогда не померкнут в памяти эпизоды кровопролитных боев, и никогда не забудет наш народ подвиг советских воинов, их непрерываемое ратное мужество.

Мне вспоминается боевой путь бывшей 375-й стрелковой дивизии, в составе которой героически сражались многие камышловцы. Начав свой боевой путь со взятия городов Калинин, Старицы, дивизия успешно развивала наступление. Ее силу и мощь испытывали на своей шкуре немецкие захватчики и потому прозвали «дикой». Да и что иное могли говорить фашистские выродки, если они несли огромные потери в живой силе и технике, оставляя один за другим населенные пункты, объявляя это «выравниванием фронта».

Сравнительно за непродолжительное время наша дивизия прошла с боями более 200 километров, освободила от оккупантов 253 населенных пункта, в том числе ряд опорных и сильно укрепленных.

В ходе боев она истребила 18 700 немецких солдат и офицеров, взяла в плен 98 фашистов, разгромила штабы пехотной дивизии и двух артиллерийских полков. Ее бойцы уничтожили и разрушили 125 блиндажей, подавили 359 пулеметных точек, одну тяжелую батарею, 68 минометных батарей, разбила 23 миномета, подбила, уничтожила и захватила 37 вражеских танков, разгромила 21 наблюдательный пункт противника, разбила 60 автомашин, 102 повозки, груженные военным имуществом. Зенитная батарея сбила 4-х вражеских бомбардировщиков. Были захвачены трофеи: два полковых знамени, четыре средних танка, 15 танкеток, 85 орудий, 334 ручных пулемета, много авиабомб и другого военного имущества.

Развевая миф о непобедимости немецко-фашистских войск, дивизия, как и другие советские войска, по всем правилам военной науки громила гитлеровцев на различных участках фронта, а в боях за овладение городом Харьковом приказом Главнокомандующего Советского Союза от 23 августа 1943 года была удостоена звания Харьковской.

Разве можно забыть мужество и отвагу уральцев, в том числе и камышловцев, таких, как бывший секретарь райкома комсомола, политрук роты Василий Лоскутов, например. Он бесстрашно водил бойцов в атаку, своим примером увлекая их на ратные подвиги. Он первым появлялся там, создавалась угрожающая обстановка, где решалась судьба выполнения приказа командования. Василий в одном из боев пал смертью храбрых, он навсегда останется в нашей памяти героем.

От метких пуль и снарядов воинов, бывших железнодорожников Михаила Копосова, Петра Горланова, нашли себе могилу на русской земле многие гитлеровские ублюдки. Ореолом славы покрыли себя Степан Люшкин, Терентий Сушинцев, Иван Наймушин,

Николай Соколов и многие, многие другие.

Вот только один из многочисленных эпизодов беспримерного мужества наших земляков.

На левом фланге дивизии полк майора Парамошкина, преодолев проволочное заграждение, атаковал Ячнев Колодезь. Они первыми ворвались в траншею фашистов и завязали рукопашный бой во главе с парторгом батальона Петром Сергеевичем Горлановым. Выбив врага из траншеи, группа камышловца Горланова на плечах отступающих немцев ворвалась в Ячнев Колодезь и, очищая дом за домом, шла вперед. За этот подвиг многие воины этой группы были награждены, а Петр Сергеевич Горланов получил орден Отечественной войны.

Так в борьбе со злейшим врагом советского народа и свободолюбивых народов всего мира — гитлеровскими захватчиками — камышловцы вписали немало замечательных, боевых страниц в историю Великой Отечественной войны.

С. Бекарев. (№ 72. 1961).

Победители: они сражались за Родину

НАУМОВ Александр Иванович, 1926 г. Член КПСС, капитан, курсант. Дальневосточный фр. 1945 г. Л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Японией», юбилейные.

НЕУСТРОЕВ Антон Николаевич, 1903 г. Ст. лейтенант, ком. стр. роты. 2-й, 3-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. 1 т. ранение, 1 л. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

НЕХАЕВ Георгий Александрович, 1918 г. Член КПСС, майор т/с, техник авиационный. Западный, 1-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Отечественной войны II ст., орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За безупречную службу I ст.», «За победу над Германией», юбилейные.

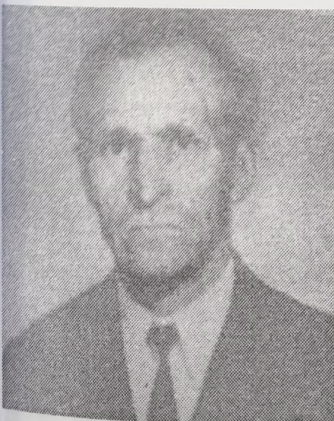
НИЗОВЦЕВ Алексей Антонович, 1925 г. Член КПСС, лейтенант, ком. огневого взвода. 1-й Прибалтийский, 1-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Отечественной войны I и II ст., медали «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

НИФОНТОВ Леонид Алексеевич, 1915 г. Член КПСС, майор, адъютант командира батальона. Западный, Брянский, 2-й Прибалтийский фр. 1941-1944 гг. 2 л. ранения, 1 т. ранение. Награды: два ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», юбилейные.

НОХРИН Олег Иванович, 1920 г. Член КПСС, ст. лейтенант, секретарь комсомольской организации дивизиона СУ. 1-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

ОБЛАСОВ Филимон Феокистович, 1918 г. Рядовой ж/д путей. Центральный, 1-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Знак Почета, медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За доблестный труд», юбилейные.

ОВЧАРЕНКО Екатерина Яковлевна, 1924 г. Сержант, телефонистка. Карельский фр. 1943-1944 гг. Награды: медали «За оборону Заполярья», «За победу над Германией», юбилейные.

ОВЧИННИКОВ Иван Егорович, 1925 г. Сержант, ком. отделения разведки дивизии. 4-й Украинский, 1-й Прибалтийский фр. 1943-1945 гг. 2 т. ранения, 3 л. ранения. Награды: орден Красной Звезды, орден Славы III ст., медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

Победители:

они сражались за Родину

ОЖИГАНОВ Иван Александрович, 1905 г. Член КПСС, капитан, зам. ком. батальона по полит. части. Брянский, 2-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

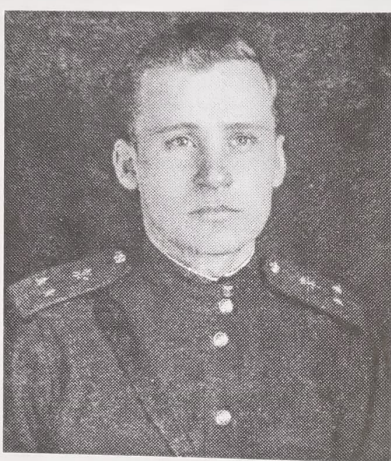
ОЖИГАНОВ Иван Петрович, 1910 г. Подполковник, ком. автобатальона. 1-й Украинский фр. 1943 г. Награды: два ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

ОРЛОВА Клавдия Алексеевна, 1920 г. Член КПСС, мл. лейтенант, нач. военно-морской почты. Северо-Западный, 1-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За трудовую доблесть», юбилейные.

ОСАДЧИЙ Борис Иванович, 1912 г. Ст. лейтенант и/с, пом. нач. финчасти дивизии. Ленинградский, Волховский, 1-й Прибалтийский фр. 1941-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ОСКОЛКОВ Александр Иванович, 1915 г. Член КПСС, лейтенант, ком. взвода связи. 2-й Дальневосточный фр. 1945 г. Награды: медали «За победу над Японией», юбилейные.

ОСОВСКАЯ Анна Филипповна, 1924 г. Мл. лейтенант, ст. медсестра. 4-й Украинский фр. 1945 г. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ОШИВАЛОВ Георгий Владимирович, 1903 г. Член КПСС, ст. лейтенант, авто-техник дивизиона. 1-й Дальневосточный фр. 1945 г. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Японией», юбилейные.

ОШИВАЛОВ Павел Дмитриевич, 1920 г. Лейтенант, ком. стр. взвода. 2-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ОШУРКОВ Анатолий Иванович, 1926 г. Рядовой, стрелок-автоматчик. 3-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. Т. ранение. Награды: орден Славы III ст., медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

Во многих городах Европы, куда Красная Армия принесла освобождение от фашистского ига, стоят памятники воинам-освободителям. Как символ самой Победы, символ мужества и гуманизма — наш солдат с немецкой девочкой на руках навеки застыл в самом центре Берлина в Трептов-парке. К сожалению, сегодня и этот факт некоторые политики и историки пытаются представить по-иному. А вот эти воспоминания простых солдат — очевидцев и участников тех событий, наших с вами земляков — дают возможность ярко представить себе, как это было на самом деле...

*Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша,
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша,
В Болгарии русский солдат.*

*А сердцу, по-прежнему, горько,
По-прежнему, горько,
А сердцу, по-прежнему, горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Его гимнастерка,
Из камня его гимнастерка
Из камня его сапоги.*

*Немало под страшною ношей,
Под страшною ношей,
Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот Алеша,
Алеша, Алеша,
Но то, что вот этот Алеша,
Известно Болгарии всей...*

ЗЫ, скрепленные кровью

В трудные военные годы я служил в парашютно-десантных войсках. Хорошая боевая выучка, высокая дисциплина и сознательность десантников сыграли свою роль при разгроме танковых дивизий фашистов под Будапештом, у озера Балатон, при взятии Вены, в ходе боев за освобождение Чехословакии.

2 мая 1945 года мы переправились через Дунай, вышли к чехословацко-австрийской границе и устремились на север к Праге. Освобождали города Ловнице, Веселы, Табор, Собеслав и другие.

Много лет прошло с тех пор. Забываются названия городов, населенных пунктов, имена солдат. Но чехословацкое приветствие «Наздар» звучит в ушах, как только что услышанное. Этим приветствием советских солдат встречали в каждой освобожденной деревне, в каждом городе. Вдоль улиц, по которым проходили наши войска, сплошным коридором стояли люди. Их радостные лица, вытянутые в приветствии руки, и несмолкаемое: «Наздар, наздар! — неизгладимы в памяти. Каждый из встречающих старался пожать руку, или коснуться гимнастерки нашего солдата. Мы, сидевшие на броне танков и в кузовах автомашин, пропыленные, усталые, в такие минуты забывали о тяготах войны. Были цветы и улыбки, поцелуи и слезы радости. Площади в городах, как правило, запружены ликующим народом. Играют оркестры. А чехи все спешили угостить вареньем, компотом из свежих фруктов, вином.

Можно представить злобство фашистских вояк при этом ликовании. Оставшиеся эсэсовцы даже свирепствовали. Помню, в одном из городов наше подразделение вступило на площадь. Народу собралось — яблоку негде упасть. И в этот момент с двух сторон из колоколен церковей ударили пулеметы засевших там немецких солдат. Благодаря отважным действиям наших стрелков, гитлеровцы были уничтожены. Но сколько сердец перестало биться в те минуты от руки коварного врага.

Население и партизаны активно содействовали наступательным операциям наших войск. Был такой случай. В полном боевом порядке подходим к населенному пункту. Навстречу на нескольких грузовиках чешские партизаны с автоматами и повязками на рукавах. Еще до подхода наших частей они ос-

вободили поселок. Они помогали нам разыскивать укрывшихся гитлеровцев, конвоировать военнопленных, охранять места их сосредоточения. Надо было видеть, с какой ненавистью чехи и словаки относились к фашистским захватчикам, пытавшимся в период оккупации отнять у них свободу, лишить человеческого достоинства.

9 мая 1945 года мир праздновал победу над «коричневой чумой», а наши части продолжали вести боевые действия против солдат фюрера, не признававших поражения. Содействие населения в боевых операциях спасло в эти дни жизнь многих наших людей. Были среди них уральцы, мои земляки: Володя Санников и Саша Дерябин из Талицкого района, Володя Воробьев из Верхотурья и другие.

Первые дни после победы мы находились временно в Чехословакии. С местными жителями установились теплые, дружеские отношения. Вечером к нам приходила молодежь. Вместе пели песни, танцевали. Чувствовалась крепкая дружба людей, совместно проливших кровь в борьбе с общим врагом.

Позднее нам, принимавшим участие в освобождении Чехословакии, было особенно приятно сознавать, что ратный труд не пропал даром. Освобожденный народ в 1948 году взял власть в свои руки. События недавнего времени показали: контрреволюции не свернуть чехословацкий народ с избранного пути. Этот факт хорошо показывает верность чехов и словаков интернациональному долгу, их любовь к русскому народу.

Н. Шарков. (№ 28. 1971).

Спасли святыню

С самого Сандомирского плацдарма и до Одера прошел я с боями в составе 273-й стрелковой дивизии. До нашей победы было, как говорится, уже рукой подать. И надо же было так случиться, что разрозненные группы фашистов прорвались с тыла и с фронта. Мы заняли круговую оборону. И, конечно, отбили атаки. А полки дивизии уже ушли вперед километров на 70 вверх по Одеру. Знаменщики же оказались в нашем подразделении и отстали.

Еще шла схватка. Командир потребовал: знамя дивизии во что бы то ни стало вынести из боя. Старшина обмотал полотнище вокруг тела. И как только стемнело, двинулись вперед. Мне и еще нескольким бойцам

было приказано охранять знаменосца. «Сам погибай, а знамя спасай! — сказали нам, — поклонитесь!» И мы поклонились. Пришлось второй раз форсировать Одер. Догнали полки дивизии. Комдив внес старшину на руках в штаб, расцеловал его. Всем нам генерал пожал руки. В скором времени всех участников операции наградили. Меня — орденом Славы 3-й степени.

Б. Кузнецов. (№ 74. 1978).

Трое суток броска

Шли последние дни войны. Войска Советской Армии вели битву за Берлин.

28-й самоходно-артиллерийский полк 2-й Польской армии, в которой я служил командиром САУ-85 (самоходная артиллерийская установка), поддерживая 19-ю танковую бригаду и стрелковые части, вел тяжелый бой в районе Бауцена.

И вдруг поздно вечером 5 мая мы получили новую задачу: форсированным маршем через Судетские Альпы выйти на государственную границу Чехословакии с Германией и далее следовать в Прагу для оказания помощи восставшим жителям чехословацкой столицы.

Трое суток этого великого броска на выручку восставшим никогда не изгладятся в памяти участников. Только небольшие привалы для заправки горючим да уточнения маршрута. Без сна и отдыха, уничтожая очаги сопротивления или обходя их, шли войска. Подбит наш бронетранспортер, ранен командир взвода разведки старший лейтенант Ермаков. Получила повреждение САУ-85. Экипажи сняты, пересажены на другие машины, подбитая техника брошена, марш продолжается.

7 мая вышли на границу Чехословакии. В первом же селе жители с великой радостью встретили своих освободителей. Цветы, музыка, возгласы радости. Небольшая остановка, и опять вперед.

На подступах к Праге наша колонна влилась в единый поток танков, следовавший из-под Берлина. В ночь с 8 на 9 мая мы вошли в столицу. В городе шли жесткие бои восставших пражан с немецко-фашистскими войсками. Появление наших танковых частей и соединений придало столько сил восставшим, что к утру 9 мая город практически был очищен от немецких войск.

...Мне в составе делегации довелось побывать в Чехословакии. В центре города на огромном пьедестале установлен советский

танк, первым ворвавшийся в столицу. Мемориальная доска, клумбы любовно ухоженных цветов. А главное — люди. О подвиге Советской Армии знают не только представители старшего поколения, но и молодежь.

А. Гришанов. (№ 31. 1978).

На окраине Будапешта

Для бывшего фронтовика гвардии лейтенанта В.А. Морозова война началась в сентябре 1941 года под Москвой на Волоколамском шоссе. Воевал в составе 48-го Гвардейского Ясского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого минометного полка, который прошел с боями до Австрии.

Боевые годы никогда не исчезнут в памяти парторга минометного дивизиона. А особенно вот этот.

В город Пешт мы пришли под вечер. Заняли оборону. Командир дивизиона гвардии капитан Свердлов приказал мне занять четырехэтажный дом у самой опушки леса. Выделил 20 бойцов и 1 боевую машину. Мы расположились на втором этаже, ждем немцев. Все внимание на соседние здания, так как именно отсюда, были уверены, пойдет враг. Ночь провели в напряжении, без сна. Прямо скажу, жаждали боя. Видели, знали: скоро конец войне, и хотелось скорее приблизить этот конец.

Но и фашист к тому времени будто еще больше озверел. Зубами вгрызлся в каждую пядь земли, каждый бугорок. Чужая земля, близок финиш. И вот под утро, чуть рассвело, немцы пошли на занятый нами дом.

— Без команды не стрелять! — отдал я приказ по цепочке.

Вот они приближаются, уже и немецкую речь слышно. Тридцать, двадцать метров разделяют нас.

Огонь! — и на врага обрушивается смертельный шквал. Они вынуждены были залечь. Скоро, наверняка, начнется новая атака, а у нас, как на грех, заглох станковый пулемет. Я бросился туда. Первый номер был легко ранен. Сделал бойцу перевязку.

Собравшись с силами, враг снова пошел в атаку. В свисте пуль, грохоте взрывов я еле слышал крик: «Патроны на исходе!»

Да, нелегко вести бой с превосходящими силами противника. Они посылают одну группу за другой, а нас — горстка.

— Командир орудия, ко мне! — приказал я, — вот что, — говорю, — сейчас мы нач-

нем сильный шум, а ты успевай пробиться к миномету. Откроешь огонь прямой наводкой по тому скоплению врагов, видишь?

— Так точно!

Наши бойцы подняли стрельбу из пулеметов и автоматов. В это время Ткачук пробрался к замаскированной «катюше». Грянул залп. Хотя и привыкли немцы к огню гвардейских минометов, но все равно их охватывал смертельный страх, когда снаряд, с воем расчеркивая в дымном воздухе сверкающую дугу, летел к цели. Прошло еще с полчаса, и фашисты не выдержали, подняли белый флаг. 250 солдат сдались тогда в плен.

В этот же день немцы предприняли против нас еще одну атаку. Однако старинный пештский дом стоял, как крепость. А вот наша минометная батарея еще раз сослужила добрую службу. Известно, на городских улицах этот вид оружия применять несподручно. Но когда фашисты полезли к штабу дивизиона, тут мы снова одним залпом отбросили их назад, а здание, где они скрывались, превратили в пыль.

...В наш штаб пришли трое венгров и заявили, что под мостом, в водосточной трубе, скрывается подозрительный человек. По словам венгров, это переодетый немецкий генерал. Скрывавшегося в трубе мы без труда захватили и доставили к своим. Личность действительно подозрительная: мужчина в женской одежде, в шляпе и с зонтиком в руках. Документы были при нем, и мы удостоверились, что это был немецкий генерал.

Упорно сопротивлялись фашисты, цеплялись за каждый дом, улицу. Но что было их упорство в сравнении с боевым духом наших солдат, которые даже во сне видели победу и стремились к ней ежечасно, ежеминутно!

В ходе этой операции было взято в плен более 6 тысяч фашистских солдат и офицеров. А сотни наших бойцов проявили образцы героизма. Многие были награждены орденами и медалями, получили благодарности Верховного Главнокомандующего. Я за участие в освобождении Будапешта награжден орденом Красной Звезды. Это была моя седьмая боевая награда.

В. Морозов. (№ 9. 1978).

Огонь на себя

Всю жизнь, как говорится, с машины не слезаю. До войны был шофером в Булдаковском колхозе «Коминтерн». На фронт призвали 27 июня 1941 года. Ездил поначалу на машине, обеспечивающей связь. Катушки с проводом доставлял.

Потом назначили меня водителем на ГВУ — громкоговорящую установку. Ездил нас несколько человек, в том числе один немец. Помню, звали его Готфрид Хамахер. Мы звали его Готфридом Петровичем — отец его был Петер. Служил Хамахер в гитлеровской авиации стрелком-радиом. Когда его самолет сбили, он попал в плен и согласился работать на нас. Долго к нему присматривались, проверяли, прежде чем пустить его в эфир. Однажды, в очень тяжелых для нас обстоятельствах, он оказался один в повозке с агитационными листовками. Мог скрыться, перейти к своим, но не сделал этого. Не верил Хамахер в победу фашистов.

И вот первое его выступление перед немецкими окопами. Ночь. Затишье. Слышны лишь редкие выстрелы. Наша машина остановилась у переднего края. В кабине шофер, то есть я, а в самом фургоне диктор Хамахер. Диктор, старший лейтенант Федоров, включает немецкие пластинки. На той стороне фронта тишина. Потом диктор объявляет:

— Немецкие солдаты! К вам сейчас обратится бывший стрелок-радиот Готфрид Хамахер.

И тот начинает говорить о том, что победы немцам не добиться. Дошли, мол, до Сталинграда и застряли. Призывал своих собратьев бросить оружие, сдаваться в плен. Говорит, что с пленными русские обращаются по-человечески. Рассказывал даже, что получал пайку. Это было немаловажной деталью. Немцы-то знали, как у них содержатся русские военнопленные, как над ними издеваются. Редко когда Готфриду удавалось произнести свою речь полностью. Как только звуки нашей ГВУ доносились до офицерских блиндажей, там сразу давали команду обстреливать машину. И тут начиналось: фашисты открывали ураганный огонь.

Использовали нашу машину еще для одной хитрости. На одном из участков вдруг раздавался скрежет танковых гусениц, рев моторов. Но это были не настоящие танки, а только запись их голосов, а сами танки продвигались совсем в другом месте.

Зато и доставалось нашей машине! Чудом ускользали из-под шквала огня. Ведь немцы думали, что бомбят советские танки, и снарядов не жалели.

Много опасных моментов было на войне. Однажды подорвались на mine. И только благодаря тому, что я вел машину на первой скорости, все остались живы. Долгое время ездил с нами еще чех, фамилии его не помню, а звали его Юлик. Он хорошо знал немецкий язык. Помогал диктору вести передачи.

А вообще экипаж ГВУ был интернацио-

нальный. Начальник машины — Н.К. Савченко, украинец, я — русский, коренной уралец, ездил с нами еще и латыш. Жили мы одной дружной семьей. Делили пополам радость и горе. Знали: в каждом ночном рейсе можно кого-то недосчитать. Ведь, по сути дела, мы вызывали на себя огонь немецких минометов.

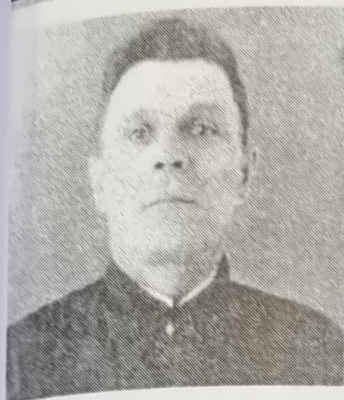
Радовались, что работа наша была не впустую. И под Сталинградом, и потом немцы, в том числе и благодаря нам, сдавались в плен в большом количестве. Я дошел до

Штеттина — немецкого города на Одере. Там меня ранило. Я попал в госпиталь и не знал, что по представлению командования нашей 65-й армии меня наградили орденом Красной Звезды. Награду получал уже после войны.

Да, а Готфрид Петрович ездил с нами до самой победы, потом его оставили бургомистром в Штеттине. Перековался человек совершенно. А началась эта перековка под Сталинградом.

Ф. Булдаков. (№ 19. 1973).

Победители: они сражались за Родину

ПАДЕРИН Сергей Игнатьевич, 1912 г. Ст. лейтенант, опреуполномоченный стр. дивизии. Северо-Западный фр. 1941-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

ПАНФИЛОВ Василий Дмитриевич, 1922 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. танковой роты. Сталинградский, Брянский, 1-й Белорусский фр. 1942-1943 гг. I т. ранение. Награды: орден Отечественной войны, медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ПАНЬКОВ Павел Иванович, 1901 г. Член КПСС, ст. инженер-лейтенант, нач. учетного отдела ШТАРМА. Калининский, 2-й Украинский фр. 1941-1943 гг. Награды: медаль «За победу над Германией».

ПАРФЁНОВ Анатолий Матвеевич, 1919 г. Член КПСС, капитан, ст. авиадвигатель. Северо-Западный, Южный фр. 1941-1942 гг. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ПАРФЁНОВ Виктор Матвеевич, 1922 г. Член КПСС, ст. лейтенант, авиадвигатель. Западный, 3-й Белорусский, Забайкальский фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные.

ПЕРЕВАЛОВ Александр Иванович, 1920 г. Член КПСС, капитан, ком. метеорологического взвода. Дальневосточный фр. 1945 г. Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Японией», юбилейные.

САРАПУЛЬЦЕВ Василий Александрович, 1917 г. Капитан медслужбы, ст. врач полка. Центральный фр. 1942-1943 гг. I т. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

СБОЕВ Михаил Васильевич, 1922 г. Член КПСС, майор, мастер авиастроения. Северный флот. 1942-1945 гг. Награды: орден Знак Почета, медали «За отвагу», «За оборону Северного Заполярья», «За доблестный труд», «За победу над Германией», юбилейные.

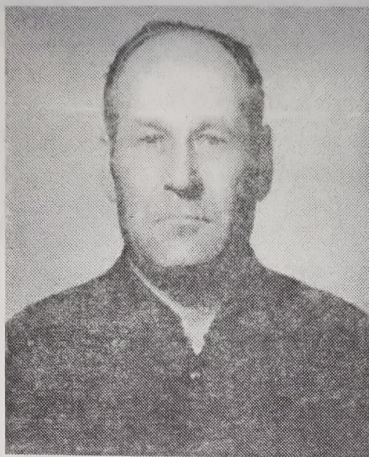
СВЕШНИКОВ Иван Степанович, 1922 г. Капитан, нач. разведки дивизии. Западный, Центральный, Брянский, 1-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», юбилейные.

Победители:

они сражались за Родину

СВИРИДОВ Владимир Ульянович, 1920 г. лейтенант, нач. медслужбы полка. Карельский фр. 1941-1944 гг. 1 т. ранение, 1 л. ранение, контузия. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

СЕМЁНОВ Виктор Иванович, 1925 г. рядовой, шофер. Карельский фр. 1942-1945 гг. Награды: медали «За оборону Заполярья», «За победу над Германией», юбилейные.

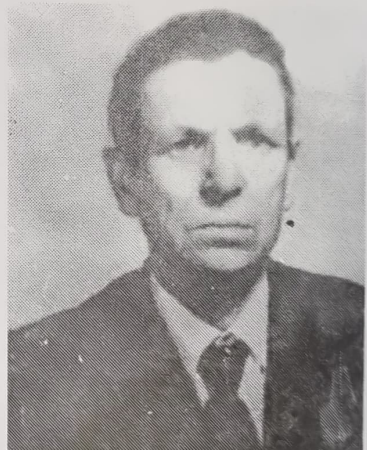
СЕМЁНОВ Дмитрий Алексеевич, 1916 г. ст. сержант, старший колонны. Калининский, 2-й Прибалтийский фр. 1941-1945 гг. 2 л. ранения. Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

СЕМИСЫНОВ Данил Петрович, 1893 г. член КПСС, майор медслужбы, нач. санслужбы минометного полка. Калининский фр. 1941-1942 гг. Л. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией», «За доблестный труд», юбилейные.

СИЗЯКИН Александр Васильевич, 1905 г. член КПСС, капитан, пом. нач. госпиталя по мат. обеспечению. Закавказский, Волховский, 4-й и 3-й Украинский фр. Т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

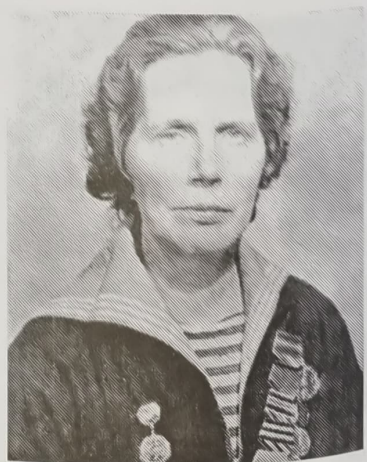
СИМКОВ Сергей Андреевич, 1915 г. лейтенант, ком. стр. роты. Северный фр. 1941-1945 гг. Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

СИРИН Алексей Степанович, 1918 г. старшина арт. батареи. Западный, 3-й Белорусский, 1-й Прибалтийский, 4-й Украинский фр. 1942-1944 гг. 2 л. ранения. Награды: две медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

СИТНИКОВ Яков Васильевич, 1923 г. машинист бронепоезда. Ленинградский фр. 1942-1945 гг. Награды: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

СИТНИКОВА Тамара Григорьевна, 1923 г. ст. матрос, командор. Балтийский флот. 1942-1945 гг. Награды: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

Всё для фронта, всё для победы

14

глава

Под этим девизом жили тогда вместе со всей страной
и камышловцы. И пусть не свистели над нашим городом
снаряды, не рвались бомбы, но здесь тоже был фронт.
Трудовой фронт, на который пришли добровольцами старики,
женщины, дети. Победу ковали все: кто на колхозном поле,
от зари до зари, а кто у станка без сна и отдыха.
Одна беда на всех и одна вера – вера в Победу.

*Глубокий тыл. Как звезды, яркие
Огни уральской стороны,
И вся в лучах электросварки,
Прозрачна ночь и без луны.*

*Всю ночь, разбрасывая блики,
Гудит без умолку станок,
И стружка цепче повилики,
Сама свивается в клубок.*

*А тут усталости не внемля,
Крепятся все – и стар, и мал,
И поворачивает время
Лицом к рассвету весь Урал.*

*Сверкают новенькие пушки,
Спеша на гулкий полигон,
И я, щекой прижав к подушке,
Услышу выстрелы сквозь сон.*

Медаль

До небольшой деревни Баранниковой докатилось эхо войны. Почти из каждого дома мужчины уходили на фронт. Отец Липы, Иван Дмитриевич, работал на кожевенном заводе в Камышлове. В первые дни вторжения гитлеровских полчищ на советскую землю Иван Дмитриевич прощался со своей семьей. Липа, восьмилетняя девочка, не могла понять, что творится в доме. Крепко вцепившись ручонками в лавку, она не шла к отцу. Девочка была напугана плачем матери, при- молкшими братьями.

Потом в избе стало как-то пусто. Много дней подряд не появлялся отец, не затевал в комнате шумных игр. Стало голодно. Зачастую не бывало хлеба. Старшие братья пошли работать. Уж и не видела Липа, когда мать ест. Нальет Евгения Степановна каждому по тарелке жидкого супа, а сама жалостливо смотрит, как пятеро ребят уплетают за обе щеки.

В 1942 году поступила Липа в 1-й класс. Все летние каникулы она работала в колхозе. Полола картофель, сгребала сено.

Как-то зашел домой раненый солдат Чикунов, он до войны работал с отцом на кожзаводе. Долго о чем-то разговаривал с матерью. Евгения Степановна вдруг заголосила во весь голос. Дети узнали, что под Сталинградом погиб отец. Мать поникла, сразу постарела.

После 3-го класса Липу поставили подпаском к телятнице Марфе Семеновне Петровой. С раннего утра и до позднего вечера находилась девочка возле телят. Пасла их, загоняла на ферме в клетки, подносила корма, взвешивала. Научилась даже лечить своих питомцев взболтанными яйцами. Много всяких премудростей узнала Липа по уходу за телятами.

Приглянулась она Марфе Семеновне, и та на следующий год снова пригласила ее в подпаски, а на второе лето она уже заменяла телятницу, когда та уходила на сенокос. Всю работу выполняла сама и обучила этому свою подружку Боровягину Тамару. Все чаще Липу стали ставить в пример иным даже взрослым. Мать не могла нарадоваться.

Как-то, после победы, пришло Липе персональное приглашение на колхозное собрание. Надела она братьев черный пиджак, на ноги туфли — подарок рабочих кожзавода и направилась в правление. Нашла неприметное место в битком наполненной комнате, притаилась и слушала выступления взрослых. Говорили о том, что колхозники приблизили своим трудом День победы. Потом стали вы-

зывать всеми уважаемых тружеников и торжественно вручать им медали. Липа поднялась на цыпочки. Чтобы лучше рассмотреть происходящее. Работник райисполкома Никифор Игнатьевич Дюрягин, полный мужчина в клетчатой рубашке, неожиданно громко, как показалось девочке, назвал:

— Липа Ивановна Михайлова!

Липа испуганно оглянулась на соседей, сердчишко сильно застучало.

— Тебя, тебя, Липа, вызывают!

Пошла, а ноги не слушаются. Подошла к столу, а голова чуть-чуть из-за него видна. Зачитал Николай Игнатьевич Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Липы медалью «За доблестный труд», пожал маленькую ладошку и сказал:

— Победить фашистскую Германию помогали нам и дети. Все мы, взрослые, говорим тебе: «Большое спасибо», — и приколот медаль на лацкан пиджака 11-летней девочки.

Л. Алексеева. (№ 58. 1967).

Довесок

Вспомнился мне далекий 1943 год. Встретила я в поликлинике подругу детства Лену. В первую минуту не узнала ее, так она изменилась: исхудавшее лицо, глубокая морщина прорезала лоб. Нет, это не прежняя Леночка-хохотушка.

А, кажется, совсем недавно шили с ней кукол из лоскутков, учили буквы. Встрече обе были рады, давно не виделись.

— Ты куда? — спросила она.

— Домой, вот зуб удалили.

— Зуб? А я вот вчера упала у станка. Говорят, упадок сил, в голове — карусель. Пойдем ко мне. Это почти рядом.

Я согласилась. Жила она у тети с десятилетним братишкой. Когда вошли в дом, я сразу увидела ее брата. Он сидел, опустив голову. На столе перед ним лежал кирпичик хлеба, полученный по карточкам паек для семьи. Как будто квадратик шершавой, темно-коричневой коры отпилили. Но как дорог тогда был этот квадратный кусочек! Лена подошла к брату, шутливо приподняв его за вихор, заглянула ему в глаза:

— Что это ты, Колюшка, грустишь?

Тетя отозвалась с кухни:

— Вот сегодня обычный довесок к булке не дошел до дома.

— Как не дошел?

Коля посмотрел каким-то затравленным взглядом, в глазах его сверкнули слезы, и он сказал:

— Я съел его дорогой. Я очень хотел есть.

Лена взорвалась:

— Что!? Как ты смел!? Вон, в Ленинграде, на аптечных весах развешивают хлеб! Трудно всем! А ты!

Коля уже шмыгал носом, размазывая слезы кулаком. Тяжело было смотреть на мальчика. Я заспешила обратно.

— погоди, — сказала Лена, — я провожу тебя.

Дорогой я ее упрекнула: «Зачем ты так строго с ним? Ведь он еще ребенок».

— А как же быть? Спасибо сказать? Я и сама понимаю: он растет. Но нельзя думать только о себе. Слушай, как же те женщины, у которых четверо-пятеро детей и мужья погибли?

Мы обе замолчали. Тяжело было на душе. Уже после войны я узнала, что Лена умерла от сахарного диабета, оставив четырех детей. Это тоже отголосок войны. Мне довелось видеть ленинградцев после блокады. Паровоз медленно подтянул состав к вокзалу. Из вагонов вышли люди. Нет, человеческие тени. Трудно определить их возраст. Тяжело шаркая ногами, бредет женщина, в руках у нее кофточка ярко-голубого цвета, предлагает: «Возьмите, дайте кусочек хлеба».

Их родные, близкие, друзья навечно остались в Ленинграде, на Пискаревском кладбище. Они умерли мучительной голодной смертью. Часть прибывших увозят, чтобы разместить в городе, в деревнях, других уносят на носилках, отвозят в больницу, госпиталь. Остальные едут дальше.

Помнит старшее поколение, каким тяжелым физическим трудом доставался хлеб. К нему относились уважительно, подбирая каждое зернышко, каждую крошку. Да, нам об этом, пережитом, забывать нельзя. Великое счастье, что наши дети и внуки не знают, что такое голод.

А. Бугрова. (№ 181. 1986).

Как начиналась биография

Я, шестнадцатилетний паренек, в один из дней августа шел в свою первую в жизни поездку с тяжело нагруженным ящиком, или «шарманкой», как называли с давних пор эту необходимую поездникам принадлежность. Шел с чувством высокого достоинства, как настоящий кочегар паровоза, да не какого-нибудь, а самого мощного в то время магист-

рального паровоза серии ФД, что означает «Феликс Дзержинский».

Я был тогда всего лишь учащимся железнодорожного училища из группы помощников машинистов паровоза, которая начала свою производственную практику. Забегая вперед, скажу, что только в декабре 1942 года выпустили нас из училища после полуторогодичного обучения с правами помощника паровозного машиниста. А пока я кочегар (и то противореча всем правилам, существующим на транспорте), поскольку только по достижении 18-летнего возраста можно было работать на паровозе, но шла война, и приходилось отступать от правил.

На пути к «брехаловке» — так тогда в деповском народе называлось помещение, куда собирались паровозные бригады, на железнодорожных путях станции, я обратил внимание на паровоз с ярко-красной звездой впереди, номер которого был 2958. Разве мог я тогда подумать, что это и есть моя судьба, мое трудовое крещение.

И вот я в здании, робко огляделся, и поставил свой ящик рядом с настоящими «шарманками». Подошел к окошку, где находился дежурный по депо и нарядчик паровозных бригад.

— Чего тебе, мальчик? — спросила женщина, сидящая за столом.

— Меня вызвали в поездку, — с достоинством ответил я.

— Как фамилия?

— Липкин.

— Возьми этот маршрут, — снова сказала женщина, которая была нарядчиком, — сейчас подойдет машинист с помощником, и ты пойдешь с ними на паровоз 2958.

— А я знаю, где паровоз, — с готовностью ответил я и, схватив «шарманку», размахивая маршрутным листом, выскочил на улицу, и чуть не бегом помчался в сторону, где видел свой локомотив.

Подхожу. И что же? На месте паровоза нет. Стоит точно такой же, но без звезды и с другим номером. Что делать? В растерянности, со слезами на глазах стою и гляжу на усамого железнодорожника с молотком в руках, которым он выстукивал замысловатые трели по бандажам колес.

— Ты кого потерял, парень? — спросил веселый стукач и участливо посмотрел мне в глаза.

— Паровоз я свой не могу найти.

— Какой номер-то его?

— 2958, он со звездой впереди.

— А, да он только что уголь набрал, твой звездоносец. Ищи его во-он там, около песочницы, — и показал мне рукой в сторону,

где стояло много паровозов, — да спеши, чтобы без тебя дальше не ускользнули, а то совсем заревешь, итак уж слезки-то на колесках.

Запахавшись, подбегаю к паровозу. Помощник машиниста Яша Матвиенко, увидев меня и догадавшись, кто я такой, закричал в окно паровоза с явным украинским акцентом:

— Иван, ты посмотри, какое чудо нам дали! Геркулес! Что мы с тобой делать-то будем, дитя мое? — обратился он уже ко мне, — и где ты затерялся? Ведь нам сказали, что кочегар давно на паровозе.

Со ступенек будки паровоза спустился машинист. Лицо добродушное, вроде с улыбкой, что меня несколько успокоило. Взяв у меня маршрут, он мельком взглянул на него.

— Липкин? Уж не Ивана ли Петровича?

— Его, — утвердительно сказал я

— Значит Иванович? А звать-то как?

— Василий.

— Так вот, Василий Иванович, это — помощник машиниста Яков Матвиенко. Он тебе все покажет и расскажет. Яша, — обратился он к помощнику, — возьми шефство над Василием Ивановичем.

И с тех пор с легкой руки Ивана Афана-сьевича Мурина, так звали машиниста, сначала в шутку, а затем уж и по привычке я, совсем зеленый еще малец, стал зваться полным именем.

Яша Матвиенко подробно рассказал мне мои обязанности в пути во время движения поезда.

— Главное, — внушал он, — чтобы всегда был уголек в лотке и в стокерном корыте. Топка, она брат, прожорлива. Чуть прозеваешь, не будет ей пищи — давление пара сразу в котле упадет, поезд может остановиться, а это уже брак в работе: срыв графика движения поездов. А мы сейчас должны работать особенно четко и слаженно. Сам понимаешь, время такое. Да и поезд у нас вроде не простой, что-то на платформах под брезентом покоится, — и он многозначительно посмотрел на меня.

Главный предупредил, что поезд наш особый, везем груз для фронта, а потому пойдем до Богдановича напроход. В Свердловск мы приехали поздно ночью. Доехали без особых происшествий, если не считать, что на перегоне Гагарский-Косулино в тендере я сел на уголь, уснул и чуть не провалился вместе с углем в стокерное корыто. Я не сказал об этом машинисту и помощнику, но сам так испугался, когда нога почти коснулась крутящегося винта. Весь сон как рукой сняло. Я быстро заполнил корыто и выскочил в будку.

— Ты что там, уснул, что ли? — спросил

Яша, увидев мой испуганный вид.

— Да так, вздремнул немного, — сознался я.

В Свердловске снова полная экипировка, дремать некогда, а спать так хочется, ведь у меня первая бессонная ночь. Дали всего четыре часа отдыха. А надо еще зайти в столовую. Помыться уже нет ни времени, ни желания. Лишь бы немного поспать. Зашли мы в комнатку бригадного дома, где стояли черные от грязи топчаны, я не лег, а буквально упал на один из них, и сразу сон одолел меня.

На обратный путь нас подцепили к порожнему составу. Порожняки в то время пропускали хорошо. Надо было начинать готовить паровоз к сдаче. Яша посоветовал мне начать с трудоемкой работы — с чистки «брюха» котла паровоза. Чтобы выдраить его, надо было залезть на раму паровоза и в тесноте, в неудобной позе соскребать грязь, мазут и протирать железо до блеска.

Только я сяду, чтобы отдохнуть, сон опять одолевает меня. Яша Матвиенко шутил:

— Если уснешь, за это время тебе не заплатят деньги, вычтут из получки. Учти, не за сон деньги платят, а только за работу.

Поэтому я старался всегда бодрствовать. На станции Пышминской, перед Камышловом, мы почти полностью подготовили паровоз к сдаче сменной бригаде. Звезда и колеса блестели ярко-красным цветом, медь арматуры в будке отражала блики заходящего солнца, в Камышлов прибыли около 11 часов вечера. Сменная бригада ждала нас на станции.

Так закончилась моя первая поездка, в которой я узнал много нового, ранее не известного и испытал первые настоящие трудности.

В. Липкин. (№ 35. 1985).

И сердце песню радости поет

Дочь любила петь, и перед ней открылись широкие перспективы: ее приглашали в большие хоры, в театр. Но мать не допускала мысли, что Лида пойдет по такому пути.

— Нечего на сцене прыгать, кто тебя там не видал? — сердито говорила она.

А девчонка не могла жить без песни. Уже в 12-летнем возрасте участвовала в детской оперетте, которую ставил преподаватель пения П.П. Бучельников. Называлась она «Советская репка». Тоненькая, хрупкая Лида исполняла роль крестьянина. С бородой, усами, она была неузнаваемой, но зрители — ре-

бятя железнодорожной школы, не сомневались, что это их однокашница: только у Лиды был такой звонкий и сильный голос.

...Мать настояла на своем. После окончания семи классов Лида поступила в Свердловский строительный техникум. Учиться музыке не смогла, но ведь петь-то никто не запретит! И девушка пела. В хоре, соло. И всегда удивляла слушателей необыкновенной чистотой, красивым тембром голоса и глубиной проникновения в содержание исполняемой вещи, музыкальностью.

Где бы ни жила Лидия, везде участвовала в самодеятельности. Сцена была ее второй работой. Выйдя замуж за старшего лейтенанта Иванюка, она с головой окунулась в самодеятельность. И не только пела: ее можно было видеть на занятиях танцевального и драматического кружков, вместе с другими активистами работала по ликвидации неграмотности.

Запомнился Лидии Ивановне 1936 год. Это был год приятных неожиданностей, год счастья. Начался он тем, что самодеятельная певица участвовала в заключительном смотре в Свердловске и завоевала первую премию — золотой кулон. Второе событие — участие во Всесоюзном совещании жен командного состава. Уральский военный округ подготовил к этому совещанию подарок: на шелковом полотно была вышивка, отражающая только что принятую Конституцию СССР. Отдельные подарки сделаны для И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова — малахитовая шкатулка для трубки и шелковая дорожная пижама.

— День этот я никогда не забуду, — вспоминает Лидия Ивановна, — подарки товарищам И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову поручили преподнести мне. Я не чувствовала под собой ног, когда шла в Президиум. Как подойду к Сталину? Что скажу? Поднялась на сцену. Ищу глазами, смотрю, стоит в сторонке, курит. Подошла к нему и сказала: «Иосиф Виссарионович, разрешите от Уральского военного округа вручить Вам подарок и передать от женщин, что они все Вас любят». «Спасибо», — ответил Сталин.

С еще большей энергией взялась за общественную работу Лидия Ивановна, вернувшись из Москвы. Веселое, кипучее было время. Казалось, ничто и никто не в состоянии омрачить счастливую жизнь.

Но наступил июнь 1941 года. Дмитрий Иванюк, лейтенант Красной Армии, с первым эшелоном уехал на фронт, а Лидия Ивановна вернулась к родителям в Камышлов, стала работать в детском саду.

Кто сказал, что надо бросить песни
на войне?

После боя сердце просит

музыки вдвойне.

И она пела. Пела, когда горло сжимали слезы, а голос дрожал от горя. В составе концертной бригады Свердловска Л.И. Иванюк в 1944 году ездила на фронт. За полгода артисты побывали в Прибалтике, Восточной Пруссии, Силезии. Выступали в землянках, на открытых площадках, в окопах, порой заканчивая концерт под грохот начавшейся бомбежки.

Больше всего Лидия Ивановна любила песню «В землянке» К. Листова. И бойцы, послушав ее, просили исполнять еще и еще. Бывало, трижды, четырежды пела эту песню на протяжении одного концерта. Она понимала тоску солдат по родному дому, по своим любимым. А песня вселяла веру в победу, в то, что дома бойца ждут и любят.

Лирично, проникновенно исполняла певица популярные в те годы песни: «Уралочка», «Синий платочек».

Пришлось даже с частушками выступать. Один куплет остался в памяти:

Генерал немецкий выступил

с докладом:

Армия готова для любой войны.

Пушек нам не надо, и танков

нам не надо,

Были бы в запасе чистые штаны.

Пропоеет Лидия Ивановна ее — и землянка сотрясается от хохота. Верно подмечено: здорово в 44-м году нужны были фашисту эти штаны.

Однажды бригада заехала в освобожденный Минск. Город был разрушен до основания. Артисты-уральцы выступали перед советскими солдатами и населением на сцене, сколоченной из грубых досок. После концерта во времянку, где жили Лидия Ивановна с подругами, пришел старичок. Говорит:

— Погибли у меня, доченька, четыре сына на войне. Очень вчера ты хорошо пела. Душу растревожила. Возьми-ка вот гостинец, — и подает мешок с яблоками.

Много людского горя видела Лидия Ивановна. Убитых и покалеченных бойцов, слезы вдов и матерей. Не минула сия чаша и ее. Летом 1943 года пришло извещение о гибели ее мужа. Сколько слез выплакала молодая женщина, знает только она одна. В маленькой дочке находила она утешение, да еще в песне. Кажется, еще глубже, проникновенней стало мастерство Лидии Ивановны.

Примадонна. Певица, исполняющая первые партии в опере или оперетте. Но нашу Лидию Ивановну Иванюк тоже можно было с полным основанием назвать примадонной. Ее чистое, красивое сопрано звучало на го-

родских и сельских сценах, у фронтовой полосы и в госпиталях, на представительных областных смотрах, ее светлый талант радовал и вдохновлял. Камышловцам 40-х и даже 60-х годов не надо было объяснять, кто такая Лидия Ивановна. Это имя знали все любители самодеятельного искусства. В ее исполнении песни советских композиторов, русские народные, романсы Чайковского, Даргомыжского, Гурилева, выходную арию Марицы из оперетты Кальмана слушали с замиранием сердца.

3. Сысюк. (№ 49. 1975).

Вблизи фронта

Самоотверженно и бесстрашно трудились на дорогах вблизи фронта наши славные железнодорожники.

В 1942 году меня назначили заместителем начальника станции Крестцы Ленинградской области. Через станцию шло снабжение Северо-западного фронта и частично Ленинградского. Работа шла большая и опасная. Объем выгрузок все время нарастал. Дело в том, что в районе Старой Руссы, Лычково была окружена 16-я немецкая армия. День и ночь требовались огнеприпасы. Командование гитлеровских войск постоянно стремилось сорвать работу станции нашего плеча и особенно Крестцы.

На протяжении двух месяцев фашистские стервятники ежедневно бомбили ее. Трудно сейчас себе представить, сколько требовалось мужества и находчивости, чтобы организовать в таких условиях бесперебойную доставку к линии фронта боеприпасов и продовольствия.

В марте меня назначили начальником станции. Вместе с моими помощниками мы, недосыпая сутками, налаживали продвижение эшелонов, спасали от пожаров вагоны.

Не могу без глубокого уважения не называть дежурного по станции, земляка нашего Степана Безбородова со станции Аксариха, Ивана Семенова из Кокшаровой и других. Это были самоотверженные люди. Не раз с риском для жизни они организовывали вывод поездов из опасных положений.

Бесстрашно вели военные составы камышловские машинисты Александр Черданцев, Иван Поторочин, Василий Чупраков. Они помогали быстро расставить вагоны под погрузку и быстро выводить их на маршруты. Маневровые паровозы не раз разбивало во время бомбежек. Многие помощники маши-

нистов, работавшие на них, погибли, пытались вывести локомотивы из-под огня.

М. Мартыанов. (№ 96. 1970).

В суровые военные годы

В годы Великой Отечественной войны к нам в Камышлов эвакуировался ленинградский фарфоровый завод «Пролетарий», прибыло оборудование, приехали рабочие. При нашем заводе открыли цех № 16. В нем довелось трудиться и нам. Работали по 12 часов, не зная усталости, не считаясь со временем, не жалея себя. Все силы отдавали труду.

Мы знали, что наша продукция нужна Родине, нужна для победы над врагом, для военной промышленности. После работы, утомленные, шли на выгрузку вагонов с песком, углем, каолином, глиной. Сырье для нашего завода было привозное, механизации не было, все делалось вручную. И вот женщины и совсем молоденькие девушки, несмотря на то, что были полуголодные, почти босые и раздетые, в зимнюю стужу шли на тяжелую работу. Мы понимали, что фронту нужно помогать, что фронт без тыла не победит.

В нашем цехе № 16 со мной вместе работали ленинградские женщины Яковлева Манефа Александровна, Нечаева Зинаида Александровна, Зелих Мария Азэфовна, Зырянова Анна Михайловна, Каверзнева Александра Александровна, Тупицына Ольга Ефимовна и Суворова Анна.

Все мы свято выполняли свой долг.

В. Шалаева. (№ 30. 1975).

Фронтные задания

В нашей комсомольско-молодежной бригаде были одни девчата: Нина и Маша Галлиулины, Зина Дедюхина, Аня Новикова, Валя Лошкарева и другие. Старше 20 лет среди нас не было ни одной. Но мы знали: без продукции, которую выпускает наш 4-й цех, не может обойтись военная техника.

Сегодняшняя молодежь не представляет себе, насколько трудно приходилось нам. Завод оборудовали в дни войны. Наш цех представлял собой одну большую комнату, в которой находились все переделы. Даже вентиляции, какая положена, не было. В воздухе

летала пыль от сухой эмалировки, электрические печи дышали жаром...

А нам, молодым, поесть досыта было нечего. Картошки и той было мало.

Смена продолжалась двенадцать часов. Нас, девчат, обычно назначали работать в ночь. Кончишь смену — домой сразу не уйдешь. Бежит, бывало, по цеху Нюра Иванова, кричит: «Девочки, девочки, не расходитесь. На погрузку пойдете!»

И мы, усталые, разгружаем вагоны с углем, дровами, грузим готовую продукцию.

...В январе 1943 года, когда шла великая битва под Сталинградом, наша бригада получила фронтовое задание. Мы старались выполнить его быстрее и лучше. Домой не уходили сутками. Прикорнешь в уголке на лавке

— и снова на работу. А когда выполнение задания подходило к концу, наша рабочая смена продолжалась 27 часов.

...Потом нас собрали на митинг. Мы узнали о том, что ненавистных фашистов отогнали от волжской твердыни... Нашу бригаду наградили почетной грамотой...

Фронтовые задания мы получали много раз и всегда выполняли их с честью. У каждой из нас на фронте сражался кто-то из самых дорогих, не было семьи, чтобы за войну не понесла утраты. Но мы не падали духом, и в самое тяжелое время работали с песнями, шутками.

Мы верили в победу, стремились приблизить ее.

Г. Миронова. (№ 72. 1970).

Победители: они сражались за Родину

СКОРИНА Мария Сергеевна, 1925 г. Рядовая, радист. 1-й Белорусский, 1-й Забайкальский фр. 1943-1945 гг. Контузия. Награды: медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные.

СМИРНОВ Павел Павлович, 1897 г. Член КПСС, подполковник, нач. госпиталя г. Камышлова. 1941-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медаль «За доблестный труд».

СМИРНОВ Геннадий Тихонович, 1908 г. Майор, ком. стр. роты. Западный, Калининский, Сталинградский, 2-й Украинский фр. 1941-1945 гг. 2 л. ранения. Награды: орден Красной Звезды, медали «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

СОБОЛЕВ Алексей Константинович, 1919 г. Член КПСС, майор, ком. мотоциклетного взвода. Западный, Центральный, 2-й Украинский, 1-й Белорусский фр. 1943-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

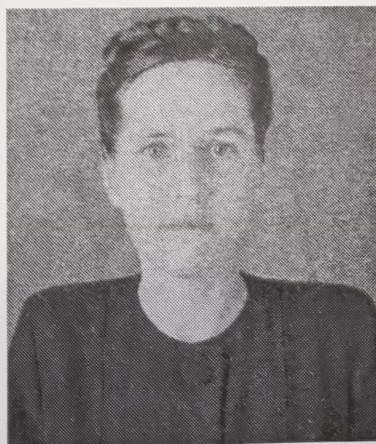
СОБОЛЕВА Елена Михайловна, 1921 г. Ст. сержант, медсестра. Западный, 2-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Л. ранение. Награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

СОЗОНЕНКО Андрей Андреевич, 1910 г. Член КПСС, подполковник, агитатор полка. Забайкальский фр. 1945 г. Награды: орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Кореи», «За победу над Германией», «За победу над Японией», юбилейные.

СОКОЛОВ Федор Васильевич, 1911 г. Член КПСС, подполковник, зам. ком. арт. полка по снабжению. Северо-Западный, Западный, 3-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

СОЛНЦЕВА Александра Александровна, 1918 г. Член КПСС, капитан, врач батальона. 3-й Белорусский фр. 1943-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

СТАРМОУСОВ Михаил Иванович, 1923 г. Капитан, нач. разведки дивизии. Карельский, 3-й Украинский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., орден Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За взятие Вены», «За победу над Германией», юбилейные.

Победители:

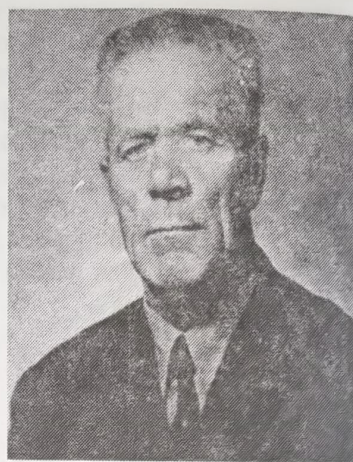
они сражались за Родину

СТЕПАНОВ Федор Николаевич, 1907 г. Рядовой, пулеметчик. 2-й Украинский фр. 1943-1945 гг. 1 т. ранение, 2 л. ранения. Награды: орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

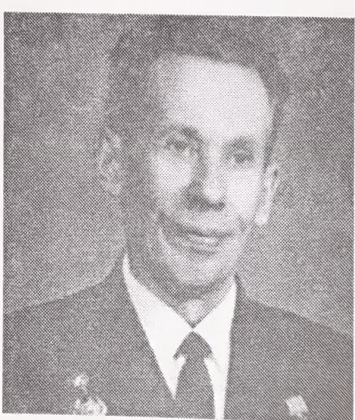
СУВОРОВ Александр Иванович, 1922 г. Член КПСС, лейтенант, ком. минометного взвода. Ленинградский, Волховский, 2-й Прибалтийский, 1-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

СЫЧЁВ Михаил Ильич, 1923 г. Сержант, ком. оружейного расчета. 3-й Прибалтийский фр. 1944 г. 1 т. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

ТЕПЛОХОВ Федор Степанович, 1907 г. Старшина, ком. взвода ПТР. Ленинградский фр. 1941-1943 гг. Т. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ТЕРЕХОВЕЦ Максим Иванович, 1922 г. Старшина, ком. орудия. Западный, 1-й Украинский фр. 1941-1945 гг. 2 т. ранения, 1 л. ранение. Награды: два ордена Красной Звезды, медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За доблестный труд», юбилейные.

ТКАЧЕНКО Иван Никитич, 1909 г. Член КПСС, подполковник, редактор дивизионной газеты. Калининский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За доблестный труд», «За трудовое отличие», «Ветеран войны», юбилейные.

ТОЛСТИКОВ Александр Васильевич, 1915 г. Мл. лейтенант, ком. стр. взвода. Волховский фр. 1941-1943 гг. 1 т. ранение, 1 л. ранение. Награды: медали «За победу над Германией», юбилейные.

ТРЕТЬЯКОВ Андрей Федорович. Член КПСС, мл. лейтенант, ком. минометного взвода. 1-й Прибалтийский, 2-й Белорусский фр. 1943-1945 гг. Т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

ТРИФОНОВ Михаил Васильевич, 1919 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. автопаркового взвода. Брянский, Воронежский, 1-й Украинский фр. 1942-1945 гг. Награды: два ордена Красной Звезды, медали «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», юбилейные.

Уральский добровольческий

К осени 1942 года уральцы сдали в фонд обороны около 3 млрд. рублей. За счет этих добровольных взносов и был в феврале-апреле 1943 года сформирован 30-й Уральский добровольческий танковый корпус. Он был укомплектован добровольцами и оснащен оружием и техникой, изготовленной за счет добровольных пожертвований Свердловской, Челябинской и Молотовской (ныне Пермской) областей. УДТК был включен в состав 4-й танковой армии, в которой с небольшими перерывами вел бои до конца войны. В марте 1945 года 4-я танковая армия стала гвардейской. Стали гвардейцами и воевавшие в ней наши земляки.

*Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны,
Громят врагов советские танкисты,
Своей великой родины сыны.*

*Гремя огнем,
Сверкая блеском стали,
Идут машины
В яростный поход.
Нас в грозный бой
Послал товарищ Сталин,
Любимый маршал
Смело в бой ведет.*

*Заводов труд и труд колхозных пашен
Мы защитим, страну свою храня,
Ударной силой орудийных башен,
И быстротой, и натиском огня.*

*Пусть знает враг итог борьбы великой:
Народ-герой никем не победим!
Мы смерть несем
фашистской банде дикой,
Мы от фашизма мир освободим.*

Берегите мир

Известие о том, что создается Уральский добровольческий танковый корпус, пришло в Камышлов в суровую зиму 1943 года. Я в то время был комсомольцем и работал машинистом паровоза.

Помню, прочитал обращение областного комитета партии, крепко задумался, как быть дальше. Работа на железнодорожном транспорте была для страны нужная, но сердце, совесть требовали быть там, где куется победа над ненавистным врагом. И я подал заявление в военкомат с просьбой зачислить меня бойцом в Уральский добровольческий танковый корпус.

Просьбу мою удовлетворили. В марте 1943 года я познакомился с товарищами по оружию. Вместе со мной из Камышлова уходили 17 человек. Были среди них: начальник станции Лысков, прораб горема-35 Карабасов, работник станции Пышминская Папулов и другие. Никого из них уже нет в живых — все пали смертью храбрых, защищая отчизну.

На фронт, на Орловско-Курскую Дугу прибыли в августе 1943 года. Там в это время немцы потеснили наших. И вот началась великая танковая битва — первая в истории Великой Отечественной войны. Наш корпус двинулся в наступление.

Бой был жестоким. О нем много написано книг. Скажу одно: живыми и невредимыми из боя вышли из роты всего 17 человек. Повезло и мне. Но сильно укрепленный район под Орлом — деревня Барилово — была взята, и наши погнали фашистов на запад.

Перед боем я написал заявление: «... Если погибну, считайте меня коммунистом...» Когда наступило затишье, оставшиеся в живых коммунисты открыли собрание. Меня приняли в партию. Я понимал, что мой святой долг — бить ненавистных фашистов, гнать их прочь с советской земли...

После переформирования наш корпус снова двинулся в бой. Мы освобождали Киев, потом Львов. С боями дошли до Берлина, освобождали Прагу.

Во время боев я был дважды контужен. У меня отнимались руки, ноги. Но в госпиталь не ложился. Оставался в полку. Немного окрепну и снова в бой...

Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За участие в Великой Отечественной войне» и другими.

А. Душин. (№ 146. 1969).

Из-под носа фашистов

Это было в грозном 1943 году под Брянском. Наша танковая бригада вела жестокие бои с ненавистным противником. Шла усиленная артиллерийская перестрелка. Населенные пункты в районе Козельска по нескольку раз переходили из рук в руки. Для подавления огневых позиций противника требовалось много снарядов и другого оружия.

Я был шофером в то время. Каждый день надо было делать по нескольку рейсов. Иногда приходилось доставлять вооружение под огнем противника.

Однажды командир нашего батальона приказал срочно доставить противотанковому истребительному подразделению, ведущему бой в деревне, партию 45-миллиметровых термитных снарядов.

Оценив обстановку, двинулся на своем «ЗИС-5» в путь. С ходу влетаю в деревню. Но что это? Там полно немцев. Слышу их громкое: «Хальт! Хальт!» «Знать, в ловушку попал», — подумал про себя. А проехал уже почти половину деревни. Мелькнула мысль: обратно повернуть. Но как? На краю деревни стоит немецкое боевое охранение.

Не останавливая грузовика, двинулся дальше. До отказа нажал на педаль подачи газа — и вперед. Пока немцы принимали решение, как задержать мой грузовик, я на большой скорости мигом свернул в проулок деревни. А там дальше полевая дорога в лес. Кто там в лесу — не известно. Но раздумывать некогда — вдогонку летят автоматные пули. Ничего, теперь они уже не страшны для моего грузовика.

Так я улизнул из-под самого носа гитлеровцев. В лесу оказалось наше подразделение. Оно по приказу командира бригады заняло выгодное место для ведения огня. Снаряды были на исходе, и командир был очень рад, что помощь пришла вовремя.

М. Шипицын. (№ 146. 1969).

Массовый героизм

...Было это в 1943 году под Кременчугом. Противник пытался форсировать Днепр в трех местах, чтобы внезапным ударом окружить наши танковые и артиллерийские механизированные подразделения и уничтожить

их. Однако танкисты и артиллеристы в тесном взаимодействии опередили фашистов и взорвали мост через Днепр и понтонные переправы.

Но гитлеровцы решили во что бы то ни стало осуществить замысел и начали переправляться через водный рубеж на подручных средствах. Вот тут-то наши танки заговорили в полный голос. Они расстреливали немцев в упор. В Днепре погибло столько фашистов, что по их трупам можно было переправляться на противоположный берег. Три часа длился бой. Мы заставили противника отказаться от своего плана, и фрицы двинули вспять.

А вечером танки мощным ударом по врагу, после артиллерийской и воздушной обработки его позиций, расширили плацдарм на противоположном берегу Днепра. «Тигры» и «Фердинанды» встретились вплотную с нашими боевыми машинами. Часто во время этих встреч немцы не выдерживали ударов и поворачивали назад, подставляя свои борта под огонь наших танков. За два дня задача по

расширению плацдарма была выполнена.

Горячие бои разгорелись за освобождение города Слуцка. Немцы создали здесь огромные склады боеприпасов и продовольствия. Рассчитывали закрепиться для контрударов по советским соединениям, наступавшим на запад. Потерпев поражение в боях, и, будучи не в силах вывести созданные запасы, немецкое командование решило их уничтожить. Выделило для этого специальные отряды. Их-то и окружили наши танкисты, истребили, уничтожили технику и вместе с подошедшей пехотой взяли большие трофеи.

В тяжелых боях танкисты дошли до Варшавы, освобождали братский польский народ от кошмарной фашистской ночи. Они участвовали в штурме Берлина, завершив битву с проклятым гитлеровским зверем в его логове. Механики-водители, командиры орудий, заряжающие — все члены экипажей проявляли массовый героизм.

А. Бачурин. (Из личных воспоминаний).

Победители: они сражались за Родину

ТРУБИНА Анна Ивановна, 1922 г. Член КПСС, ст. сержант, ст. повар батальона. Центральный, 2-й Белорусский фр. 1942-1944 гг. Награды: медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией», юбилейные.

ТУРИНЦЕВ Леонид Сергеевич. 1909 г. Ст. техник, лейтенант, нач. ВТС. Северо-Западный, Западный фр. 1941-1944 гг. Л. ранение, контузия. Награды: медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», юбилейные.

УЛЬЯНОВ Петр Павлович, 1901 г. Рядовой, разведчик. Защита Москвы. 1943 г. Т. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

И на Тихом океане свой закончили поход

16
глава

Эта песня времен гражданской войны, но, к сожалению,
и в Великую Отечественную нашим землякам пришлось
защищать родную землю не только на западных фронтах.
На Дальнем Востоке война была короткой,
но не менее жестокой.

*А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счеты,
Бери шинель, пошли домой!*

*Война насгнула и косила,
Пришел конец и ей самой.
Четыре года мать без сына,
Бери шинель, пошли домой!*

*К земле и неплу наших улиц
Опять, опять, товарищ мой,
Скворцы пропавшие вернулись,
Бери шинель, пошли домой!*

Повторил подвиг Матросова

В ночь на 9 августа мой взвод был отделением придан сосредоточенным на границе нашим общевойсковым подразделениям, а мне с одним подразделением, в котором было 9 человек, приказано было сделать проходы в минных полях для пропуска своих войск. Саперы выполнили свое задание с идеальной чистотой, но, когда по проходам надо было пропустить танки, командир танкового подразделения сказал мне: «Когда буду проходить минное поле, ты пойдешь впереди моего танка». Что и пришлось сделать. Так мы вступили в войну на границе Дальнего Востока.

Преодолев пограничный рубеж, нашей бригаде предстояло преодолеть сильно укрепленный оборонительный рубеж — Мишонский. Мы наткнулись на японский гарнизон, занявший здесь оборону. Чтобы прорвать ее, мы в первый день войны потеряли 240 человек, но поставленную задачу выполнили.

В этом бою приданные второму батальону саперы проявили себя как подлинные патриоты. Рядовой Василий Колесников повторил подвиг Матросова, и ему в дальнейшем было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Прорвав Мишонский укрепрайон, оставив в глубине своей обороны их оставшиеся гарнизоны, мы продолжали свое наступление. Не встретив сопротивления противника, мы в течение ночи продвинулись более чем на 50 километров и перерезали важную железнодорожную магистраль. Дождаясь подхода своих подразделений, заняли оборону. Японцы, не ожидая нашего выхода, утром начали продвижение по железной дороге. Наша группа в течение каких-то двух часов уничтожила две следующие по железной дороге дрезины, уничтожив 22 японских военнослужащих, не потеряв ни одного человека со своей стороны. На этом наше продвижение вперед было закончено, подразделения бригады были брошены на ликвидацию оставшихся в тылу очагов сопротивления.

Но самым ответственным заданием, которое довелось мне выполнять за свою службу, я считаю задания по снятию мин, установленных нашими войсками на своей территории на протяжении 120 километров границы, закрепленной за нашей бригадой. Мы должны были снять все ранее установленные про-

тивотанковые и противопехотные мины, с полной гарантией безопасности территории вдоль границы.

И. Зубарев. (Из личных воспоминаний).

Благодарность за отличные боевые действия

Государственная граница на Дальнем Востоке проходит по горным хребтам и сопкам, покрытыми густыми лесами. В этих труднодоступных местах японская военщина соорудила мощные укрепления, которые тянулись на тысячи километров. Квантунская армия была самой сильной группировкой японских сухопутных войск.

Рано утром 9 августа 1945 года наши войска двинулись на приступ диких гор Большого Хингана. Воины стремительно шли вперед, и вышли на Центральную Маньчжурскую равнину — в тыл основным силам Квантунской армии.

Наш артиллерийский полк выступал в составе 2-го Дальневосточного фронта в направлении года Харбин. Нашей части было приказано с помощью Амурской военной флотилии форсировать многоводные реки Амур и Уссури. В момент форсирования этих рек налетели два японских самолета и начали бомбить корабль и баржу, на которых находилась боевая техника и солдаты. Боевое охранение нашего полка было представлено одним самолетом. Советский летчик сразу пошел прямой атакой на один из японских самолетов, и они оба ушли в густые облака, а второй японский самолет нас атаковал. Бомбы ложились ближе и ближе, видимо, он все-таки нас видел плохо. Нам представилась возможность открыть групповой огонь из личного оружия, и отделению, которым я командовал, удалось сбить вражеский самолет. Это была наша первая большая победа. Боевая техника и личный состав остались боеспособными и завершили форсирование рек, а затем успешно вступили в бой.

При наступлении на город Цзямусы в самый тяжелый момент боя взрывом мины была порвана линия связи. К месту порыва отправили ефрейтора Витю Пастухова и его сразу же убили. Тогда восстановить связь поручили мне. Применяясь к местности, используя каждый ее бугорок, каждую ямину, я,

где бегом, где ползком с автоматом в руке и катушкой полевого провода за спиной двинулся к месту порыва. Я обнаружил, что Витя Пастухов был убит за блиндажом. Блиндажи заглублялись в землю на несколько этажей, и имели подземную телефонную связь с командными пунктами. В них были большие запасы воды и продовольствия. Они могли выдержать длительную осаду. Мне удалось проскочить эту опасную зону и восстановить связь. Вскоре по этой восстановленной ли-

нии связи вновь пошли команды на огневые позиции нашего полка.

Приказом № 372 от 23 августа 1945 года Верховного Главнокомандующего генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина за отличные боевые действия в боях с японцами на Дальнем Востоке мне была объявлена благодарность.

П. Карелин.

(Из личных воспоминаний).

Победители: они сражались за Родину

УФИМЦЕВ Александр Васильевич, 1922 г. Член КПСС, ст. моторист корабля. Северный флот. 1941-1945 гг. Награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья», «За победу над Германией», юбилейные.

ФАТЕЕВ Иван Георгиевич, 1923 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ПНШ полка. 3-й Украинский фр. 1944-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

ФЁДОРОВ Борис Петрович, 1925 г. Член КПСС, рядовой, радист минометного батальона. 1-й Украинский фр. 2 т. ранения. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», «За доблесть», юбилейные.

ХАРЧЕНКО Николай Николаевич, 1917 г. Капитан медслужбы, врач партизанского отряда. 1943-1945 гг., ком. санвзвода, Калининский фр. 1941-1943 гг. Награды: медаль «За победу над Германией».

ХАРЧЕНКО Софья Лазаревна, 1917 г. Член КПСС, майор медслужбы, нач. хирургического отделения госпиталя. 1941-1945 гг. Награды: орден Знака Почета, медали «За победу над Германией», юбилейные.

ХУДАКОВ Дмитрий Васильевич. Капитан, ком. полка Ленинградской партизанской бригады. 1941-1945 гг. Награды: орден Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией», юбилейные.

Хорошая песня есть у М. Ножкина. Написана уже после войны, но как точно передает она душевное состояние солдата, смертельно уставшего от боев, жестокости и крови, которые пришлось ему пережить. Вот он, солдат-победитель, у стен Берлина: «Еще немного, еще чуть-чуть...», но и за эти чуть-чуть придется платить ценой собственной жизни...

*Мы так давно, мы так давно не отдыхали.
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
И завтра, завтра, наконец, последний бой...
Еще немного, еще чуть-чуть,
Последний бой, он трудный самый,
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!*

*Четвертый год нам нет житья от этих фрицев,
Четвертый год соленый пот и кровь рекой.
А мне б в девчоночку хорошую влюбиться,
А мне б до родины дотронуться рукой.
Еще немного, еще чуть-чуть,
Последний бой, он трудный самый,
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!*

*Последний раз сойдемся завтра в рукопашной,
Последний раз России можем послужить.
А за нее и помереть совсем не страшно,
Но каждый все-таки надеется дожить.
Еще немного, еще чуть-чуть,
Последний бой, он трудный самый,
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!*

Дошел почти до самого Берлина

Тысячи трудных армейских верст по дорогам войны прошел пехотинец Алексей Григорьевич Селиверстов.

...Ровно к 8 утра, как обычно, приходил Алексей на кожевенный завод, становился к станку и делал свою обычную работу: точил детали к машинам. И замечал он, как редели цехи. Бывали дни, когда по 5-6 мужчин не появлялись больше у своих станков. По повесткам, врученным им военкоматом, уходили они на фронт. Алексея грызла совесть: уходят воевать даже пожилые люди, а он, двадцатилетний парень, полный сил, все стоит в резерве. Дошел черед и до Селиверстова. В марте 1942 года ушел на фронт и он. Маршевая рота. Алексея и других молодых солдат учили, как стрелять, как окапываться, когда окажешься на передовой.

— Теперь умеешь стрелять? — спросил его командир.

— Умею, — гордо ответил солдат-комсомолец.

В тот же день новобранцев погрузили в эшелон. «Доведется ли вернуться домой, — думал он, — вон, сколько похоронок приходит в город».

Это было на Волховском фронте. Прибыл сюда рядовой Алексей Селиверстов. Сказали, что будет служить в 242-м стрелковом полку.

— Значит, пехота, — сказал Алексей рядом стоявшему пожилому солдату, — сто верст пройдет, и еще охота.

— Не горюй, парень, — ответил солдат, как потом он узнал по фамилии Пяточкин, — если надо, то и тысячу пройдем, а до самого главного зверя Гитлера доберемся.

Но прежде, чем снять три шкуры с врага, пришлось не раз умыться в крови, что текла по реке Волхов. Для начала обстрелялся на передовой. Обвыкся, автоматчиком назначили. Леса и болота вполне были пригодны для охоты на немца. Стояла весна. За Волховом обнаглели немцы. Выпьют шнапса, в гармошки губные наигрывают. Веселятся. А наши солдаты поодиночке подберутся к немецким увеселительным точкам, одного, другого на мушку. И нет фрица.

— Редели ряды у немчуры, — вспоминает Алексей Селиверстов, — а когда погнали, то совсем не до веселья было им. Где мы с пулеметами, там немчура драпает. Не раз ходи-

ли в атаку. Совсем обвык, на поле боя научился ориентироваться. Уже очень хорошо помогали нам «катушки». Летом я в этом же 242-м стрелковом полку воевал в Брянских лесах, брали Брестскую крепость зимой 1943 года. Не менее сотни фашистов истребил. Имел ранение. В госпитале пролежал только один месяц с 29 марта по 13 мая 1944 года. Возвращаюсь на передовую и радуюсь, опять наш 242-й стрелковый воюет. Уже путь держит на Берлин.

А командир полка товарищ Сирий улыбнулся мне при встрече и сказал:

— Думали, трудно нам без тебя. Да и вряд ли дойдем до Берлина. Спасибо, товарищ Селиверстов.

Он представил меня молодому поколению, попросил их равняться на меня, мол, и штык не берет, и пуля не тронет. Здесь Алексей Селиверстов стал младшим сержантом.

Всякое было на фронте. Иной солдат еще до передовой линии не дойдет, а шальная пуля либо ранит, либо совсем убьет. А вот Алексею Григорьевичу везло. Три года и восемь месяцев пробыл на передовой. Иногда в атаку ходил вместе с танками, а больше своим полком управлялись. Наград у гвардейца пехоты Алексея Селиверстова немного, но самая для него высокая — орден Славы 3-й степени за снайперские дела.

«Вы прошли большой и тяжелый путь по дорогам войны, немало суровых испытаний выпало на вашу долю, — читаем мы в памятке, подписанной маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, выданной Алексею Селиверстову в октябре 1945 года при демобилизации из действующей армии и возвращении на родину, — но трудности и лишения, которые пришлось пережить в сражениях и походах, не прошли даром. На нашу долю выпала великая честь — добить врага в центре его звериного логова и водрузить над Берлином знамя победы».

Замечу, Алексея Григорьевича и весь 242-й стрелковый полк, входивший в 82-ю стрелковую дивизию, впоследствии названную Запорожской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого, День победы застиг в 20 километрах от Берлина.

В Кремле, на приеме в честь участников парада Победы, говорил товарищ Сталин «о людях простых, обычных, скромных...», звания у которых нет и чинов мало, но людях, являющихся такими «винтиками», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела, людях, которые держат нас, как основание держит вершину».

Таким «винтиком» был и наш земляк А.Г. Селиверстов. Вернулся он снова на кожевенный завод, встал к токарному станку и проработал 35 лет.

Вот такая моя короткая повесть о большом пути пехотинца-гвардейца.

В. Каргаполов. (№ 32. 1981).

На Берлин!

...В начале апреля 1945 года маршала Жукова Г.К. срочно вызвали в Генштаб. Вскоре он вернулся с утвержденным планом штурма Берлина. Начало операции назначалось на 16 апреля. Главный удар намечалось нанести силами 5-й общевойсковых и двух танковых армий. Для взятия Берлина с последующим выходом на Эльбу отводился срок две недели.

Сложность операции заключалась в том, что все пространство от Одера, где сосредоточились наши войска, до окраин Берлина было плотно насыщено системой оборонительных сооружений, которые предстояло преодолевать, претерпев при этом значительные материальные и людские потери. Сам Берлин тоже опоясывали три оборонительные полосы. В столице нашим войскам противостоял 1 млн. 200 тысяч вооруженных людей, 14 танковых дивизий, 10 тысяч орудий и минометов, более трех тысяч самолетов, фаусники, в резерве за Берлином — 9 дивизий. Особенно сильно были укреплены Зееловские высоты, прикрывающие доступы к городу.

Командованию всех уровней стало ясно, что легкого успеха ждать не стоит. Потребуется удар ошеломляющей силы. Его и начали готовить. На крупном макете Берлина проводились командно-штабные учения для выработки и принятия правильных решений, тактики и последовательности захвата отдельных участков и объектов города, взаимодействия частей и родов войск. Развернулась учеба и в войсках по ведению уличных боев. Создавались штурмовые бригады, использовался опыт боев в Сталинграде.

К 12 апреля все войска для решающего удара были переброшены на левый берег Одера. 14 и 15 апреля проведена разведка боем на глубину 5 километров. Ночью 16 апреля началось генеральное сражение за окончательный разгром фашистского государства. Это был мощнейший ночной удар всеокрушающей силы одновременно из несметного количества огневых средств — артиллерии крупных калибров, реактивных «катюш», крупных минометов,

бомбардировщиков — по противнику, ослепленному светом 140 прожекторов. Стрелковые армии броском прорвали первую полосу обороны немцев до Зееловских высот и залегли, встретив сильный огневой отпор. И только ввод в сражение тяжелых танковых полков, позволил за двое суток проломить вторую и третью полосы неприятельской обороны при значительных наших потерях и открыть прямой путь на Берлин.

С 20 апреля началось сражение в Берлине, которое вели в основном общевойсковые армии. Танкам невыгодно воевать на узких улицах, им нужен оперативный простор, поэтому они начали выполнять поставленную задачу — окружение Берлина. После прохода с боями вблизи окраин города танкисты расклевывали внешние немецкие части, лишали их организованного управления. Солдаты группами прятались, где могли — в деревьях, лесах, сараях, в оврагах, зарослях кустарника, оставаясь незамеченными днем, а ночью пробирались в более надежные для укрытия места на занятой нами территории. Предвидя возможную встречу с вооруженными группами немцев, командир полка каждую ночь назначал дежурного офицера и боевое охранение — взвод автоматчиков с двумя-тремя броневидами.

Однажды перед рассветом нас разбудили звуки ближних выстрелов. Это боевое охранение обнаружило в соседней роще перебегающих немецких солдат. Дежурный подполковник Никитин построил свое личное воинство в боевой порядок и повел в сопровождении броневигов для охвата рощи и вытеснения или пленения немцев. Сквозь выстрелы слышались его команды: «Окружай! Гони его к деревне!» — и другие. Цепь вокруг рощи смыкалась. Немцы недружно отстреливались. На моем пути вдруг оказался раненый немец. Я поднял его винтовку, она была заряжена. И тут на узкую тропинку в ста метрах от нас выскочила дикая коза. Я выстрелил в нее, коза упала (ее потом забрали для летней кухни), за ней выбежал немец, я и его уложил. Среди деревьев мелькали, отстреливаясь, другие фашисты. Мой автоматчик резанул по кустам, усмирив стрелков. Мы все, кто как мог, стали кричать немцам, чтобы они не стреляли, что в Берлине идут бои, что «Гитлер капут» и им лучше сдаваться. Сжимая цепь окружения, броневики прострочили рощу из пулеметов. Стрельба утихла. Мы подождали. Из рощи с поднятыми руками вышло около сотни солдат и офицеров. Наши командиры взводов доложили о потерях: ранено 6 солдат, убито 2. И подполковник Никитин погиб от разрывной пули.

...Вслед за танковыми бригадами мы быстро продвигались на запад. При остановках в занятых нами населенных пунктах видели, как местные жители дрожали при виде нас, завоевателей. Видимо, наши солдаты беспокоили их. В одном городке к нам подбежала плохо одетая женщина, которая мне показалась очень молодой и заголосила всхлипывая: «Хэрр офицер! Прошу помочь!». Я ответил, что по-немецки не понимаю. Тогда она почти по-русски говорит: «Зольдатен аллес (все) цап-царап, цап-царап». И подает мне лист бумаги с химическим карандашом, чтобы я написал запрет. Что делать? Написал крупно: «Эту женщину не трогать. Комендант Берзарин». Думаю, кто поверит, а женщина ушла довольная.

...Все успешнее наши войска продвигались к центру города, к рейхстагу, имперской канцелярии. Танкисты 12-го танкового корпуса прорвались к Тиргартен-парку и вместе с войсками 1-й Польской армии очистили его от фашистов. 33-я гвардейская мотострелковая бригада, которая формировалась в Еланских лагерях, и в которой я раньше служил разведчиком, штурмовала рейхстаг вместе с другими. А ее солдаты Михаил Герасимов и Василий Коцарь водрузили красное знамя на Колонне Победы, установленной немцами в 1871 году в честь победы над французами.

2 мая в Берлине закончились бои. Сержант Егоров и боец Кантария водрузили знамя Победы на рейхстаге. Берлин пал. Победа была достигнута не только героизмом воинов и волей командиров, но и безаветной работой нашего народа в тылу, постоянно обеспечивавшего войска боевой техникой, оружием, боеприпасами, одеждой, продовольствием.

В первую неделю мая стояла жаркая погода. Мы, офицеры, решили осмотреть центр города — «логово фашистского зверя». Проехать туда было нелегко. Улицы загромождены развалинами зданий, упавшими столбами, сбитыми деревьями, провалившимися перекрытиями метро (оно в Берлине неглубокое), подбитыми танками, автомобилями, пушками. Пахло гарью, смрадом разлагающихся тел. В окнах многих домов белели флаги капитуляции. Через Бранденбургские ворота мы выехали на Унтер дэн Линдэн. Над рейхстагом реяло Знамя Победы. А купол его вырисовывался на фоне голубого неба ребрами выгнутых стальных балок. Здание рейхстага внешне представляло собой жуткое зрелище: через выбитые окна и двери валил густой дым, стены и скульптурные украшения черны от копоти и сплошь уязвлены белыми выбоинами от пуль и снарядов.

Столпившиеся перед входом солдаты и офицеры кто чем мог расписывались на белых стенах. Расписались и мы, потом сфотографировались на фоне рейхстага (жаль, фотка затерялась). Побывали в подземных закутках имперской канцелярии Гитлера, у стен которой в рытвинах вспаханной снарядами земли вскоре нашли черный труп Геббельса, а потом выкопали обугленные останки Гитлера и его любовницы Евы Браун (нам показывали в кинохронике).

Заглянули мы и в Тиргартен-парк (зоопарк). Голодные обезьяны со страдальческими мордочками, а некоторые с малышами на руках, просили у людей подаяние. Решили искупаться в реке Шпрее. Разделись, мечтали позагорать впервые за четыре года, но тут дунул ветерок с противоположного берега реки, возле которого алюминиевым блеском вырисовывалась длинная полоса гниющей рыбы. Мы чуть не задохнулись от смрада. И все же остались. С нами купались танкисты из соседней части. Рядом бегали местные подростки, мальчишки и девчонки. Я почти все понимал в их разговорах. Вот одна высокая, тощая девочка, увидела эмблемы на погонах танкистов, вскрикнула:

— Панцер! Танк! — и потом почти по-русски, — я фауст стрелял, пих-пах русиш танк!». И еще раз это повторила. Сосед спрашивает:

— Что она бормочет?

— Хвастается, — отвечаю я, — что стреляла фаустиами по нашим танкам.

А он:

— Ну, гадина, погоди! — и за пистолет.

Девчонка в миг булькнула в воду, ее и след простыл. Да, воевали против нас и члены молодежной организации «Гитлерюгенд». Ведь все население от стариков и до молокососов Гитлер поставил под ружье.

По улицам прошли казачьи полки, на мостовых остались клубы конского помета. И тут же появились старики с мешками на ремнях через плечо, быстро подобрали метелками и совками навоз для удобрения своих огородов. А бездомные жители, особенно старики и дети, неприкаянными, шатались по городу, просили у наших солдат милостыню, а некоторые падали, обессиленные голодом.

С 4 мая на улицах появились дымящиеся солдатские кухни, около которых мгновенно стали вырастать длинные очереди голодного населения. Его бесплатно угощали небольшой порцией варева. Так распорядился маршал Жуков, который из Главнокомандующего превратился в Главноначальствующего группы оккупационных войск Германии.

Вот уже неделю отдыхаем. Не слышим ни одного выстрела. Пошли слухи: будем наступать до Парижа. И вдруг долгожданное известие. Дежурный радист, выстрелив в воздух, орет во все горло:

— Победа! Войне конец!

Левитан читает сообщение ТАСС о безоговорочной капитуляции Германии. С сегодняшнего дня 9 мая объявляется праздником — Днем Победы!

Вот она радость, которую ждали 4 года. Ну, как не отметить великое историческое событие, участниками и творцами которого были и мы. И начали, кто во что горазд стрелять: из пистолетов, пулеметов, бронемашин и танков в небо. Вдруг — конский топот. На всем скаку осадил коня начальник штаба армии генерал Радзиевский. Гаркнул:

— Почему шум?! Офицеры ко мне!

Мы подошли. Сашка Конюхов доложил:

— Салютуем победе, товарищ генерал!

А он:

— Прекратить огонь! Хватит пугать немцев! — да как резанет Сашку по спине казачьей нагайкой два раза, и уехал. Синий рубец на Сашкиной спине красовался целую неделю. Днем мы уже официально собрались за праздничным столом. Командир полка поздравил нас с победой. Старшины с девочками-связистками настряпали и сварили к обеду пельмени. Мы допили остаток своих «фронтовых ста граммов», доели НЗ, который стал больше не нужен, горланили песни, танцевали, плясали под аккордеон и ушли на отдых. Вот так необыкновенно скромно отметили мы великую победу мирового значения на месте ее свершения.

Итак, 9 мая 1945 года жители СССР и всей истерзанной Европы отмечали первое утро мира с надеждой на долговечный покой от войн.

А. Соболев. (№ 50. 1998).

Сверным другом «Катюшей»

Начиная с 1942 года, мне довелось сражаться в составе бывшего гвардейского минометного полка. Был командиром минометной установки. Наш род оружия в то время считался самым грозным для врагов. А у наших бойцов пользовался неоспоримым авторитетом. Они называли эти установки «Катюшами», подружками, выручалочками. Где бы

ни появились «Катюши», их огонь наводил ужас на фашистов, вызывая панику.

Воинам нашего вновь сформированного эресовского полка пришлось начинать свой путь от Старой Руссы и продолжить его под Белгородом, Киевом, Варшавой, а закончить свой освободительный поход уже в самом логове фашистской Германии — в Берлине.

И вот о последних днях нашего освободительного похода мне и хотелось рассказать. В конце апреля 1945-го часть, в которой я служил, приданная 1-у Белорусскому фронту, находилась на левом берегу Одера, в районе Кюстрина, в 60 километрах от Берлина. Против нас была полоса сильных немецких укреплений, последний гитлеровский рубеж перед фашистской столицей.

Наступил рассвет. Мощная артиллерийская подготовка. Больше 200 прожекторов, укрепленных на самоходках, на машинах и артиллерийских установках, ослепили противника. На укрепления гитлеровцев обрушилась лавина огня. На позиции немцев ринулись танки и били «Катюши», сметая огнем все преграды на пути. Наши войска прорвали немецкий фронт и заняли Зееловские высоты. От них прямая дорога на Берлин. И мы стремительно ринулись вперед. Навстречу бесконечно шли и шли массы освобожденных узников, ранее угнанных фашистами: советские люди, англичане, французы, поляки... Они восторженно кричали, махали нам разноцветными флажками, выражая свою радость на многих языках: «Руссиш О'кей! Гитлер капут! Фрайгайт! Фриден!». Наши, русские, смеялись и плакали, обнимая бойцов.

На второй день наш полк уже вступил в бой на улицах Берлина. Обстреливал навесным огнем Тиргартен-имперскую канцелярию, где Гитлер сидел в бункере. А затем двинулся к Бранденбургским воротам и к рейхстагу. Так мы с другом «Катюшей» дошли до Берлина.

2 мая Берлин капитулировал. И сразу грохот смолк, стало непривычно тихо. Настал конец войны.

Мы расположились на отдых в каком-то саду и неожиданно увидели около вырытых траншей, как немцы четвертуют убитых лошадей. Нас не боялся. Получив свою порцию мяса, старая немка подошла к нам и на чистом русском языке сказала:

— Вам, наверное, странно, что мы хотим кушать конину. Но мы рады и ей. А ведь у вас в Ленинграде, говорят, еще хуже было.

— Да, фрау, — ответил я, — положение в Ленинграде действительно было тяжелым.

Но ленинградцы выстояли, и свой город немцам не сдали. А вот мы, как вы видите, у вас в Берлине.

Старая немка покачала головой:

— Да, так, так, русские снова пришли в Берлин, — повернулась, сгорбилась и пошла.

Прошло столько лет, и как будто это все было вчера. Навсегда остались в памяти и перед глазами картины страшной войны.

Д. Болдырев. (№ 77. 1975).

«Катюша» Гитлеру не нравилась

На фронте у меня была большая любовь. Никак не мог расстаться с «Катюшей». А она была и быстрой, и горячеей, и красивой. Столько в ней было огня, что он далеко доставал. Стоишь у орудия, а по телефону командир части или соединения говорит:

— Яша, немцу скучно, прямо из себя выходит, просит свидания с дамой.

— Это можно, — отвечаю, — я не ревнивый и команду шоферу, — Миша, газ!

Стремительно мчимся к намеченному квадрату. Стоп! «Катюша» минуту-две бросает свой нежный раскаленный взгляд на нетерпеливых кавалеров. И немцы навсегда успокаиваются. Так было под Моздоком, Новороссийском, Севастополем, уже на немецкой земле, когда форсировали Одер. Как-то приезжал на нашу позицию маршал Г.К. Жуков.

— Спасибо, братцы, — говорит, — хорошее свидание устраиваете. Смотрите, чтобы стволы не остывали.

Ну, а экипаж, как водится, как один человек:

— Служим Советскому Союзу!

Уже в Берлине, в районе рейхстага, гитлеровцы нагромодили такие баррикады, что черт ноги ломает, а за ними много фашистов. Не хотелось тогда стрелять по этому зданию, а все-таки один раз пришлось. Дали несколько веерных залпов. Все разметали и защитников рейхстага, как ветром сдуло.

Ну, как же не любить такую «катюшу»! А вот Гитлеру она не нравилась. Кавалеры рейха не раз пытались разделаться с этой адской машиной, захватить ее. Но, где там, коли она такая быстрая! Так же мгновенно исчезает, как появляется.

Откровенно хочу признаться, что мне было очень радостно получать поощрения от высшего командования, от Президиума Вер-

ховного Совета СССР за умелое обращение с «катюшей».

В письме, которое я получил от маршала Жукова и члена Верховного Совета генерал-лейтенанта Телегина, говорится, что по решению 12-й сессии высшего органа власти страны мне объявлена благодарность за честную службу на благо Родины, за участие в героическом штурме Берлина и за взятие этого города. Кроме того, правительством я награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу» и другими наградами.

Мне, потомственному камышловцу, проработавшему в вагонном депо с 1931 по 1962 год осмотрщиком вагонов, все это очень приятно, дорожу таким доверием и уважением, ибо нет высшей чести, чем защищать свою советскую Родину.

Я. Печеркин. (№ 72. 1980).

С КВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ

До войны я был инструктором Камышловского райкома партии, воевал на фронтах Великой Отечественной войны в качестве политрука, а затем командира минометной роты 7-го отдельного особого лыжного батальона 283-го запасного лыжного полка. Защищал Москву, воевал на Северо-западном фронте, в кровопролитных боях был тяжело ранен, лечился в госпиталях. После того, как в августе 1943 года был упразднен институт военных комиссаров, был направлен на краткосрочные курсы в учебный артиллерийский полк офицерского состава для прохождения ускоренной программы в качестве командира батареи. Потом снова фронт, опять тяжелые ранения, после которых снова больше года лечился в госпиталях.

В августе 1944 года я был направлен в распоряжение 1-го Белорусского фронта, который находился в Польше. Около месяца ползал по переднему краю, ведя разведывательные операции. Затем был назначен командиром 3-й батареи противотанковых пушек. Батареи дивизиона стояли в обороне на Виленском плацдарме г. Пулавы. Это был небольшой клочок польской земли по ту сторону реки Вислы.

В течение 4-х месяцев мы находились в обороне на этом плацдарме. Немцы не прекращали атаковать нас, чтобы сбросить в реку. С нашей стороны также велись все время контратаки, чтобы расширить и укрепить этот плацдарм, который наряду с Сандомир-

ским являлся трамплином для удара в центральном направлении на Берлин.

Во второй половине ноября 1944 года нашей 69-й Армии был дан приказ провести большие мероприятия по подготовке к решительным наступлениям. К 5 декабря 1944 года было все готово, и в 5 часов утра был дан приказ начать артиллерийскую подготовку. На нашем участке действовали сотни «катюш», десятки стволов орудий разного калибра и минометов. Сотни наших бомбардировщиков перед атакой прошли через передний край в глубину тыла противника для бомбежки его рубежей. Земля и небо превратились в сплошное огненное море. Команды подавались только сигналами и маяком, потому что крика было не слышно.

Когда артподготовка была перенесена на 3-й рубеж, нам дали отбой и приказали готовиться к маршу в атаку. Пройдя первую и вторую линии обороны противника, мы вырвались вместе с танками на асфальтированную трассу, по которой ринулась вся техника. К этому времени пешим уже никто не шел. Все имели трофеи, особенно из транспортных средств: автомашины, легковые и грузовые, военные специальные машины, штабные, размером с автобус, мотоциклы, мопеды, телеги, фазтоны, различные коляски. А некоторые любители острых ощущений садились даже на графские кареты. И вся эта громада — сотни тысяч советских вооруженных людей — двигалась вперед.

...И вот мы в Германии. Наша 3-я батарея как-то вырвалась вперед. Я находился с головным первым орудием. После шквала огня артподготовки и работы наших «катюш» первым бросился к реке Одер один из стрелковых батальонов дивизии. Преодолев реку, он атаковал противника и занял часть дамбы на противоположном берегу. По ним тут же открыли огонь танки, минометы и артиллерия противника. Батальон оказался в тяжелейшем состоянии, истекал кровью. Требовалось любой ценой переправить на тот берег несколько противотанковых орудий для поддержки высадившегося десанта. Я попросил у командира разрешения переправиться на тот берег всей нашей 3-й батареей. Как только заиграли «катюши», мы на полном ходу ворвались на настил. Старались двигаться, не сбавляя скорости и не останавливаясь, иначе пойдём ко дну, потому что лед качался, к тому же он был поврежден снарядами. Пройдя до половины, задняя машина и орудие провалились. Не доезжая 150 метров до берега, мы попали в пробитый лед и тоже провалились, а за нами и остальной расчет. Глубина была не более метра, и солдаты буквально на руках вы-

тащили два орудия. Впереди нас шла машина с автоматчиками. Вдруг я заметил черную полосу поперек трассы. Немного сбавили скорость, но впереди шедшая машина уже прошла эту полосу по замеченному позднее мостику. Дорогу пересекал глубокий цементированный ров и через него был проложен мостик. Мы считали, что, коли впереди нас прошла машина, то опасности никакой нет, и прибавили скорость. И только передние колеса прошли середину мостика, как под действием давления задних колес и орудия, произошёл взрыв. Машина подпрыгнула, перевернулась радиатором вниз и упала на дно рва. Расчет, находившийся в машине, перебросило на противоположную сторону рва, двое получили легкие ранения. На машину упало орудие, на него следующая машина с орудием, и получилась свалка. Мы с шофером оказались в самом низу. Опомнился я и пришел в сознание только тогда, когда меня вытащили на берег рва и начали отпаивать. Мне не хотелось ехать в госпиталь, хотя спина сильно болела. Спустя несколько часов, когда я немного отлежался, солдаты дали мне костыли, и я вместе со всей батареей двигался дальше и продолжал командовать. Несколько дней не показывался высшему начальству на глаза, боясь, что отправят в госпиталь.

Мы подходили к сильно укрепленному узлу сопротивления городу Мезериц, вокруг него было четыре линии обороны. Первая полоса — минное поле, затем «ежи» противотанковые и ров, за рвом — бетонированные доты, за ними сплошные траншеи с ходами сообщения. Здесь, на этом рубеже, Гитлером были введены новые силы отборных фашистских молодчиков. В течение целого дня мы долбили из всех видов оружия по немецкой обороне. К вечеру прорвали первую линию и заняли исходную позицию для атаки следующих рубежей. Утром к нам на помощь подехали «катюши», которые своей работой хорошо нам помогли. Оборона противника следующего рубежа была опрокинута, и немцы бежали без оглядки. Мы заняли город Мезериц, и нам было приказано оставаться в нем до тех пор, пока там не начнет действовать советская военная администрация. За овладение крупным узлом сопротивления городом Мезериц весь личный состав нашего противотанкового дивизиона получил личные благодарности от товарища Сталина.

Наша 370-я стрелковая дивизия, ломая все усиливающееся сопротивление врага, продвигалась к последней водной преграде — реке Одер. Когда до нее оставалось километров 10, немцы открыли сильный артиллерий-

ский огонь. Авиация тоже сделала несколько налетов. Нам был дан приказ занять боевой порядок, вести огонь по противнику и готовиться к форсированию Одера и атаке города Франкфурт-на-Одере.

...В это же время к реке подтягивали всевозможные доски, заборы, двери и сколачивали щиты, чтобы на этих подручных средствах дать возможность проскочить по тонкому льду подвижным передовым частям пехоты.

Враг не сдавался. Немцы бросили на наш направление около полутора десятков танков «пантер» и «тигров». За танками следовали бронетранспортеры с автоматчиками, а за ними двигалась пехота. Я дал команду огневым взводам к бою, но приказал открывать огонь только после моего сигнала, когда вражеская техника подойдет на расстояние 600-800 метров. Это были самые напряженные в моральном и физическом отношении минуты.

Танки подходили все ближе и ближе. Они открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов, а немецкие автоматчики повыскакивали из бронетранспортеров и начали перебежками вести атаку. Я бросился к окуляру панорамы, орудие было уже заряжено. Навел перекрестие на борт танка и произвел выстрел. «Тигр» сразу задымился, затем загорелся. Я еще всадил в него два термитных снаряда, и машина загорелась ярким пламенем. Остальные орудия также вели огонь по двигающимся на них танкам. С первых же выстрелов бронбойными и термитными снарядами один за другим загорелись еще две «пантеры». Четвертый танк, обогнав загоревшиеся машины, двигался несколько правее, и невредимым прошел траншею нашей пехоты. Наводчик левофлангового орудия Иванов, который, видимо, был легко контужен воздушной волной, пришел в себя и выстрелом повредил правую гусеницу «тигра». Он завертелся на месте и остановился. В этом бою боевые расчеты стояли насмерть. Ни один из них не дрогнул. По существу, целое подразделение показало военное мастерство по истреблению вражеских бронированных машин. За стойкость и мужество в этом бою большинство артиллеристов были награждены орденами и медалями.

В. Вахтомов.

(№ 186. 1985. Печатается
в сокращении).

Капитуляция

Нам, участникам Берлинской операции, никогда не забыть, как под руинами этого огромного города, над еще не остывшими

стволами орудий и минометов, над раскаленной броней танков мы, прокопченные пороховым дымом войны, с гордостью победителей подняли алые знамена над рейхстагом, наши советские знамена.

Неумолимый суд истории свершился. Карающий меч опустился на головы тех, кто вверг человечество в бездну мук и страданий. Фашистские главы понимали, что падение Берлина — это конец их господству, крушение всех их людоедских планов, неизбежная расплата за злодеяния. Они отдавали себе отчет в том, их самым грозным и беспощадным судьей будет советский народ, больше всех пострадавший в этой войне и вынесший на своих плечах ее основную тяжесть. Но гитлеровское руководство надеялось, что, упорно сопротивляясь, оно может выиграть время, отсрочить свою гибель, тем временем им удастся посорить союзников по антигитлеровской коалиции, заключить с ними сепаратный мир и бросить все силы против советских войск. А если уж и сдавать Берлин, то только англо-американским войскам.

Для обороны Берлина оно бросило около миллиона человек. На их вооружении было 10 400 орудий и минометов, 1 500 танков и штурмовых орудий, около 3 млн. фаустпатронов и 3 300 боевых самолетов.

По надеждам гитлеровских главарей на сговор с союзниками не суждено было осуществиться. Наше командование не дало им времени выполнить коварный замысел. Три наших фронта — Первый и Второй Белорусские, Первый Украинский и Краснознаменный Балтийский флот всего за 13 дней подготовились к штурму и опередили фашистские маневры. Советские воины с боями прошли 600 километров и вышли на линию штурма. В рядах наших войск было 2,5 млн. бойцов и командиров, 41 600 орудий и минометов, 6 250 танков и самоходных орудий, 7 500 боевых самолетов, что создавало превосходство над противником: в людях — в 2,5 раза, в артиллерии — в 4,6 раза, в танках и самоходных орудиях — в 4,1 раза, в авиации — в 2,3 раза. Такое количество войск и вооружения было необходимо потому, что оборона гитлеровцев была очень глубокой и насыщенной боевыми силами и средствами. И еще: Берлин был столицей государства, и вопрос о его судьбе был тесно связан с будущим германского народа. В-третьих, фашистская пропаганда привила немцам грубые националистические чувства, запугала всевозможными ужасами, которыми якобы угрожают ему «полчища азиатского коммунизма».

Солдаты рейха дрались с отчаянием обреченных, ибо знали, что за малейшую по-

пытку сдаваться в плен или дезертировать с поля боя отряды нацистов расстреливают на месте. И, наконец, в Берлине было 600 тысяч зданий превращено в укрепленные пункты обороны.

Из всего этого нетрудно понять, почему глубина пути в 100 километров от Кюнстрина до Берлина продолжалась 16 дней, а непосредственно штурм самого Берлина — 11 дней. Были дни, когда мы продвигались с тяжелыми боями за день лишь на сотни метров. С 16 апреля по 8 мая три наших фронта потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 304 887 человек Гитлеровцы подбили и сожгли 2 156 наших танков и самоходных орудий, 1 220 орудий и минометов, 527 самолетов. И все это за 22 дня боев. Однако боевой дух, идейная убежденность, высокое мастерство наших воинов были сильнее огня и фашизма. А советские люди героическим трудом в тылу обеспечили нас, фронтовиков, всем необходимым для победы.

Каждый из нас глубоко сознавал, что путь на родину, к мирному труду, к своим семьям, родным и близким лежал через Берлин. И мы шли сквозь шквал огня и разящего металла, преодолевали каменные и бетонные препятствия. Скажу так, военно-политические и стратегические соображения диктовали нам: быстрее овладевайте Берлином, не оставляйте противнику шансов на изменение обстановки, опережайте его коварные планы. В этом суть нашего наступления. Советские бойцы и командиры не оставили врагу никаких надежд, с честью выполнили приказ Родины, овладели городом Берлином.

В 18 часов 30 апреля под прикрытием мощнейшего артиллерийского огня советские воины, возглавляемые И.Я. Сьяновым, А.П. Берестом, адъютантом комбата К.В. Гусевым, бросились в атаку на врага, увлекая за собой подразделения. То тут, то там взвивались и алели красные флаги, водруженные над рейхстагом. Среди них был и флаг нашего земляка-сухоложца, комбата С.А. Неустрова. В жаркой схватке его группа опрокинула фашистов и с красным флагом бросилась наверх, прокладывая себе путь гранатами и огнем автоматов. Они вырвались на крышу и укрепили свой флаг. Развернулось соревнование между частями за право и честь первыми водрузить на здание рейхстага советские флаги. Наши солдаты и командиры не щадили жизни, чтобы приблизить желанный час победы.

Но я не могу не говорить и о том, что на западном фронте у немцев творились совсем другие дела. Англо-американские войска по существу не встречали яростного сопротив-

ления. Не умаляя мужества союзных нам солдат и офицеров, мы, однако, не должны замалчивать факты вероломства их командования.

В апреле прекратила сопротивление Рурская группа фашистских войск численностью 325 тысяч человек. Она даже не пыталась вырваться из «Рурского мешка». С Западного фронта по приказу Гитлера сняли 12-ю армию Венка и бросили ее против нас. Это открывало путь американским войскам на Эльбу. 29 апреля капитулировала группировка немецких войск в Италии. Союзное командование беспрепятственно пропускало через свое расположение отступавшие с Востока фашистские соединения и даже предоставляло им переправочные средства.

Совершенно ясно было, что на территории Чехословакии, в южной и западной Австрии, в Баварии и Тироле, Голландии и Дании в то время, когда мы еще вели ожесточенные бои по уничтожению остатков вражеских войск, немецко-фашистские армии добровольно капитулируют перед нашими западными союзниками. План был очевиден: дать зеленую улицу англо-американским войскам в Восточную Германию, Австрию и Чехословакию, а заодно до последней возможности продолжить войну против советской армии.

Теперь все знают, что планы западных держав разрушились под мощными ударами наших войск. Советские бойцы и командиры пришли в Германию с сознанием освободительной миссии, как воины-интернационалисты. Мы не мстили немецкому народу, обманутому фашистской пропагандой.

Честные немецкие люди никогда не забудут подвигов нашей связистки Насти Ольховой, которая, рискуя жизнью, выносила немецких детей из горящих домов. Они не забудут благородной решимости старшины Мальцева и автоматчика Масалова, выносивших под огнем противника из пламени бушующих пожаров малышей. Эти подвиги символизирует монумент, в центре которого возвышается фигура воина-освободителя с ребенком на руках в Берлине, в Трептов-парке, над могилой советских солдат.

К. Шолов. (№ 72. 1980).

рейхстагу!

— Идем?

— Да. К рейхстагу, — отвечаю я майору А. Раскину.

Разговор ведем на НП А.И. Негоды. Комдив 171-й стрелковой дивизии — высо-

кий, широкоплечий, богатырской силы человек. К нему мы прибыли в жаркое время: полки только что зацепились за южный берег Шпрее.

— А, армейцы! — Негода обрадовано встретил нас, представителей 3-й ударной армии.

Он знакомит с обстановкой, говорит, где дела идут лучше.

— А вот у Шаталина туго, — сам сжал кулак, нахмурил брови, — ну, что ж, к нему проведут вас разведчики. Только не теперь. Смотрите, как немец по мосту лупит.

На Шпрее уцелел лишь один мост Мольтке-младший. По нему шли, как на баррикады, штурмом. Первым старший сержант И.Я. Сьянов, его солдаты из батальона нашего уральца Степана Неустроева. Теперь на южном берегу идет горячий бой. Там сражаются части 150-й и 170-й. Слева, за рекой, полк Шаталина очищает здание посольства.

А мост все еще яростно обстреливается противником. Мы ползем вечером. Зарево пожара бледно-розовым отсветом падает на мостовую. Над ней пролетают пулеметные очереди. Сзади шлепается, звеня, мина. Мы с разведчиками в поте лица, по-пластунски, измеряем последние метры войны, спотыкаясь о камни. И вот уже кубарем летим с обочины вниз к разрушенным зданиям.

— Как дела? — спрашиваем.

— Жарко, — чеканит Шаталин, 23-летний майор начштаба 380-го стрелкового полка, заменивший раненого командира.

Лицо его густо залито краской. Помолчав, говорит:

— Вздохнуть некогда!

Мы понимаем Виктора. В молодые годы нелегко управлять полком. А он еще оказался на острие удара. Надо занять квартал правительственных зданий, входящий южным углом в Королевскую площадь. Немцы здесь не просто сопротивляются: идут в контратаки с юга. Что было тут, что испытывал Шаталин, что делали мы — стоит ли излагать? Надо сказать главное: 380-й, овладев предмостными укреплениями, обеспечил переправу главных сил дивизии. По ту сторону Шпрее полк Шаталина, взаимодействуя с 525-м полком с северо-востока, прижал врага к рейхстагу.

А за этими фразами — героизм, подвиги. Я не могу назвать имена всех. Скажу о батальоне старшего лейтенанта К.Я. Самсонова. Того Самсонова, который через 20 лет пронесет Знамя Победы по Красной площади возле Кремля. Офицеры этого батальона поистине были отважными. 30 апреля они повели своих бойцов на штурм рейхстага. Впереди

всех младший лейтенант Еремин и боец Савенко. В их руках красный флаг. На другой день Еремин рассказывал мне: получив ранение, он не остановился на полпути, рывком подбежал к колонне и, сняв с головы бинт, привязал им красное полотнище.

За батальоном Самсонова шел второй батальон капитана Н.И. Никифорова. Он был остановлен в 150 метрах. Положение осложнилось тем, что немцы, отбиваясь, перешли в контратаку, поддержанные танками. Никифоров с одной ротой закрепился в бетонных постройках. А вся тяжесть легла на роту старшего лейтенанта И.Я. Шиголь. Подвиг этой роты занесен в «Историю Великой Отечественной войны». Но тогда ее офицеры и бойцы не думали о славе. Они сражались как герои. Комвзвода младший лейтенант И.И. Афанасьев был убит выстрелом в упор у дверей рейхстага. В 10 метрах от него погиб младший лейтенант Ткаченко. Но штурмовая группа в составе старшего сержанта Харитонов, рядовых Гришина, Матроса и Никишина — всего 18 человек — сквозь огонь прорвались к колонне. Харитонов установил здесь второй флаг. Однако Еремин и Харитонов были у рейхстага не первыми. Их опередили бойцы батальона С.А. Неустроева. Петр Пятницкий первым влетел на ступеньки рейхстага, но, сраженный, замертво упал. Флаг подхватил Петр Щербина. Он взбежал по широкой лестнице, воткнул древко у колонны парадного подъезда. Уже потом перенес его в здание.

В 14.25 в него ворвались в полном составе рота старшего сержанта И.Я. Сьянова, взвод И. Лысенко, рота В. Ярунова их 756-го стрелкового полка, с юга — рота П. Греченкова и пулеметчик П. Шевченко их 647-го. Как в половодье ручьи, текли в рейхстаг советские солдаты. И каждый, кто дрался за этот последний оплот врага, вправе называться героем. Гитлеровцы оборонялись с отчаянием обреченных. Решили на последнее — подожгли здание изнутри. Дым расстилался по коридорам, в зале ожидания, завесой лег на балконы. Дышать нечем. Но именно в такие минуты советские люди идут в бой, презирая смерть. Пулеметчики Середа, Агарков, Бережной, задыхаясь, прочесывают зоны обстрела, прикрывают выходы у дверей, подвалов, на лестничные клетки. Герои штурма не сдают позиций.

Агитатор 756-го полка (150-я дивизия) капитан Прелов срочно пишет листовку «молнию», называет имена героев, призывает стоять насмерть. А героев тут много. Посмотрите, сколько здесь красных флажков! Красные флажки, как символ бесстрашия, вспы-

хивают то у подъездов, то в залах, то на первом, то на втором этажах. Это руками Сорокина, Кошкарбаева, Булатова, Минина, Боброва, Смирнова, Беленкова, Зигатова и других были поставлены наши флаги в логове фашистского зверя. И, наконец, 30 апреля в 21.50 над куполом рейхстага взметнулось знамя Военного совета 3-й ударной армии — знамя Победы. Его водрузили разведчики 756-го стрелкового полка сержант М. Егоров и младший сержант М. Кантария.

Я был счастлив, встретив легендарных знаменосцев там, в Берлине, уже после, как отгремели бои в рейхстаге. Но, когда взвилось над ним победное знамя, борьба не стихала еще два дня и две ночи. В 6.00 2 мая рейх-

стаг пал. В полдень мы с Самсоновым обошли вокруг него. Мы были усталые (не спали сутки), но нас не покидала энергия. Мы подошли к главному входу и долго смотрели на знамя Победы. Оно колыхалось на ветру, алое, как наша кровь, родное и близкое.

— Да, — сказал Самсонов, — кажется, войне конец.

Я крепко пожал ему руку. Прощаясь, Самсонов надел на мою левую руку часы, новенькие, трофейные, «Догма». Как память о том дне, ношу их до сих пор. Они все идут. Прочные, как та Победа, добытая в сорок пятом.

В. Киряев. (№ 77. 1975).

Победители: они сражались за Родину

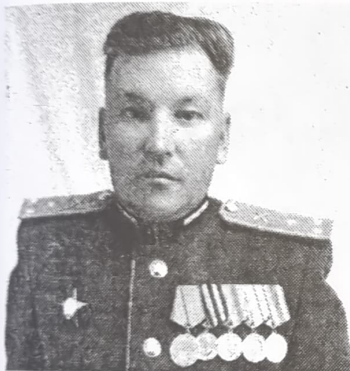
ЧЕРДЫНЦЕВ Александр Дмитриевич, 1908 г. Ст. лейтенант, адъютант медсанбата. Калининский фр. 1941-1942 гг. Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

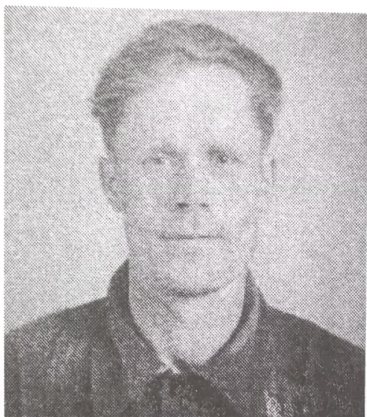
ЧЕРНЫХ Александр Данилович, 1912 г. Член КПСС, лейтенант, ком. взвода разведки. Калининский, Центральный фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Отечественной войны I ст., медали «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

ЧЕРТОВ Иван Андреевич, 1915 г. Член КПСС, майор, ком. стр. батальона. 2-й Белорусский фр. 1944-1945 гг. 2 л. ранения, контузия. Награды: два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

ЧЕЧЕНЕВ Алексей Васильевич, 1919 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. взвода зенитной артиллерии. Калининский, Воронежский, Юго-Западный, 3-й Украинский фр. 1941-1945 гг. 1 л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Севастополя», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», юбилейные.

ЧИКУНОВ Александр Афанасьевич, 1919 г. Капитан, ПНШ полка. Западный, Юго-Западный, 4-й Украинский фр. 1941-1945 гг. 1 т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

ЧУРКИН Петр Михайлович, 1921 г. Член КПСС, ст. лейтенант, ком. роты. Воронежский, Сталинградский фр. 1942 г. Т. ранение. Награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные.

ШАБАНОВ Иван Филиппович, 1918 г. Член КПСС, майор, нач. арт. мастерских. Карельский, Дальневосточный фр. 1941-1945 гг. Награды: два ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За безупречную службу I ст.», юбилейные.

ШАЛЬНЫХ Иван Ефимович, 1916 г. Член КПСС, капитан, нач. тех. снабжения батальона восстановл. ж/д связи. Западный, Калининский, Прибалтийский фр. 1941-1945 гг. Т. ранение. Награды: орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейные.

ШЕВЕЛЕВ Михаил Федорович, 1922 г. Ефрейтор, ком. отделения. 1941-1945 гг. Награды: орден Славы III ст., орден Знак Почета, медали «За победу над Германией», юбилейные, «За доблестный труд».

Победители:

они сражались за Родину

ШЕВЦОВ Кузьма Миронович, 1918 г. Член КПСС, капитан, зам. ком. мин. батареи. Западный фр. 1941-1943 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

ШИЛОВ Константин Иванович, 1912 г. Член КПСС, майор, ком. стр. батальона. Центральный, 1-й Белорусский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение, контузия. Награды: орден Красного Знамени, орден Отечественной войны II ст., медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

ШИЛОВА Мария Николаевна, 1921 г. Старшина медслужбы, санинструктор. Центральный, 1-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Л. ранение. Награды: медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

ШИПИЦЫН Михаил Васильевич, 1903 г. Член КПСС, лейтенант, ком. стр. взвода. Западный, 1-й Украинский фр. 1941-1945 гг. 1 т. ранение, 1 л. ранение. Награды: орден Отечественной войны II ст., медали «За победу над Германией», юбилейные.

ШИРЫКАЛОВ Григорий Георгиевич, 1912 г. Член КПСС, капитан, ком. автотроты. Волховский, 2-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

ШМЕЛЕВ Аркадий Иванович, 1906 г. Капитан и/с, нач. фин. полка. 1-3-й Белорусский, 3-й Украинский, Карельский фр. 1942-1945 гг. Л. ранение, контузия. Награды: медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», юбилейные.

ЩЕПИН Игорь Дмитриевич, 1916 г. Мл. лейтенант, ком. стр. взвода. Юго-Западный, 3-й Украинский фр. 1941-1945 гг. Т. ранение, контузия. Награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За победу над Германией», юбилейные.

ЩЕРБАКОВ Николай Егорович, 1925 г. Член КПСС, лейтенант, мотоциклист. 1-й Украинский фр. 1944-1945 гг. Награды: две медали «За отвагу», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», юбилейные.

ЩУКИН Павел Александрович, 1913 г. Подполковник, ст. врач полка. Карельский, 2-й Белорусский фр. 1941-1945 гг. Л. ранение. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные.

День Победы, о котором мечтали, который, как могли,
приближали на фронте и в тылу взрослые и быстро
повзрослевшие дети, наконец-то настал!

Идут по брусчатке Красной площади красноармейцы,
воины-освободители. Летят к подножью мавзолея знамена
и штандарты некогда непобедимой германской армии,
напоминая всему миру слова великого русского князя
А. Невского: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет!»

*День Победы! Как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек...
Были ветры обгорелые, в пыли —
Этот день мы приближали, как могли.*

*Этот день Победы порохом пропах.
Это праздник с сединою на висках,
Это праздник со слезами на глазах,
День Победы! День Победы! День Победы!*

*Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша родина очей...
Дни и ночи битву трудную вели —
Этот день мы приближали, как могли.*

*Этот день Победы порохом пропах.
Это праздник с сединою на висках,
Это радость со слезами на глазах,
День Победы! День Победы! День Победы!*

Мы победили!

...Наша 9-я гвардейская танковая бригада получила приказ оказать помощь братской Праге, и приказ гвардейцы с честью выполнили. Мы соединились с Уральским добровольческим корпусом, и победа восторжествовала на последнем участке фронта под Златой Прагой.

Так закончилась война и для нас. Наши войска стали готовиться к проведению Парада Победы в Москве. Для участия в параде отбиралось из разных частей по несколько человек. Из нашей бригады выделили 10 воинов, в их числе оказался я.

В Москве мы вошли в состав 2-го Украинского фронта.

24 июня 1945 года состоялся грандиозный парад победителей. Задолго до его начала войска всех фронтов и войска московского гарнизона выстроились в парадной форме.

Тысячи труб сводного оркестра играли марши, а войска шли и шли мимо Кремлевских стен, около Мавзолея Ленина.

Я находился во 2-й колонне Украинского фронта в пятом ряду, второй справа. Мне хорошо было видно, что делается на трибунах Мавзолея и вдоль Кремлевских стен, где были тысячи представителей нашего народа. Это поистине ликующее зрелище! Красная площадь — в праздничном убранстве. Москва — столица нашей Родины, а с нею и вся наша страна торжествовала победу над фашизмом и войной.

Н. Булаев. (№ 72. 1968).

Парад Победы!

8 мая 1945 года в Карлсхорсте — пригороде Берлина — был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Третий рейх пал! Великая Отечественная война Советского Союза победоносно завершилась. 9 Мая объявлено всенародным праздником — Днем Победы.

Через несколько дней после подписания победоносного акта Верховный главнокомандующий И.В. Сталин приказал, пишет в своих воспоминаниях генерал Армии Штенко, доложить ему свои соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией. В результате войска получили приказ: для участия в параде в Москве, в честь победы над фашистской Германией, выделить от фронта сводный полк.

Личный состав для участия в параде от-

бирался из числа бойцов, наиболее отличившихся в боях и имеющих боевые ордена. В сводном полку было 1059 человек. Это шесть рот пехоты, по одной роте артиллеристов, танкистов, летчиков и одна сводная рота из кавалеристов, саперов и связистов.

Сводному полку было приказано прибыть в Москву 10 июня 1945 года, имея при себе 36 боевых знамен наиболее отличившихся в боях соединений и частей фронта и все захваченные в боях войсками знамена соединений и частей противника, независимо от их количества.

Москва собрала на Парад Победы самых доблестных воинов со всех фронтов. Москвичи встречали победителей цветами и музыкой. В 10 пунктах Москвы и Подмоскovie обособились сводные полки фронтовиков. Начались тренировки. Воинов, прошагавших пол-Европы, кавалеров боевых орденов муштровали, как новобранцев. Уставали, конечно, но радость победы брала верх над всем.

Первая репетиция была 12 июня на центральном аэродроме. Вторая и третья репетиции проходили на Красной Площади ночью. Последняя — 21 июня 1945 года.

22 июня в стране был торжественно объявлен приказ Верховного главнокомандующего: «В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной Площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы».

Состоялся он в самый долгий воскресный день июня. В день парада подъем был в 6 часов утра. После завтрака 1-е Гвардейское Московское минометно-артиллерийское Краснознаменное ордена Красной Звезды училище имени Красина было построено на плацу. В его строю были и мы, фронтовики-камышловцы, гвардии курсанты училища: я, Павел Богоявленских, бывший студент 3-го курса Камышловского педучилища, и Борис Водопьянов — инструктор-воспитатель Камышловского детского дома. Мы стояли в развернутом строю при орденах и медалях, в приподнятом настроении, с чувством гордости за нашу победу.

Ответив на приветствие и поздравление начальника училища генерал-майора М.Л. Вовченко, училище в 7 часов утра начало движение на Красную площадь.

Шли мы обычной колонной по четыре человека. Улицы были переполнены. В окнах, на крышах домов — всюду люди.

Нас фотографировали корреспонденты, снимала кинохроника, с пристальным

вниманием рассматривали с трибун гости столицы. Ну, а мы держались на высоте, как победители. Но находились в напряжении, время шло медленно, разговаривать и перекуривать не разрешалось, только попеременно расслаблять ноги, перенося центр тяжести с одной на другую. А радости не было конца. Я думал о мирной и счастливой жизни, о предстоящей встрече с родными, вспоминал дороги войны, своих боевых друзей и товарищей, по которым так истосковался. Вспомнил и педучилище, и своего друга-студента Ваню Поповского. Вместе мы закончили радиокурсы в 1941 году. Ваня погиб в 1942 году на огневой позиции, отражая атаки танков. Но он должен жить в нашей памяти!

Думал я о тех, кто не дожил до этого дня. Вспомнил Бориса Семенова, с которым учился в 5-8 классах в школе № 2, других ребят.

...Бьют Кремлевские куранты. С их последним, десятым, ударом из Спасских ворот на белом коне выезжает заместитель Верховного главнокомандующего маршал Г.К. Жуков. Подается команда: «Смирно!» Командующий парадом маршал К.К. Рокоссовский отдает рапорт. И всю Красную площадь захватывают звуки оркестра. Сводный оркестр в 1400 человек под управлением генерал-майора С.А. Чернецкого исполнял «Славься, русский народ!»

Начался объезд войск. На поздравления маршала Г.К. Жукова сводные полки отвечали ликующим: «Ура!» После этого Георгий Константинович от имени и по поручению Советского правительства, Коммунистической партии произносит с трибуны Мавзолея речь и поздравляет с победой всех собравшихся. Радио разносит это поздравление по всей стране.

Торжественный марш сводные полки совершают в том порядке, в каком располагались наши фронты с севера на юг. Первым шел полк Карельского фронта под командо-

ванием маршала Мерецкова, вслед за ним шли колонны других фронтов. Их возглавляли маршал А.А. Говоров, генерал армии И.Х. Баграмян, маршал А.М. Василевский, заместитель Рокоссовского, генерал-полковник К.П. Трубников, заместитель Г.К. Жукова, генерал армии В.Д. Соколовский, маршал И.С. Конев, генерал армии А.И. Еременко, маршал Р.Я. Малиновский, маршал Ф.И. Толбухин. Шествие сводных полков замыкали моряки во главе с вице-адмиралом В.Г. Фадеевым.

Оркестр смолк. Под резкую дробь барабанов (их было 80) колонны с двумя сотнями вражеских знамен, поравнялись с Мавзолеем, в повороте направо с силой бросали знамена побежденных войск. Восторженно аплодировали трибуны, вскакивали с места зарубежные дипломаты и военные, чтобы лучше видеть это.

После прохождения училищ на рысях прошла конница, стремительно пронеслись артиллерия, танки и самоходные орудия. Парад длился 2 часа. Но за этими ста двадцатью минутами — 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны.

Был сильный дождь. Природа как бы оплакивала погибших. Прохождение колонн трудящихся из-за непогоды было отменено. К вечеру дождь прекратился. На улицах Москвы вновь воцарился праздник. Высоко в небе в лучах мощных прожекторов реяли алые полотнища с изображениями В.И. Ленина и И.В. Сталина, величественно плыл сверкающий орден Победы.

Я горжусь, что был участником этого исторического Парада Победы на Красной площади. Позднее стало известно, что кроме меня в Параде Победы принимали участие и другие камышловцы: В. Вечтомов, В. Водопьянов и Н. Булаев.

П. Боголюбских. (№ 74. 1987).

Список литературы, использованной при подготовке сборника

1. Большой энциклопедический словарь. М., «Большая Российская энциклопедия». Санкт-Петербург, «Норинт», 1997.
2. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», 1985.
3. «Друзья-однополчане». М., «Музыка», 1985.
4. Друнина Ю. «Избранное». М., «Художественная литература», 1989.
5. «Нам дороги эти позабыть нельзя». Песни Великой Отечественной войны. Свердловский областной центр «Наследие», Екатеринбург, 2000.
6. «О Родине, о мужестве, о славе». Стихи и песни фронтовиков Великой Отечественной войны. М., «Советская Россия», 1975.
7. Павленко П.А. «Александр Невский», киноповесть, собр. соч., т. 4, 1954.
8. «Песенник». Военное издательство Министерства Обороны СССР. М., 1965.
9. Песенник «Малиновый звон», ФПГ «Пресса», 1992.
10. «Победа». Стихи военных лет, 1941–1945. М., «Художественная литература», 1985.
11. Сборник песен «Наши любимые песни прежних лет», Екатеринбург, «Уралтранс», 2002.

Судьбы, опаленные войной

По материалам газет «За коммунизм» и «Камышловские известия»

Составители М.И. Полуяктова, О.В. Нифонтова.
Редактор Л.В. Чиркова.
Корректор В.П. Носкова.
Набор О.В. Нифонтова.
Верстка и дизайн С.В. Озорнин.

Подписано в печать 25.12.05. Формат 60х84/8.
Печать офсетная. Гарнитура Newton7C.

Отпечатано в ГУП СО «Камышловская типография».
624860, г. Камышлов Свердловской области, ул. Советская, 25.
Заказ 593. Тираж 250.